

Б 1256846

1256846

1905 год

В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

2007

Б.1256846

Комиссия при Курском Губисполкоме по организации празднования 20-летия Революции 1905 г.

Истпартотдел Курского Губкома РКП (б)

1905 ГОД В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

“ СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ ”

2001r

WV

~~gwp~~

gwp

10

gwp

gwp

93
Комиссия при Курском Губисполкоме по организации
празднования 20-летия Революции 1905 года

Испарторгдел Курского Губкома РКП (б)

1905 ГОД В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

=====

Б.1256846

Кооперативное Издательство
„Советская Деревня“
1925

9(c138) + 9(c)17

Предисловие.

Настоящий сборник не претендует на полноту отражения истории борьбы курских рабочих и крестьян в революционные 1904-й и 1905-й годы.

Истекший двадцатилетний период современности первой русской революции, понятно, не мог не унести из памяти участников этого прошлого многих важнейших моментов и ценнейших эпизодов. По этой причине и по причине почти полного отсутствия архивного документального материала не представилось возможным дать законченное представление о революционном движении в 1905 году в Курской губернии, как это ставил себе задачей Истпартотдел.

Особенно эти замечания могут быть отнесены к разделу сборника—«Из истории Курской организации РС-ДРП»,—материалами для которого, главным образом, служили воспоминания отдельных товарищей, принимавших то или иное участие в работе партии того времени.

Сознавая, что сборник имеет не мало существенных пробелов, Истпартотдел все-же считает, что настоящий труд не бесполезен, и что он так или иначе явится, хотя и очень скромным, вкладом в общую летопись борьбы Российского пролетариата.

В составлении и редактировании сборника принимали участие т.т. Н. В. Ковалев, А. В. Соколов, Е. И. Брянцева, Б. А. Вернер и В. Е. Дедушенко.

Истпартотдел.

Дневник политических и революционных событий по Курской губернии за 1905-й год *).

1905 год. Январь. 20 (2/II)	Курский Комитет РС-ДРП выпустил листовку-бюллетень по поводу событий «9 Января» и лживости правительственных сообщений.
31 (13/II)	В ночь кр-не В. Деревенек (Льгов. у.) вырубил и вывезли 200 корней из леса Барятинского, оказав сопротивление пристапу.
Февраль. 6 (19)	Крестьяне с. Сального и д. Холзовки (Дмитриевск. уезда) произвели массовую порубку леса у землевладельца Попова и избили урядника и самого владельца за попытку повести расследование.
10—13 (23—26)	В г. Курске назревает движение учащихся средних учебных заведений.
12 (25)	Началась забастовка на почве экономической недовольственности на Московско-Курском жел. - дор. участке.
13 (26)	За отсутствием поддержки со стороны других служб М.-К. жел. дороги забастовка прекратилась. Учащимися гор. Курска выработана петиция к начальству (требование отмены опеки, свободы совести и т. д.) и вручена по принадлежности.
14 (27)	За отказом удовлетворить требования учащихся и угрозы исключения зачинщиков, началась забастовка по учебным заведениям г. Курска. Столкновение демонстрации учащихся с полицией, в результате которого оказалось масса избитых учеников до полусмерти. Вечером состоялось собрание родителей учащихся в Общественном Клубе по поводу учиненного полицией побоища.

1) Составлен по материалам Испартотдела ГК РКП (б).

(Числа приведены по старому стилю; в скобках указан новый стиль)

- Февраль.**
15 (28) Крестьяне с. Сального (Дмитр. у.) разбили экономию купца Черничина.
-
- 18 (3/III) Из Курска в Дмитриев. уезд спешно перебрасывается эскадрон драгун под командой ком-ра Корп. Жанд. Курлова.
-
- 19 (4/III) В ночь разгромлены экономии в Дубовицах—Мейенсдорфа, в Калиновке—Шуфуса и в Клинцах—усадьба Мейенсдорфа.
-
- 20 (5/III) Разгромлены имения Прилепы и Доброе Поле, принадлежащие Мейенсдорфу, и имение Гламаздино—Волкова.
-
- 21 (6/III) К-р Корп. Жанд. Курлов с эскадроном прибывает в Дубовицы. Крестьяне избивают вахмистра и наносят словесное оскорбление офицеру.
-
- 22 (7/III) По распоряжению Курлова в Дубовицах устраивается публичная порка «виновных» за избиение солдата и оскорбление офицера.
В распоряжение Курлова прибывают две роты пехоты.
В ночь крестьяне разгромили Хинельскую экономию Терещенко.
-
- 23 (8/III) Правление Крупецкого сахзавода обратилось с просьбой к Губернатору выслать на защиту военную силу. На завод командирована одна рота.
-
- 27 (12/III) Министерство вн. дел телеграфно предложило Губернатору использовать земских начальников в качестве соглядатаев среди крестьянства.
Губернатор доносит М-ству вн. дел о подавлении беспорядков в Дмитриевском уезде.
-
- В феврале.* В течение всего месяца идут крупные волнения во Львовском и Дмитриевском уездах, заставившие выехать на «усмирение» самого Губернатора.
Широко распространяются прокламации в Дмитриевском уезде, особенно в волостях—Прилеповской, Ольховской и Гламаздинской. В с. Сальном происходит столкновение с приставом за попытку сорвать прокламацию, замеченную им на колодезном столбе.
Вспыхнула забастовка на Курском свечном заводе по причине невероятных тягостей труда.

<i>В феврале.</i>	Началась забастовка в Управлении М.-К.-В. ж. д. на почве экономических требований; забастовка быстро ликвидировалась за неорганизованностью.
<i>В марте.</i>	Прекратилась забастовка на Курском свечном заводе; побуждаемые голодом, рабочие по одиночке возвращались на завод. Курскую с.-д. организацию посетил тов. Каменев в качестве уполномоченного по созыву III-го Съезда партии; на Съезд был избран тов. Аристархов.
<i>В марте—апреле.</i>	Массовые порубки леса по губернии. Полиция берет под особый надзор 30 селений замеченных в этом.
Апрель. 8 (21)	Крестьяне производят поджоги в гор. Льгове.
30 (13/V)	Полиция принимает меры к охране гор. Курска на случай демонстрации в день «1 Мая». Прибыли казачьи сотни — терцы, донцы и уральцы.
М а й. 1 (14)	Курский Комитет РС-ДРП организовал массовки в гор. Курске и слоб. Ямской, проведенные в лесах «Солянка» и «Подосинник». Столкновений с полицией не было.
<i>К концу мая.</i> (В первых числах июня).	В 11 уездах губернии организованы ячейки Крестьянского Союза.
Июнь. 3 (16)	Состоялся Губ. Съезд Крестьянского Союза, на котором участвовали 47 выборщиков от уездов. Съезд избрал 9 депутатов на Учредительный Съезд В.К.С., происходивший в Москве 31-го июля.
<i>В июне.</i>	На ст. Курск толпою солдат, железно-дорожных служащих и прочей публикой был подожжен вагон, в котором укрылся офицер. Причиной тому послужило убийство солдата за то, что последний «осмелился» от имени всей команды просить дополнительных вагонов, ввиду нестерпимой жары.
Июль. 27 (9/VIII)	Крестьяне Черн. Конопельки (Суджанского у.) явились к владельцу Шмитту с требованием допустить безвозмездно пасти скот и землю сдавать по 15 руб. за десятину.
28(10/VIII)	За отказом Шмитта удовлетворить требования крестьян Черн. Конопельки—последние самовольно выпу-

Июль.
28(10/VIII)

стили до 300 голов скота на луг и по лесу, принадлежащих Шмитту.

В июле.

Приехал в Курск профессор Милюков (лидер партии «Народная свобода»), который выступил на собрании в Земской Управе с пространым докладом о никчемности всех революционных партий, кроме им возглавляемой.

Состоялась Губернская Конференция с.-д. по вопросу подготовки вооруженного восстания.

Август.
24 (6/IX)

В ночь крестьяне дер. Новенькой и Федьтовки (Обоянского у.) произвели массовую порубку леса в имении гр. Клейнмихель—Ивня, отогнав стражу и вступив в бой с эконоом. обездом.

В начале сентября.

В Ивню командирруется полусотня казаков для ликвидации беспорядков.

В распоряжение Путивльского исправника из Курска прибывает полусотня казаков для водворения порядка в селениях, примыкающих к Конотопскому уезду.

Сентябрь.
15 (28)

Рабочие Ивнянского сахзавода прекратили работу, требуя введения трех смен и повышения зарплаты. Администрация согласилась на прибавку жалованья. Завод приступил к работе.

19 (2/X)

Кр-не сл. Поповой (Путивл. у.) явились в Леонтьевскую экономию—Терещенко и потребовали сдачи в аренду части земли и приема на работу с платой 1 руб. в день. За отказом, кр-не выгнали из экономии служащих и рабочих, угрожая приступить к разгрому.

20 (3/X)

Студентом Малиутиным в с. Вязовом (Путивл. у.) организован кружок по распространению революционной литературы.

Октябрь.
6 (19)

Получена телеграмма Ц. К. Союза жел.-дор. о забастовке Московского узла. Телеграмма призывала служащих М.-К.-В. ж. д. и М.-К. ж. д. примкнуть к забастовке, захватив телеграф для целей связи.

7 (20)

В ночь состоялось совещание организаторов—партийцев для выработки плана забастовки.

С утра начала забастовку контора службы Движения Курск II; через час прекратил работу весь М.-К.-В. жел.-дор. узел. В 11 часов утра около конторы сл. Движения состоялся митинг, на котором было постановлено снять с работы М.-Курскую и Южную дороги

- Октябрь.**
7 (20) Эти дороги присоединились к забастовке почти без возражений.
К вечеру организуется забастовочный Комитет и Комиссия помощи бастующим.
-
- 8 (21) Организован Комитет по руководству действиями всей дороги. Параллельно избран Комитет делегатов от служащих.
-
- 9 (22) В г. Курске распускается Духовная Семинария, «ввиду нежелания учеников спокойно продолжать учение».
-
- 10 (23) Стачка рабочих на Любимовском сахзаводе (Суджан. у.); рабочие требуют повышения зарплаты и отмены обысков.
-
- 11 (24) За отказом администрации Любимовского завода удовлетворить требования рабочих, начался разгром завода; разгромлены заводские магазины и расхищены товары.
В гор. Курске закрылось Реальное училище на «неопределенное время».
В помещении Губ. Земской Управы состоялась первая сходка забастовавших для разрешения вопросов, касающихся дальнейших перспектив стачечного движения.
Начальник гарнизона г. Курска отдает приказ воинским частям о предоставлении военных сил по требованию Губернатора или Полициймейстера «не ожидая особых распоряжений».
-
- 12 (25) Забастовали рабочие на Бурынском сахзаводе; администрация пошла на уступки.
Прекратились занятия в Губ. Земской Управе; служащие в помещении Управы устроили экстренное собрание.
-
- 13 (26) В помещении Общественного Клуба в г. Курске состоялась очередная сходка либерально-воинствующей интеллигенции.
Толпа черносотенцев, расположившаяся у дверей собрания, избивает каждого выходящего участника сходки.
С ночным поездом на ст. Курск из Харькова и Белгорода прибыла делегация ж.-д. рабочих в числе 41 человек; в ночь-же вся делегация была арестована и препровождена в тюрьму за Московские ворота.

Октябрь.

12—13

(25—26)

Происходят экстренные совещания командиров воинских частей у Губернатора, где вырабатываются операционные планы борьбы с забастовщиками.

Срочно губернатором вызываются из с. Ивня и г. Оболяни казачьи отряды.

12—14

(25—27)

Закрываются в гор. Курске все средние учебные заведения.

Забастовка по гор. Курску расширяется, захватывая мелкие заводы и предприятия.

14 (27)

В г. Курске повсеместно прекратилась работа.

После безуспешной попытки Комитета РС-ДРП организовать Совет Рабочих Депутатов, в г. Курске создается Единый Стаечный Комитет.

Происходят волнения ж.-д. рабочих сл. Ямской по поводу ареста, прибывшей из Харькова и Белгорода, делегации.

18 (31/X)

В г. Судже состоялась демонстрация учащихся по поводу дарования «конституции».

В г. Курске либералами отслужен «благодарственный» молебен по поводу манифеста.

Полиция разогнала толпу служащих и рабочих, собравшихся в помещении Губ. Земской Управы для обсуждения вопросов дальнейшей забастовки в связи с манифестом.

У здания Управления ж.-д. в г. Курске происходит кровавое избиение ученика Землемерного уч-ща.

19 (1/XI)

Состоялось собрание в Губернской Земской Управе рабочих, служащих и учащихся по разрешению Губернатора. В 1 час дня участники собрания вышли на улицу и организованным порядком с красными, флагами двинулись по направлению к собору.

Произошло столкновение демонстрации с черной сотней; черносотенцы, совместно с полицией, учинили побоище. В честь «победы» «преосвященным» Птиримом, по требованию черносотенцев, был отслужен молебен.

С 5 час. вечера в гор. Курске начался еврейский погром; разгромлено до полусотни квартир и десятки магазинов.

Восстанавливается движение поездов по Московско-Курской дороге.

20 (2/XI)

Новый еврейский погром в г. Курске при полной поддержке полиции.

Октябрь. 20 (2/XI)	Восстанавливается движение поездов по Киево-Воронежской ж. д.
21 (3/XI)	Выпущено обращение губернатора «к крестьянам и рабочему люду» по поводу манифеста и с призывом вернуться к мирному труду. По распоряжению губернатора полиция принялась за успокоение разбушевавшейся черной сотни. Полностью прекратились забастовки на Курских жел. дорогах.
22 (4/XI)	Прекратились повсеместно забастовки в г. Курске.
24 (6/XI)	Еврейский погром в Бурны: разбиты 4 лавки и 11 квартир. Депутация Курской Группы Всерос. Союза Адвокатов вручила губернатору копию своего постановления по поводу происшедших событий в г. Курске 19-го и 20-го октября; группа возлагает ответственность за буйство черной сотни на полицию и губернатора.
25 (7/XI)	В дер. Шиловке в имении Апраксиной кр-ми разбиты стекла, уничтожена обстановка в квартире управляющего, захвачено имущество и в ночь сожжена мельница.
26 (8/XI)	В д. Дубинка крестьяне прогнали из имения Черепова рабочих и сожгли стог сена.
28 (10/XI)	В урочище Константиновском кр-не разбили дом Олейникова и захватили мебель. В Дмитриев. уезде на хуторе мещанина Васильченко в ночь сожжены скирды хлеба.
<i>В конце октября. (В начале ноября).</i>	В Дмитриевском уезде начались вновь крупные беспорядки: массовые поджоги построек, скирд хлеба и сена, самовольная пастьба скота по клеверным полям и хищение свеклы с помещичьих полей.
Ноябрь. 1 (14)	Кр-не дер. Ивни явились в графскую экономию с требованием вернуть деньги, уплаченные за аренду пастбища. Под угрозой разгрома, управляющий требование удовлетворил. В сл. Чернянке разбиты две винных лавки (Ново-Оскольский уезд). У купца Маркова сожжена лавка; у князя Касаткина—побиты стекла, обстановка и увезен хлеб; у купца Шевцова сожжена усадьба и маслобойный завод.

Ноябрь.

1 (14)

Кр-не дер. Окуни, разбив винную лавку, сожгли экономию Сискевич.

2 (15)

В слоб. Морквиной (Ново-Оск. у.) сожжены усадьбы Ткачева и Арсеньева; у кр-на Кобелева сожжен скотный двор, увезено сено и хлеб.

Столкновение крестьян в Суджанском уезде с полицией на почве ареста односельчанина; кр-не отбили арестованного, избили Земского Начальника и выгнали пристава.

3 (16)

Кр-не сл. Шараповки (Ново-Оскольского уезда) разбили и сожгли усадьбу графа Доррера.

Крестьяне дер. Ивановки и Петровки (Щигров. у.) разбили усадьбу Небольсина. Произведены порубки леса крестьянами д. Титовки у помещицы Чупятовой и крестьянами села Уколова—у Боткиных.

4 (17)

В Ново-Оскольском уезде в сл. Троицкой сожжена экономия Орлова-Давыдова.

В дер. Никольской сожжены надворные постройки у Мятлева. В сл. Ольшанке разбита винная лавка и сожжена экономия князя Трубецкого с винокурренным заводом и фермой. В дер. Волховке крестьяне захватили и сожгли экономии Гладкова, Нечаевой, Волкова и казенную винную лавку. В Ново-Матвеевке сожжена экономия Старова. При селе Проточном захвачена экономия Иваницкой, а при д. Гладковой разбиты и сожжены усадьбы Гладкова и Калинина. В сел. Коньшине разбиты две экономии и четыре сожжены.

5 (18)

Крестьяне сл. Шараповой (Ново-Оск. у.) захватили имущество в экономии Скибина, а постройки сожгли.

Крестьяне дер. Гусиновки (Льгов. у.) выгнали скот на озимые Ботчинской экономии Евреиновой.

Крестьяне дер. Самариной и Картамышево приступили к разделу помещичьей земли.

6 (19)

При хут. Яковлевке сожжена усадьба Переверзева, а при дер. Елизаветенке экономии Познякова и Бунина.

7 (20)

Губернатором издано обязательное постановление о воспрещении всяких собраний, ношения и хранения оружия и т. д. под страхом штрафа или ареста.

8 (21)

Кр-не с. Долженково забрали имущество стражи, жившей в казенном доме; выгнав стражу, выбили в доме стекла и поломали печи, а в ночь сожгли дом и службы.

Ноябрь.

9 (22)

Кр-не Грузчанской вол. на сходке постановили—подачей не платить, рекрут не давать и не допускать в экономиях работать наемным лицам.

При нападении на усадьбу Собашиных, многочисленный отряд крестьян прогнал казаков и стражников.

10 (23)

Крестьянами захвачены обширные казенные лесные дачи в Долженковской волости (Обоянск. уезда).

11 (24)

В Колпаковской волости (Льгов у.) сожжена экономия помещика Ярош и захвачено имущество.

12 (25)

Крестьяне сел. Косиновки (Обоян. у.) вошли в усадьбу землевладельца Бровцина, сожгли флигель, кормовую солому, забрали хлеб и хозяйственные орудия.

Исправник Обоянского уезда Полетика донес губернатору, что он бессилен спасти уезд от охвативших волнений и просит предать его суду за неспособность.

13 (26)

Крестьяне с. Косиновки (Обоянского у.) явились в экономию Дженева и подожгли дом, несмотря на сопротивление отряда артиллеристов.

В Марыньском хуторе сожжен продуктовый магазин и стог клевера. В имении Суховинных крестьяне произвели массовую порубку леса, с угрозами разгрома (Львовский уезд).

14 (27)

Крестьяне разбили хутор Муравьева при с. Скрыновке, у Голицыных при с. Шептуховке вырубили до 200 корней.

Крестьяне с. Каменевки разгромили экономию Собашиных.

При с. Кустовом сожжена усадьба Шекуна (Трайворонский у.).

Крестьяне с. Печного (Обоянск. у.), во главе со старостой Шатиловым, напали на усадьбу Тутова, разбили дом, сарай и клуню, захватив хлеб, муку и деньги.

Косиновские кр-не разбили экономию богатого кр-на Гамалина и имение Дженева.

15 (28)

В ночь во владениях Покровского (Нижний Реутец, Обоян. у.) сожжен кирпичный сарай.

16 (29)

В ночь крестьяне с.с. Бровцина, Ровни и Реутца совершили нападение на усадьбу Морховца, где сожгли постройки и захватило имущество; ими-же при участии крестьян села Башкотова разбито имение Богуславского.

Ноябрь. 16 (29)	В ночь крестьяне села Горки явились в усадьбу Горяинова и увезли хлеб. Затем, при участии кр-н соседних сел, выбили стекла в доме и захватили мебель, посуду, белье, избив владельца имения и его жену.
17 (30)	В ночь сожжены усадьбы Сомова, Лукина и Карташова (Обоян. уезд).
18 (1/XII)	Из Белгорода выбыл в Корочу полуэскадрон драгун.
19 (2/XII)	Сожжено имение Степенко в с. Коптеве (Обоян. у.). Крестьяне дер. Бокорюковки, за отказ удовлетворить требования, пытались поджечь скотный двор экономии Рыжова; прибывшие драгуны арестовали 8 человек.
22 (5/XII)	В с. Вязовом (Путивл. у.) сход постановил не платить податей пока не будет отобрана у помещиков земля.
23 (6/XII)	В с. Борисовке (Грайвор. у.) состоялся большой митинг крестьян; здесь же производилась запись вступающих в Крестьянский Союз. Из Курека высланы в Борисовку казаки. В с. Белице, при попытке пристава арестовать агитатора, крестьяне напали на полицию и казаков, заставив их отступить, а затем прогнали из волости старшину и писаря.
24 (7/XII)	В с. Скрыновке (Львовского у.) крестьяне вырубili до 400 деревьев.
26 (9/XII)	В м. Звенучке (Дмитриев. у.) в имении Энгельгарда сожжена рига.
<i>В конце ноября. (В начале декабря).</i>	Близ с. Бочечек сожжена монастырская экономия.
30 (13/XII)	Опубликован первый приказ ген. Пантелеева, сменившего Дубасова.
<i>В ноябре.</i>	Крупные волнения в г. Путивле. Произошло столкновение толпы крестьян, пытавшейся освободить арестованных, с воинским караулом и полицией. В ночь, когда крестьяне раз'ехались, полиция произвела массовые аресты по городу.
Декабрь. 5 (18)	Из Белгорода в Грайворон высланы казаки, которые принялись за усмирение.

Декабрь.
6—13
(19—26)

Забастовка на Курском ж. д. узле; движение поездов было парализовано, несмотря на массовые аресты, на 75%.

В начале
декабря.

Состоялась Губернская Конференция РС-ДРП для выборов делегатов на Съезд. Конференция собралась у члена партии т. Корелова, но была разогнана полицией. На конференции были избраны т.т. Аристархов и Сергеев.

7 (20)

В г. Льгове состоялось собрание делегатов сел и деревень уезда для заслушивания распоряжений ген. Пантелеева. Крестьянами была послана царю телеграмма с требованием созыва Гос. Думы и наделения землею.

8 (21)

Кр-не д. Иванчиковой сместили старосту, предварительно его избив.

В с. Грузском состоялся митинг, на котором агитаторы призывали крестьян к захвату власти в свои руки.

В ночь возвратился из Москвы со Съезда делегат слесарь Назаров, который утром сделал доклад о забастовке на Московском жел.-дор. узле. В результате с утра забастовало жел.-дор. депо Курск I.

9 (22)

В ночь произведены массовые аресты на жел. дороге. Арестован весь забастовочный Комитет.

Арестован Начальник станции Артаково—Мухин.

10 (23)

Крестьяне с. Банищ оказали вооруженное сопротивление приставу, пытавшемуся арестовать агитатора Якова Фрундина за неповиновение властям.

Комитет жел.-дор. Управления послал телеграмму Всеросс. Съезду железнодорожников об аресте главарей, с призывом твердо держаться.

11 (24)

Крестьяне с.с. Грузского, Землянки и Поповой слободы сделали нападение на станционную квартиру с целью освободить арестованных агитаторов. Урядник Гель застрелил одного крестьянина, но был тут-же убит. Пристав и стражники, прибывшие для усмирения, были жестоко избиты.

Крестьяне с. Банищ и с. Фитих^ж пытались освободить Начальника станции Артаково—Мухина, но возвратились обратно в село, узнав, что Мухин отправлен в Курск.

Большой митинг кр-н Грузчанской волости и сл. Поповой, на котором было постановлено—«Начальства не признавать, податей не платить и избить полицию».

Декабрь.
12 (25)

Второй большой митинг крестьян Грузчанской волости.

В г. Путивле демонстранты, в числе которых были крестьяне окрестных деревень, напали на Полицейское Управление, где выбили все стекла и двери. В результате перестрелки один оказался убитым и один раненым со стороны нападавших.

Головинский сельский сход (Путивл. у.) отстранил от должности старосту, выбрав другого.

Состоялось многолюдное собрание ж.-дорожников в Управлении М.-К.-В. ж. д.; постановили до освобождения арестованных не приступать к занятиям.

13 (26)

Ж.-д. служащие вновь пытались собраться в Управлении, но были разогнаны жандармерией.

Крестьяне дер. Юрьевой (Рыльск. у.) приступили к рубке леса вблизи Теткино и Сафроньевского монастыря. В соседних экономиях были сняты рабочие.

15 (28)

В Грайворонском уезде вновь открыты винные лавки.

В с. Казацком крестьяне разогнали волостное Правление, побили старшину, а писаря и урядника держали под арестом.

17 (30)

Земский Начальник Дмитриевского уезда доносит губернатору, что кр-не не подчиняются и отказываются выполнять повинности.

Прекратилась забастовка на Курском ж. д. узле.

23 (5/I)

В г. Обояни вновь открыты 2 винных лавки, а по уезду 14 лавок, закрытых ранее в связи с беспорядками.

В д. Старой-Белице произошло вооруженное столкновение крестьян с полицией и казаками за попытку арестовать агитаторов.

В д. Бочечках исправник арестовал 14 членов Комитета.

В с. Казацком арестован один член Комитета.

25 (7/I)

Крестьяне дер. Иванчиковой (Львовского у.) пришли в усадьбу Штейна и разбили окна в доме.

26 (8/I)

В г. Корочи произошло столкновение с казаками и полицией во время святочного кулачного боя.

27 (9/I)

Большой митинг в помещении Корочанской Земской Управы.

Декабрь.
29 (11/I)

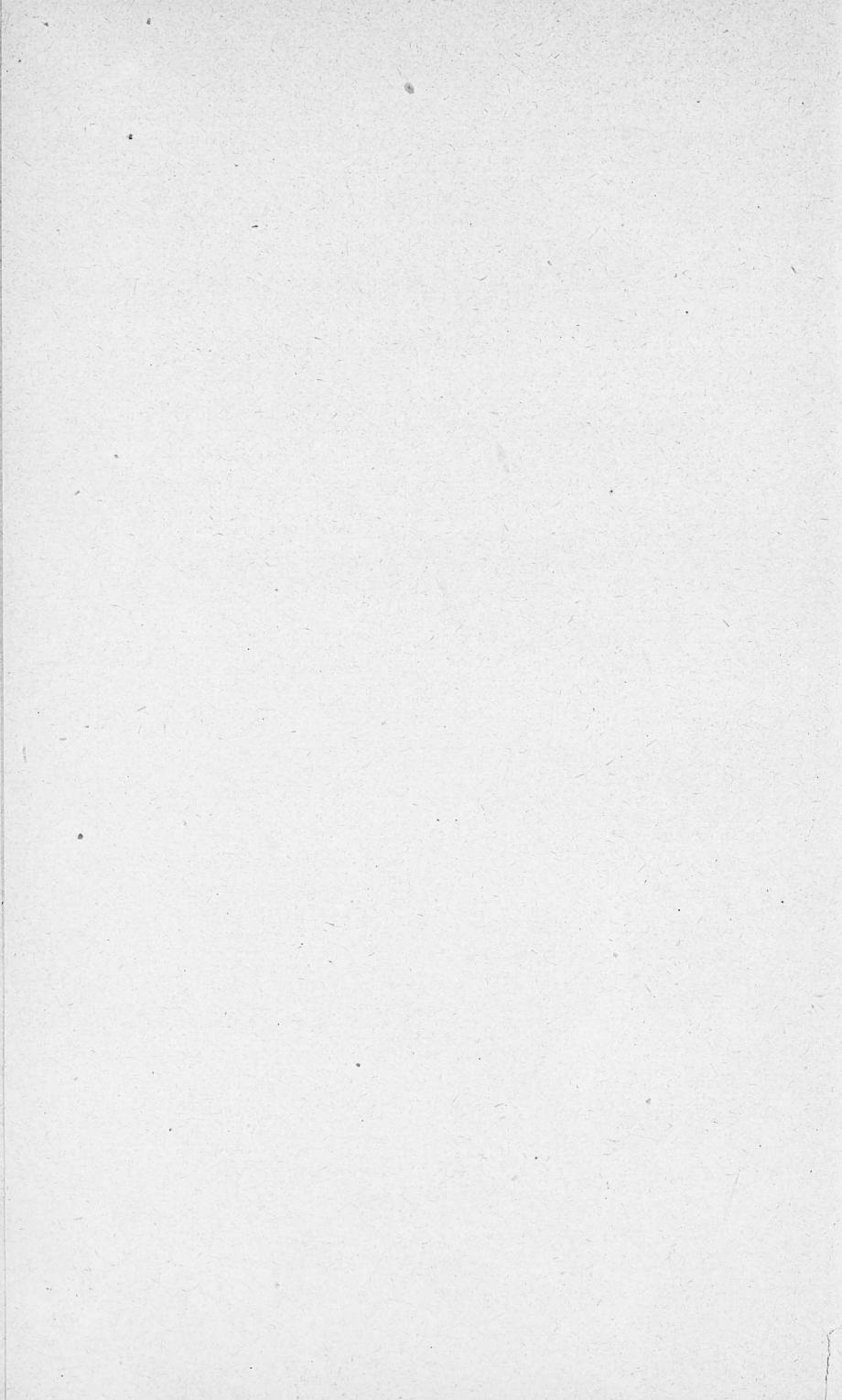
Ряд сел Льговского уезда по набатному звону собрались в большой отряд и, избив пристава и урядника, разгромили имения Терещенко и Стремоухова.

*В конце
декабря.
(В начале
января).*

Прекратились беспорядки в Дмитриевском уезде.

1906 год.
В январе.

По губернии повсеместно подавлено крестьянское движение.

Экономические предпосылки массового движения 1905 года в Курской губернии.

Население Курской губернии на 92% являлось населением сельским и поэтому, естественно, что настоящий очерк касается, главным образом, сельско-хозяйственного производства, тем более, что замедление развития производительных сил сельского хозяйства являлось основным моментом, вызвавшим движение 1905 года в губернии.

Землевла- Исходным пунктом борьбы Курского крестьянства являлось малоземелье, при замедленном **дение.** темпе развития сельского хозяйства. Особенно остро малоземелье чувствовалось в связи с отсталой техникой полеводства и задавленностью крупным землевладением полукрепостного типа.

Землевладение, по данным 1905 года, представлялось в следующем виде:

Всего земель	3.985	тысяч десятин.
Из них: частновладельческой . .	1.392	„ „
или	35,1%	общей площади.
надельной	2.456	тысяч десятин
или	61,9%	общей площади.
земель казны, монастырск.		
и проч.	117	тысяч десятин
или	3%	общей площади.

Имея в среднем площадь 35,1% всех удобных земель, частное землевладение распределялось по губернии не равномерно; так, в Рыльском уезде земли частного владения составляли 66,4%, в Путивльском уезде—52,7%, в Львовском уезде—50,2%, в Дмитриевском—45% и в Щигровском—42,5% общей площади земель уезда. Корочанский уезд включал площадь частновладельческих земель только в размерах 17%. (См. диаграмму 1).

Из земель частного землевладения 1.260 тыс. дес. находилось в руках личных собственников и 132 тыс.—в руках обществ и товариществ, главным образом, крестьянских.

Личное частное землевладение распределялось по условиям следующим образом (см. таблицу и диаграмму 2):

Дворянам	859	тыс. дес.	или 68,2 ⁰ / ₀
Крестьянам	258	„	„ 20,5 ⁰ / ₀
Купцам	97	„	„ 7,7 ⁰ / ₀
Мещанам	35	„	„ 2,8 ⁰ / ₀
Духовенству	8 ¹ / ₂	„	„ 0,7 ⁰ / ₀
Прочим	2	„	„ 0,1 ⁰ / ₀

Всего: 1.259¹/₂ тысяч десятин.

Диаграмма 1.

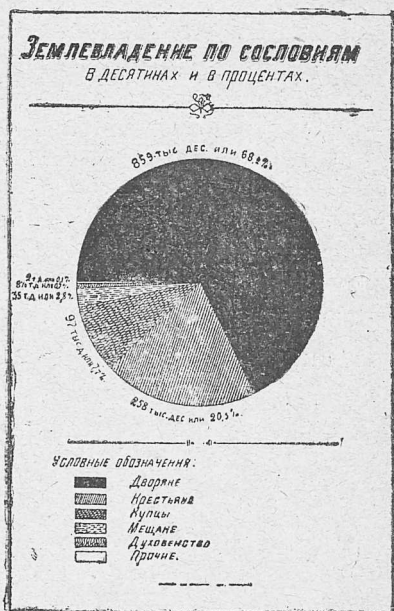

Диаграмма 2.

Наибольшее количество дворянских земель было расположено в Грайворонском уезде, именно: 72,9⁰/₀ площади личного землевладения, в Путивльском—72,7⁰/₀, Рыльском—57,1⁰/₀ и; Львовском—61,7⁰/₀. Крестьянское личное землевладение более других было развито в Дмитриевском уезде—11⁰/₀ и Львовском—10,4⁰/₀ площади личного землевладения.

При рассмотрении категории владельцев по группам, по размерам владений, мы видим следующую весьма поучительную картину:

Группы владений.	Количество владений:		Количество земель:	
	владений	тоже в %	земель	тоже в %
<i>1-я группа.</i>				
До 10 дес. на одно владение	20.681	62	77.747	5,4
От 10 до 20 дес. . .	5.003	15	68.997	4,8
От 20 до 50 дес. . .	3.754	11,3	114.481	7,9
Итого в 1-й группе до 50 дес. . . .	29.438	88,3	261.225	18,1
<i>2-я группа.</i>				
От 50 до 100 дес. .	1.535	4,6	106.346	7,5
От 100 до 300 дес. .	1.501	4,5	261.093	18,2
От 300 до 500 дес. .	419	1,2	162.916	11,2
Итого во 2-й гр. от 50 до 500 дес. . .	3.455	10,3	530.355	36,9
<i>3-я группа.</i>				
От 500 до 1000 дес. .	298	0,9	205.114	14,3
Свыше 1000 дес. . .	157	0,5	441.487	30,7
Итого в 3-й группе свыше 500 дес. .	455	1,4	646.601	45
Всего по губернии:	33.348	100	1.438.181	100

Таким образом, громадное количество владений, именно около 30 тысяч, составляющих 88,3 процента, владели площадью земель—18,1 процента и в то же время—3.910 владений, или 11,7 процента владели площадью в 81,9 процента. Из последней категории выделяется группа—455 вла-

дений (1,4 процента), владеющая 45 процентами всей личной частной собственности, т.-е. ровно в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем 30 тысяч мелких владельцев. (См. диаграмму 3).

КАТЕГОРИИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ПО ГРУППАМ И ПО РАЗМЕРАМ ВЛАДЕНИЙ

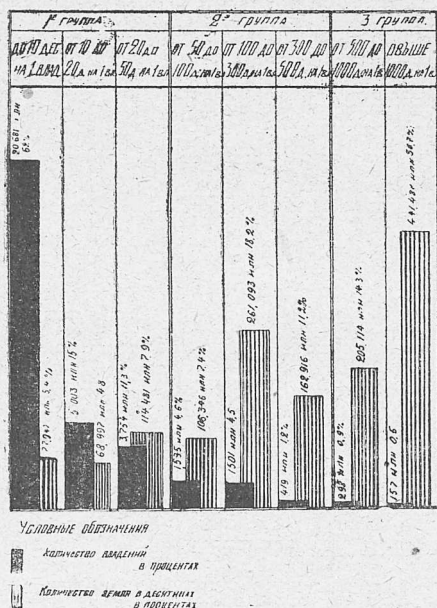

Диаграмма 3.

Прежде, чем перейти к характеристике крупного землевладения, остановимся на размерах крестьянского наделного землевладения. Оно, по данным 1905 года, представлялось в следующем виде:

Категория крестьян.	Общины.		Дворы.		Площадь.	
	Число.	Проц.	Число.	Проц.	Десятин.	Проц.
Бывшие помещичьи . .	2.654	61,5	145.298	43,3	690.091	28,2
Бывшие государствен. .	1.650	38,5	189.983	56,7	1.762.272	71,8
Итого . .	4.304	100	335.281	100	2.452.363	100

В среднем на двор приходилось по 7,3 дес. При этом бывшие государственные крестьяне, составляя 56,7 процента всех дворов, владели 71,8 проц. земли, имея в среднем на один двор 9,3 дес. земли. Бывшие помещичьи крестьяне имели на двор, в среднем по губернии, 4,8 дес. Таким образом, те уезды, где бывшие государственные крестьяне составляли больший процент, были и лучше обеспечены землей. Из таких уездов выделялись: Обоинский—85%, Корочанский—83,6%, Фатежский—78,9% и Тимской—73,6% дворов бывших государственных крестьян. В то же время имели большее количество дворов бывших помещичьих крестьян уезды: Рыльский—88,7%, Путивльский—74,7%, Дмитриевский—75,6%, Львовский—57,7% и Грайворонский—51,6%, естественно, что эти уезды были обеспечены землею гораздо хуже, чем указанные выше.

В общем по губернии имелась малоземельная группа с наделением до $3\frac{1}{2}$ дес. на двор, в количестве 95.551 двор или 28,5%. Всего с наделением до 7 дес., включая и предыдущую группу, было 60,3% всех дворов (201.185 дворов), а свыше 10 дес. имели землю всего лишь 18% дворов. Землю свыше 25 десятин на двор имели всего 8.040 хозяйств. Сравнивая личное землевладение, мы видим, что в то время, как 455 помещиков владели 646 тыс. дес., или в среднем 1.500 дес. на хозяйство, 201 тыс. крестьянских дворов имели наделение по 7 дес. на двор. Обеспечение 7 дес. на двор само по себе недостаточно, а в условиях трехпольного хозяйства, отсталой техники и ограбления крестьянина крепостническим строем, граничило с хроническим голоданием. Еще в более худшем положении находились около 100 тыс. хозяйств с обеспечением на двор до $3\frac{1}{2}$ десятин земли.

В этом была основная причина аграрной революции, исходный пункт борьбы.

Характеристика помещичьего землевладения.

Еще более ярко рисуется тяжелое положение крестьянства при рассмотрении взаимоотношений его с помещичьим землевладением. Крупное землевладение в губернии не являлось в то же время крупным земледельческим хозяйством. Если мы возьмем частновладельческое хозяйство с площадью, размером свыше 100 десятин на отдельное владение, а таких владений было 2.375 с площадью—1.072 тыс. дес., то увидим, что из них 393 тыс. дес. земли сдавалось в аренду, что по отношению к пахотным и сенокосным землям, которых было 838 тыс. дес., составляло 47%, при чем 274 тыс. дес. сдавалось мелкими участками, до 4-х дес. в среднем, 205 тыс. дес. обрабатывались, большею частью, крестьянским инвентарем и только на площади в 239 тыс. дес. велись многопольные севообороты. Но и последняя категория владений, также частично сдавала землю в

аренду или за отработки. Всего арендой было затронуто— 74,6% всех владений личного пользования, размерами, превышающими 100 дес. Кроме того, были еще владения, размерами до 100 дес., с площадью в 367.000 дес. Если отсюда исключить земли крестьян и мещан, то из остальной части дворянских и церковных земель, с площадью в 112.000 дес., сдавалось в аренду также не менее 50.000 дес. и, конечно, мелкими участками. Эти мелкие дворяне гораздо в большей степени выжимали арендную плату с крестьянина, чем даже крупные. Таким образом, всего в аренду сдавалось не менее 450 тыс. дес. земель частного личного владения, из них около 320 тыс. мелкими участками.

Помещичье хозяйство представляло соединение капиталистической системы (с наемными рабочими) с системой полукрепостной, средневековой, которая являлась переходной ступенью от крепостной барщины к капитализму. Сущность отработочной системы, как она определена В. И. Лениным, состояла в том, что „помещичьи земли обрабатывают крестьяне своим инвентарем за плату, частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду); так называемая исполная аренда также являлась разновидностью отработков“. „Для отработочного помещичьего хозяйства необходим наделенный землею крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала, вместо свободного найма, есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд в тридорога“. Эта отработочная система была предусмотрена помещиками еще реформой 1861 года, по крайней мере для черноземных губерний с барщинным хозяйством. В указанном районе, „наделение,“ крестьян землею производилось с таким расчетом, чтобы помещичье хозяйство имело бы рядом малоземельного крестьянина и тем самым возможность дешевле пользоваться крестьянской рабочей силой и инвентарем.

Работа по вольному найму оплачивалась дороже, чем та же работа при выполнении ее в порядке отработков.

Кабальные отношения усугублялись еще и тем, что при реформе 1861 года не было произведено землеустройства и помещики получили не только лучшие земли, но и использовали свою власть для лишения крестьян всякого рода прогонов, выпасов, водопоев и прочее. Зачастую земли помещика так переплетались с землями окружающего

крестьянства, что последнее было вынуждено к аренде, хотя бы и кабальной. Отработочная система задерживала рост сельского хозяйства. Прежде всего, урожай на землях, обрабатываемых крестьянским инвентарем, а также арендуемых крестьянством, был гораздо ниже, чем даже урожай на землях наделных. А так как таких земель было до 650.000 дес., то ежегодный недобор урожая равнялся десяткам миллионов пудов.

Крестьянство, будучи придавлено помещичьим хозяйством, не могло развить во всей широте своей самостоятельности и использовать большой колонизационный фонд на окраинах России. Отработочная система закрепляла старые средневековые методы ведения хозяйства и затрудняла технический его прогресс. Пока оставался гнет старого, средневекового крепостнического земельного строя с помещичьим крупным землевладением, никакая помощь крестьянству не могла дать серьезных результатов.

Крестьян- ское хо- зяйство.

Мы уже указывали на размер крестьянского наделного земледелия, в котором из 335 тысяч дворов 201 тысяча владели участками менее 7 десятин. Кроме того, на правах личной собственности крестьяне владели площадью в 374 тысячи десятин, что составляло 15% площади наделных земель по губернии в среднем. В отдельности же для некоторых уездов площадь частного крестьянского землевладения была больше, именно: для Дмитриевского—25,9%, для Льговского—27,9%, для Рыльского—29,1% и для Путивльского—25,2% по отношению к наделным землям. В среднем по губернии земель частного крестьянского землевладения приходилось на двор 1,1 десятины. Средние цифры, однако, не дают представления о действительном соотношении этих земель к землям наделным. Прежде всего, 31% всех дворов было безлошадных, которые имели, вероятно, очень небольшое количество земель вненаделных и, во всяком случае, ими не пользовались. Из остальной части хозяйств также не все имели купленную землю. В среднем (за 10 лет, например) купившие землю увеличили свое землевладение—при покупке обществами (36 обществ) на 40%, при покупке товариществами (503 товарищества) на 91%, при покупке отдельными домохозяевами на 61% по отношению к наделным землям. Вненадельное землевладение для части крестьянских дворов приобретало все большее значение. Это значение еще увеличивалось размером арендуемых частновладельческих и наделных земель. Из частновладельческих, как указано было раньше, сдавалось в аренду 324 тысячи десятин мелкими участками и около 90 тысяч более крупными. Крестьянских наделных земель сдавалось в аренду всего 137 тысяч десятин 34.645 дворами. Таким образом, общий размер внена-

дельного владения и пользования равнялся свыше 900 тысяч десятин, или свыше 35% по отношению к надельному владению; для отдельных хозяйств этот процент был гораздо выше.

Таким образом, несмотря на сравнительно равномерное распределение надельных земель, запрещение покупки и продажи земель надельного владения, крестьянство постепенно выходило из-под гнета средневековой общины: более зажиточное—покупкой и арендой земель, более бедное—сдачей своих земель в аренду и переходом в разряд батраков и наемных рабочих.

Крестьянское хозяйство в поисках выхода из кризиса. Тяжелое состояние крестьянского хозяйства побуждало его искать выхода, прежде всего, в распадке земель. И, действительно, Курская губерния по количеству распаханых земель после Подольской занимает второе место в России. Значительное количество луговых угодий не только суходольных, но и низинного характера, было обращено в пашню. Вследствие этого луговой фонд сократился. Из этого фонда под сенокосением находилось всего 116 тыс. десятин, с производительностью 15 миллионов пудов сена. При наличии 1.125 тысяч голов скота (коров и лошадей) это давало всего лишь по 13,4 пуда на одну голову, что было до очевидности мало. Сокращение лугового фонда, при отсутствии полевого травосеяния и при наличии трехпольной системы хозяйства, вело к сокращению животноводства. И мы видим, что с 1885 года количество безлошадных хозяйств с 25,1% увеличилось к 1905 году до 31,3% (115.519 дворов). В более малоземельных обществах количество безлошадных доходило до 45 процентов. На примере Грайворонского уезда мы видим следующее соотношение между количествами земель и обеспечением рабочим скотом:

Общества с наделом до 3 дес. на двор	имели безлош.	44,5%
Общества от 3 до 6 дес. на двор	„	32,7%
Общества от 6 до 9 десятин	„	15%.

Безлошадные хозяйства, в большинстве случаев, и составляли контингент населения, сдающего свою землю в аренду. Фактически это был сельско-хозяйственный и другой пролетариат, порвавший с земледелием, и при первой возможности продажи земель порвал бы с владением землей юридически, если бы к тому были соответствующие экономические условия. Такими условиями могли бы быть только более широкое развитие капитализма в сельском хозяйстве. Но это развитие задерживалось полукрепостным строем земледельческого хозяйства и государства.

В поисках выхода из положения, крестьянство стремилось и к покупке земель. Всего по 1905 год было приобре-

тено 374 тысячи десятин, из них за двадцатилетие—с 1886 по 1905 год—247 тысяч десятин, в том числе чрез Крестьянский Банк 135 тыс. Последняя покупка обошлась крестьянству в 21¹/₄ миллиона рублей. Если считать, что земли куплены с рассрочкой на 55¹/₂ лет из 4¹/₂% годовых, то ежегодные платежи должны были составлять около 1.400 тысяч рублей. Покупка остальной части земель, приобретенных не через Крестьянский Банк, обошлась не менее. При малоземельи, цены на землю чрезвычайно повысились, составляя в среднем для земель, купленных через Крестьянский Банк,—194 руб. за десятину и дохода в отдельных случаях до 350—450 рублей за десятину, тогда как цены на землю в 1861 году равнялись 15 руб. за десятину. Мы не ошибемся, если определим цифру расходов на купленную землю за последнее двадцатилетие с 1886 года, включая и 112.000 дес., купленных не через Крестьянский Банк,—в 50 миллионов рублей. Таковую сумму должно было выбросить крестьянство губернии из своего кармана.

Покупка земель была настолько тяжела, что крестьянство часто не оплачивало платежей и лишалось земли. По крайней мере, из земель, купленных через Крестьянский Банк за период 1884—1890 г. в количестве 31.572 десятины—50,5% (или 15.951 десятина) перешло обратно к Банку за невзнос платежей. Конечно, затраченные ранее деньги на приобретение этой земли, покупателям не возвращались. Крестьянский Банк, выдавая ссуды под залог помещичьих земель, фактически поддерживал помещиков и содействовал повышению покупных цен на землю, выручая помещика из тяжелого положения. Сама деятельность Крестьянского Банка носила коммерческий характер и, конечно, никакого разрешения аграрного кризиса не предусматривала. В этом отношении характерно постановление Губернского Земского Собрания за 3-е февраля 1906 года. Оно гласило:

„1. Принцип права собственности при дальнейшей деятельности Крестьянского Банка не только должен быть сохранен, но и должен служить основанием всех практических мер в земельной политике Банка.

2. Деятельность Крестьянского Банка не должна быть исключительно направлена на образование земельного фонда для наделения тем или другим порядком одних лишь малоземельных крестьян, а должна сохранять характер коммерческого, а не землеустроительного учреждения, с допущением свободной конкуренции и передачи земли в крепкие крестьянские руки.

Признать, что способ оценки земли Крестьянским Банком по так называемой естественной ее производительности, предусматривающей урожайность ее при самой минимальной культуре, не отвечает интересам справед-

ливости, целесообразности и правильности оценки и, во всяком случае, поведет не к расширению, а к сокращению сделок. Уплата за проданную землю должна производиться на половину за наличные деньги“.

Курские помещики были, как видно из постановления, людьми „справедливыми“ и не довольствовались получением за землю 200—300 рублей за десятину, а стремились из „чувства справедливости“ получить за землю возможно больше.

Покупаемая земля, независимо от того, покупалась ли она отдельными домохозяевами или обществами, сосредоточивалась в руках более зажиточного крестьянства. Так, из купивших землю за пять лет (1897—1901 г.г.) было безлошадных:

При покупке обществами 15 %

При покупке товариществами 5,5%

При покупке отдельными лицами . . . 4,6%

В то же время процент безлошадных по губернии равнялся 31,3%. Так как на товарищества из всей купленной земли падает около 70%, то ясно, какой незначительный процент беднейшего крестьянства участвовал в этой покупке (5,5%). При покупке земель обществами и товариществами земля делилась не поровну, а сообразно вложенного капитала.

Одним из выходов из положения служила также аренда частновладельческих земель. Мы уже указывали, что в аренде находилось около 324 тысяч десятин, сдаваемых мелкими участками, и около 90 тысяч десятин, сдаваемых крестьянам более крупными участками. При средней арендной плате за землю: под озимые—24 р. 40 к., под яровые посевы—18 р. 20 к., за сенокосы заливные—24 руб. 30 коп. и суходольные—22 р. 40 к., крестьянство выбрасывало громадные суммы за аренду. Нуждаясь в земле, сами крестьяне содействовали увеличению цен. Так, за одно семилетие (1898—1905) арендные цены под озимые хлеба повысились с 16 р. 80 к. до 24 р. 40 к., под яровые с 10 р. 80 к. до 18 р. 20 к., т.-е. повышение достигло за семь лет до 40%, а с 1861 г. цены поднялись с 2 руб. до 24, т.-е. до 1200%. Если взять средние цены за земли разных угодий 22 р., то крестьяне в одном только 1905 году за землю, арендуемую мелкими участками—до 4-х десятин, должны были уплатить 7.128 тыс. и за землю, арендуемую более крупными участками,—до 2-х миллионов рублей, а всего до 9 миллионов рублей. В аренде частновладельческих земель, сдаваемых мелкими участками, принимало участие около 25% крестьянских дворов (72.691 двор с 509 тыс. человек населения). В среднем на один крестьянский двор из дворов, арендующих землю, приходилось арендных платежей до 90 руб. Как покупные,

так и арендуемые земли скапливались, большею частью, у зажиточного крестьянства. Хотя по количеству дворов большая часть арендовала землю из нужды, но большая площадь арендуемой земли находилась у меньшинства, у более зажиточного крестьянства, нанимающего землю с промышленной целью. При этом эта зажиточная часть крестьянства платила за землю несколько дешевле, так как снимала ее большими участками и на более продолжительный срок.

Большинство земель сдавалось в краткосрочную аренду, так как помещик таким путем имел возможность, сообразуясь с спросом, ежегодно повышать цену. Краткосрочная аренда, конечно, была самой хищнической, так как арендатор не мог рассчитывать на оплату расходов по улучшению земель и никаких улучшений не производил, отчего урожаи неизменно падали.

Доходность арендуемых земель была незначительная. Как пример, приводим данные по Щигровскому уезду. Средний за трехлетие (1903—1905 г.г.) урожай озимой ржи давал 28 р. 90 к., за вычетом арендной платы, оставалось 4 р. 50 к., не считая стоимости уборки и очистки зерна, составляющих сумму 13 р. 30 коп. Урожай овса с десятины давал 19 р. 66 к., за вычетом аренды—18 р. 10 к., получался остаток 1 р. 56 к. без учета стоимости обработки, составляющей 11 р. 2 к. При учете обработки, хозяйство, арендующее землю, должно было получить убыток на озимом—8 р. 86 к. и на яровом—9 р. 46 коп. на десятину. Аренда земель, как и покупка их, не давала выхода к улучшению сельского хозяйства. Она высасывала из него все соки, в виде громадных платежей за аренду и купленную землю в размере свыше 10 миллионов рублей ежегодно. Отвлекая капиталы от сельского хозяйства, такое положение не давало возможности развития хозяйства. В результате получался застой и обнищание. Техника крестьянского хозяйства продолжала оставаться отсталой и не могла давать нормальное пропитание всему населению. Избыток рабочих рук, получавшийся в виду застоя, не мог быть использован в сельском хозяйстве. В то же время население продолжало увеличиваться. Так, с 1884 года по 1905 год прибавилось около 750 тысяч человек, или 32,9% сельского населения. Создавалось искусственное аграрное переселение. Крестьянство при этом пыталось найти выход путем переселения на окраины. Однако, процент переселяющихся значительно не доростал до нормы прибавки населения. Так, в то время, когда с 1884 года по 1905 год произошло увеличение на 32,9%, переселялось всего не более 6% (около 105 тысяч человек населения). Мы уже не говорим о том, что контингент переселенцев, большею частью, состоял из

зажиточного населения. Переселяющаяся более бедняцкая часть обычно возвращалась назад совершенно разорившаяся.

Налоги. Положение крестьянского хозяйства, в большинстве задавленного помещиками, кабальной арендой, высокими ценами на землю, ухудшалось еще тяжестью налогов. Так, например, за 1903 год с крестьянства собирались следующие платежи

Сборы казны	4.082	тысячи	рублей
Сборы Земства	1.209	„	„
Страховые сборы	455	„	„
Мирские сборы	1.321	„	„

Итого . . . 7.067 „ „

На каждую десятину приходилось свыше 2 р. 80 к. и на каждый двор свыше 21 руб.

Распределение налогов было таково, что более беднейшее крестьянство было не пропорционально тяжело обложено, например, в Грайворонском уезде земские платежи на 1 десятину надела составляли:

При 3-х дес. на двор	6 р. 60 к.	на дес.
От 3 до 6 дес.	5 р. 30 к.	„ „
От 6 до 9 дес.	4 р. 20 к.	„ „
От 9 до 12 дес.	2 р. 60 к.	„ „
Свыше 12 дес.	1 р. 30 к.	„ „

Насколько тяжело было выполнение платежей, говорит также и размер недоимки, увеличивающейся особенно сильно в годы неурожайные. Так, размер недоимок в 1898 году равнялся 7.356 тысяч, т.-е. на 8% превышал даже сумму основного оклада; размер недоимок в 1900 г.—6.935 тысяч руб. В течение с 1900—1905 г.г. недоимки в казну почти не поступали и в части, касающейся выкупных платежей, с 1901 г. они были рассрочены на несколько лет.

Если подытожить суммы, выплачиваемые крестьянством в виде налогов, аренды и прочее, то получим (см. диаграмму 4):

Налоги и повинности	7.067	тыс.	рублей.
Аренда внеадельных земель	9.000	„	„
Ежегодные платежи за куп. земли через Крестьян. Банк	1.400	„	„

Итого 17.467 „ „

Кроме того, не поддающиеся учету платежи за землю, купленную помимо Банка за двадцатилетие с 1886 г. в количестве 112 тысяч десятин.

По губернии было 335 тысяч крестьянских дворов, работавших разрозненно, не только в отношении производства, но и в отношении сбыта и закупки необходимых средств производства и существования. Мы не имеем сведений относительно товаров и продуктов, ввозимых в Курскую губер-

Диаграмма 4.

нию, но в отношении вывоза можно сказать следующее—в среднем за период с 1900—1901 г. вывозилось в тысячах пудов:

• Наименование хлебов.	В ы в е з е н о:			
	В тысячах пудов.		Тоже в % к общ. сумме.	
	1900 г.	1901 г.	1900 г.	1901 г.
Овса	6.881	7.863	33%	40%
Ржи	5.818	5.189	28%	27%
Гречихи	4.273	2.863	21%	15%
Пшеницы.	2.933	2.672	14%	14%
Проса и проч. хлеба . .	789	723	4%	4%
Итого	20.684	19.310	100%	100%

Если при этом учесть население городов, достигавшее 250 тысяч, то по расчету на едока 15 пуд. муки, требовалось

до 4 миллионов пудов, на винокурение до одного миллиона пудов и до трех миллионов пудов для снабжения населения, занимающегося кустарным промыслом, а всего до восьми миллионов пудов муки, потребляемой на внутреннем рынке. Производство ржи частновладельческих хозяйств не превышало семи миллионов пудов. Таким образом, до 6 миллионов пудов сбывалось на рынке крестьянской ржи, не менее 4 миллионов пудов овса и около 5 миллионов пудов гречихи и проса, а всего до 15.000 хлебозерна крестьянского производства. Этот вывоз говорил о значительной товарности хозяйства. Особенно, если принять во внимание, что он касался вряд ли более 40% хозяйств, ибо 31,3 безлошадных и 25,3 однолошадных хлеба почти не продавали. 40% хозяйств составляли 134.000 дворов. Таким образом, в среднем на двор вывоза приходилось до 100 пудов хлебозерна.

Все передвижение этих значительных количеств зернопродуктов шло через скупщика, через торговый капитал. Торговый капитал в своей организации был несравненно мощнее разрозненных крестьянских хозяйств, которые в силу этого вынуждены были сбывать свой хлеб по пониженной оценке и часто на корню под ссуду. Вынужденное оплачивать с осени громадные арендные платежи и налоги, крестьянство продавало хлеб скупщику осенью по более дешевой цене, покупая зачастую тот же хлеб весной по более дорогой. Обзор средних цен по губернии за 1901—1902 г.г. и сравнение осенних и весенних цен показывает следующее:

Цены в копейках за пуд.

	Рожь.	Овес.	Пшен.	Просо.	Гречиха.	Горох.	Пенька.	Картоф.
В октябре . . .	47,8	42,6	69,6	48,4	62,3	65,7	224,7	12,0
В марте . . .	58,3	68,4	83,1	59,4	83,7	91,3	250,0	25,7
Потеря на пуде .	10,5	25,8	13,5	11,0	21,4	25,6	25,3	13,7

Таким образом, весенние цены превышали осенние на 25—60%. В годы недорода потеря еще больше увеличивалась

Так как крестьянство—среднее и бедняцкое—сбивало хлебопродукты, главным образом, осенью, мы можем представить те значительные потери, которые терпело на продаже и те двойные потери, которые оно вынуждено было терять при обратной покупке хлеба.

Средний валовой сбор зерновых хлебов за 18 лет по 1901 год включительно определяется в 80 миллионов пуд., что, за вычетом на обсеменение, дает чистого сбора 66 миллионов пудов. Вывоз свыше 20 миллионов пудов, таким образом, равнялся 30 с лишним процентам чистого сбора, а для овса 50⁰ чистого сбора. При посевой площади в 2 миллиона десятин, вывоз на внешний рынок ложился в 10 пудов на десятину.

Отчуждение хлеба в таком размере являлось, в значительной части, безусловно вынужденным в первую очередь для оплаты налогов и затем расходов по оплате аренды и покупки земли. Примерные расчеты (данные Курской Казенной Палатой за 1906 год) показывают следующее:

Средняя семья в шесть человек расходовала в год: из расчета 24 пуда муки и крупы на взрослого человека (из 6 человек четыре полурабочих считаются за два взрослых) стоимостью 15 руб. 60 коп., жиров, соли, мяса—6 руб. в год, прочих продуктов 2 р. 40 к., покупка платья и обуви—18 руб., отопление и освещение—6 руб., уплата повинностей—6 руб., итого 52 руб. на человека в год, или 208 рублей на семью; содержание одной коровы и лошади—32 руб., а всего 240 р.

В то же время доходность хозяйства, имеющего в хозяйстве 10 десятин и в севообороте 9¹/₂ д., была следующая:

НАИМЕНОВАНИЕ ХЛЕБОВ.	Площадь посева.	Урожай с дес. в пуд.	Сбор с пло- щади в пуд.	Стоим. пуда зерна в коп.	Общ. стоим. соломы в руб.	Валовой до- ход в руб.	Расход на обсемене- ние в руб.	Условно чистый до- ход в руб.
Рожь . . .	3	53,1	159	52	21	103,83	14,04	89,79
Овес . . .	2	42,2	84,4	48	14,70	55,21	11,52	43,69
Гречиха. .	1	27,7	27,7	71	—	19,66	4,26	15,40
Просо . .	1 ¹ / ₂	35,1	17,6	56	—	9,85	0,56	9,29
Итого дохода	—	—	—	—	—	—	—	158,17

В то же время расход выражался в 240 рублей. Хозяйство несет убыток в 81 руб., которые оно пополняло за счет недоедания населения и недокорма скота и побочных заработков. Мы брали расчет на хозяйство, имеющее земли 10 дес., из них в севообороте $9\frac{1}{2}$ десятин. Однако, таких хозяйств в губернии было всего лишь 18%, а 60% хозяйств имели до 7 десятин на двор. Их положение было несравненно хуже.

Отхожие промыслы. Выше указывалось на положение беднейших слоев населения—малоземельных и безлошадных. Постепенно эта часть сельско-хозяйственного населения, в процессе развития товарно-капиталистического хозяйства, теряла возможность вести самостоятельное хозяйство и выталкивалась в ряды пролетариата. Если отработочное помещичье хозяйство цеплялось за кабального крестьянина, а таким и был крестьянин-середняк, то крестьянин-бедняк, не имеющий лошади и инвентаря и, таким образом, не могущий обрабатывать или брать в аренду землю у помещика, терял для помещика-крепостника значение. Но зато этот крестьянин пополнял потребные кадры батраков для части капиталистических частно-владельческих хозяйств и развивающейся сельской крестьянской буржуазии.

Статистика отхода на различные промыслы говорит следующее:

С 1-го сентября 1904 года по 1-е сентября 1905 года выдано паспортов (количество выданных паспортов почти совпадает с числом отходящих на дальние заработки)—246.410, из которых: 79,9% мужчин, 15,4% женщин и 4,7% паспортов, выданных целым семьям. Из общего количества сельского населения губернии около 2.409 тысяч человек число работников мужчин было 542 тысячи и работников-женщин—588 тысяч. Таким образом, из общего количества работников мужчин уходило на заработки 41,6% и работниц—10,3%. Здесь мы не учитываем количество женщин, работавших на плантациях сахарных заводов. Это количество было не мало, если принять во внимание площадь посевов даже одной заводской свеклы в 32 тысячи десятин (без плантаторской, которой было 26.000 десятин), то во время полки и прорывки свеклы число рабочих женщин доходило до 100—150 тысяч человек. Из уходящих на заработки рабочих 32% составляли чисто сельско-хозяйственные рабочие, идущие, главным образом, в Новороссию и Кавказ, и затем, чернорабочие—29%. Остальные группы более квалифицированных рабочих составляют столяры и бондари—9%, каменщики и штукатуры—10 $\frac{1}{2}$ %, шахтеры—5%, железнодорожники—3% и далее более мелкие группы—кровельщики слесаря, кожевники и т. д., уходившие, главным образом, в города. Главный контингент отхожих рабочих давали безлошадные двory, которых по губернии насчитывалось 115 тыс.

дворов. И затем дворы однолошадные, насчитывающие 93.000, т.-е. более беднейшие группы населения. Процент населения, продающего свою рабочую силу, был несравненно выше, чем процент, указанный выше, отходящих на дальние заработки, так как часть населения находила себе работу в окружающих частновладельческих экономиах и у более зажиточных крестьян своих же деревень, на что обычно не брались паспорта. Зачастую даже среднее крестьянство в сезон сенокосов и уборки применяло наемный труд, нанимая двух-трех работниц или работников.

Рынок труда, как внутри, так и вне губернии не был организован. Рабочие иногда неделями бродили с места на место в поисках работы, ибо помещики не были заинтересованы в организации труда и стремились лишь получить наиболее дешевую рабочую силу, не задумываясь о ее воспроизводстве. Заработная плата отходящих рабочих колебалась для разных категорий и в различное время года; так, например, за 1905 год она по губернии равнялась в копейках на харчах рабочего:

ПЕРИОДЫ ГОДА	Пешему рабочему.	Женщине.	Подростку.
Во время уборки озимых.	66	41	25
Во время уборки яровых.	57	39	23
„ „ сена .	56	31	20
Во время сева озимых .	43	28	18
„ „ овса . .	41	25	18
До начала весенних работ.	34	22	15

Заработная плата тех рабочих, которые уходили на дальние заработки, была выше на 20—30%. Законодательство о труде в сельском хозяйстве почти отсутствовало, и рабочие были в весьма тяжелых условиях. Почти все указанное число отходящих на промыслы к зиме возвращалось домой, чтобы с весны отправиться снова на заработки. Для значительного количества бедняцких дворов доход от земледелия постепенно терял свое значение. Это передвижение кадров рабочих постепенно вырывало крестьянина из кабалы, отработков и содействовало развитию товарного хозяйства.

Несмотря на очень быстрое развитие капитализма в России, преимущественно в области промышленности, он охватывал в последней области только основные отрасли. Целый ряд потребностей населения попрежнему удовлетворялся кустарным производством. В особенности кустарная промышленность

**Кустарная
промыш-
ленность.**

в губернии была развита в более малоземельных районах. Всего в губернии к 1905 году насчитывалось 27.290 кустарей, с общим заработком свыше 2-х миллионов рублей, и 19.000 ремесленников, с общим заработком на сумму около 1.200 тыс. Наиболее были развиты отрасли: кожевенная—80½ тысяч человек, шапочная и портняжная—свыше 4 тысяч человек, кузнечная—свыше 3 тысяч человек; кроме того, еще целый ряд отраслей—столярная, корзиночная, гончарная и проч. Средний заработок кустика для различных отраслей от 50—150 рублей в год. Если считать среднюю семью в шесть человек, то в кустарной промышленности было занято 280 тысяч населения. При более благоприятных условиях кустарная промышленность постепенно развилась бы в соответствующей части в более крупную капиталистического типа промышленность. Но в тех условиях, которые мы описываем, кустарь представлял того же крестьянина, несущего на себе те же тяготы, что и последний, не допущая в земледелии, затрачивая весь свой доход от земледелия на уплату налогов, аренды и проч.; крестьянин подрабатывал на кустарном промысле не только для пропитания своей семьи, но часто для пополнения убытков от земледелия. Таким образом, полукрепостной строй сельского хозяйства ложился таким же гнетом и на сельского кустика. Кроме того, кустарь, по крайней мере, в наиболее развитой отрасли—кожевенной, а также гончарной зависел и от скупщика, от которого получал задатки, товары и кредит, конечно, „побс-жески“ процентами.

Фабрично-заводская промышленность. Земская статистика включала в фабрично-заводскую промышленность целый ряд предприятий кустарного характера и этим только затемняла вопрос о росте капитализма в этой области. Поэтому мы имеем только общие сведения. В 1905 году имелось 3.063 предприятия с количеством свыше 22 тысяч рабочих и производительностью около 31 миллиона руб. Основное место по количеству рабочих и по размеру производства занимали сахарные заводы, числом 21, с количеством 8½ тысяч рабочих и производительностью свыше 20 миллионов рублей. Следующими по мощности были винокуренные заводы, числом 35, имевшие свыше тысячи рабочих и производительностью около 2¼ миллионов рублей. Далее, крупчатные и крупорушны—750, с количеством 1.800 человек рабочих, затем мельницы паровые, водяные и ветряные—около 1.300, с двумя тысячами рабочих, и затем более мелкие производства—кожевенные, мыловаренные, свечно-восковые, всего около 220, с количеством 1.400 человек рабочих. Большинство рабочих, именно 90%, составляли местные крестьяне, имеющие в большинстве случаев землю. Пришлых было только 10%, главным образом,

в производствах, находящихся в городах. Из всего количества рабочих—мужчин было 75% и остальные—женщины и дети. Средний заработок рабочего в сезон не превышал 90 руб. за вычетом расходов на харчи. Из этих цифр видно, что рабочие заводской промышленности не представляли чистого пролетариата, и хотя многие из них не вели непосредственно земледельческого хозяйства, однако, не порывали с землей, передавая ее или исполу, или в аренду. Это был пролетариат с наделом, служившим натуральным dodatком к заработной плате рабочего. Наличие надела у рабочего давало нанимателю-капиталисту снижать заработную плату также и для категории безземельного пролетариата.

В районе города Курска имелись: 3 чугунно-литейных завода, с количеством 64 человека, и 2 механическо-слесарных, с количеством 45 рабочих; кроме того, свечно-восковой завод, с количеством 57 рабочих. Кроме предприятий, имелся еще железнодорожный узел и мастерские при нем. Контингент рабочих доставлялся, главным образом, населением Ямской слободы. Здесь также рабочие не представляли собой чистого пролетариата и пользовались земельными наделами, хотя и не вели непосредственно своего земледельческого хозяйства. Свои разбросанные в Курском уезде земли (были земли даже в Суджанском уезде), площадью около 5.600 десятин, население Ямского общества почти целиком сдавало в аренду, также в аренду сдавались и усадебные места. Даже подати и налоги уплачивались населением не каждым двором в отдельности, а волостным правлением из общей суммы взимаемой арендной платы, остаток которой, за выплатой налогов, распределялся по-душно. Конечно, этот источник не был большим—3-5 рублей на „мужскую душу“, или 10-15 рублей на двор в год.

Мы дали в этом беглом очерке представление **Неурожай 1905 года.** об основных причинах аграрного кризиса, вызвавшего массовое революционное движение в 1905 году. Кроме этого, были еще непосредственные причины, какими являлся недород 1905 года. Как видно из нижеследующей таблицы, недород был весьма значительный. Урожай 1905 года, в особенности для яровых хлебов, был ниже, чем средний за последние семь лет (1898—1904 г.г.).

Также значительно пониженный урожай был в Обоянском, Тимском, Фатежском и Щигровском уездах. Таким образом, из 15 уездов восемь были постигнуты недородом, в связи с чем уменьшился спрос на рабочие руки, а равно понизилась на 15—20% заработная плата наемным рабочим. Далее, промышленный кризис 1900—1902 года также оказал некоторое влияние сокращением отхожих промыслов. И, наконец, не осталась и без влияния японская война.

Хотя в целом отвлечение рабочей силы из сельского хозяйства и не было значительным, но для ряда более беднейших хозяйств уход работников значительно ухудшал их положение.

Наименование.	О в е с.		Гречиха.		П р о с о.		Ячмень.	
	Сред- няя за 7 лет.	За 1905 г.	Сред- няя за 7 лет.	За 1905 г.	Сред- няя за 7 лет.	За 1905 г.	Сред- няя за 7 лет.	За 1905 г.
По губернии в целом. . . .	49,0	41,0	32,2	22,7	50,0	31,1	52,6	37,9
Белгородск. уезд.	56,0	27,5	21,0	10,5	44,9	21,1	45,6	23,6
Корочанский уезд.	41,7	21,1	32,2	7,4	23,9	19,4	43,8	17,5
Н.-Оскольск. уезд.	46,4	29,5	35,8	11,1	45,3	18,1	47,0	22,2
Ст.-Оскольск. уезд.	48,9	31,2	35,2	14,2	48,3	23,1	56,6	47,0

Заключение. Из этого краткого обзора можно сделать следующие два вывода:

Первый. Хозяйство Курской губернии, наравне с хозяйством остальной части России, постепенно все шире и шире втягивалось в товарный оборот, подчиняясь общим законам капиталистического развития. Одних только зернохлебов на рынок выбрасывалось до 30.000.000 пудов, из них не менее 50% крестьянским хозяйством. Широко росло применение наемного труда, как в крупных частновладельческих имениях, так и в хозяйствах более зажиточного слоя крестьянства; один только лишь отход на дальние заработки составлял свыше 40% мужского населения губернии, кроме того, значительная часть работала непосредственно внутри губернии. Крестьянское хозяйство независимо от наличия общины, подчиняясь общему ходу развития, расслаивалось. На одной стороне отслаивался пролетариат и полупролетариат с земельным наделом, каким являлись 115.000 безлошадных дворов, порывающих постепенно с самостоятельным ведением хозяйства, сдающих свои земли в аренду. С другой стороны, образовывался зажиточный слой крестьянства, организовывающих свое хозяйство на капиталистических началах, с применением машин, наемного труда. Этот, небольшой по количеству, слой прикупал земли, арендовал земли наделного и ненаделного владения, организовывал кустарные предприятия, вводил на своих полях травосеяние и т. д.. Сельское хозяйство постепенно выделяло отрасли промышленности для переработки сырья

растительного и животного. С разделением труда и специализацией производства, рос и развивался рынок и увеличивался товарный оборот, что все сильнее содействовало расслоению крестьянства и росту капитализма. Оставшийся еще слой среднего крестьянства, в количестве до 30% к общему количеству дворов, постепенно расслаивался по мере развития товарного хозяйства.

Второй. Развитие сельского хозяйства все же шло медленно и болезненно. Крупное помещичье средневековое землевладение, полученное путем насилий и грабежа и существовавшее до 1861 года на рабском барщинном труде и перешедшее впоследствии в районе черноземной полосы на отработочную систему, стесняло развитие сельского хозяйства, паразитируя на нем. Путем отработков, вынужденной аренды, всякого рода кабальных сделок оно высасывало из крестьянского хозяйства одних только арендных платежей до 9.000.000 рублей в год. Оно подрывало крестьянское хозяйство, вытягивая его накопления и сбережения, и, в большинстве случаев, растрачивало эти накопления непроизводительно. Отработочная система, на которой держалось крупное землевладение, задерживала рост товарного хозяйства, закабаляла крестьянина. Крестьянское хозяйство, втянутое в орбиту товарного хозяйства, будучи разединенным и разрозненным, попадало в зависимость от скупщика. Продавая около 15.000.000 пудов зернохлебов, крестьянское хозяйство теряло на этой продаже, отдавая торговому капиталу значительную часть своей прибавочной стоимости. Налоги, ложившиеся несоразмерно тяжело на крестьянское хозяйство, также мешали его развитию. Крепостные пережитки в земельном строе сельского хозяйства влекли за собой такие же государственные политические учреждения и связывались с бесправностью и забитостью крестьянства. В этих ненормальных условиях разоряющееся беднейшее крестьянство и освобождающиеся при этом рабочие руки не поглощались, вследствие медленного развития хозяйства.

Для ускорения развития производительных сил необходимо было уничтожение помещичьего землевладения и монархического строя. Необходимо было также „облегчить в максимально возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место заржавевшей общины. Необходимо очистить всю землю от всего средневекового хлама... разбить все средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле“ (Ленин). Необходимо было отменить частную собственность на землю, с передачей права собственности государству.

Крестьянство очень смутно формулировало свои требования и недостаточно ясно сознавало те пути, которыми эти требования могли бы быть достигнуты. Требования крестьянства оформлялись в идее уравнительного раздела земель частного владения—то, что мелко-буржуазные социалисты, так называемые социалисты-революционеры, именовали социализацией земли. Крестьянство не признавало, что эта уравнительность в условиях товарного хозяйства, когда ведется производство на рынок, являлась неосуществимой и недействительной. На примере общины этого периода мы видели, как, независимо от запрещения продажи наделных земель в губернии, имелось 115 тысяч безлошадных хозяйств и из них 70 тысяч хозяйств, сдающих свои земли в аренду. Уравнительность оставляла неприкосновенным средства производства—инвентарь, машины и т. д. и, при наличии товарного хозяйства, на другой же день после раздела земли сказались бы и начали развиваться дальше новые капиталистические хозяйства.

Тем не менее уравнительность являлась революционной и революционирующей идеей в борьбе с пережитками крепостничества, в борьбе против реакционно-крепостнического государства. Мы не останавливаемся на последствиях аграрной революции 1905 года, так как это входит в задачу следующей статьи. Скажем только, что те задачи, которые стояли перед рабочим классом и крестьянством, не были выполнены. Революция 1905 года не получила по ряду причин надлежащего размаха, она была лишь преддверием великой революции 1917 года. Зато она ясно показала крестьянству, что его задачи в смысле уничтожения помещичьего землевладения, в смысле разрешения аграрного кризиса могут быть выполнены только совместно с рабочим классом и под его руководством.

Крестьянское движение.

1905 год для Курской губернии является действительно годом крестьянской революции. Из пятнадцати уездов только три не были охвачены пожаром восстания. Накопившееся десятилетиями недовольство крестьян нашло, наконец, для себя выход.

Уже в конце XIX века отношения между крестьянами и помещиками становились обостренными. В частности, курский крестьянин был поставлен, в большинстве уездов, в невероятно тяжелые условия. Цепи помещичьей кабалы осо-

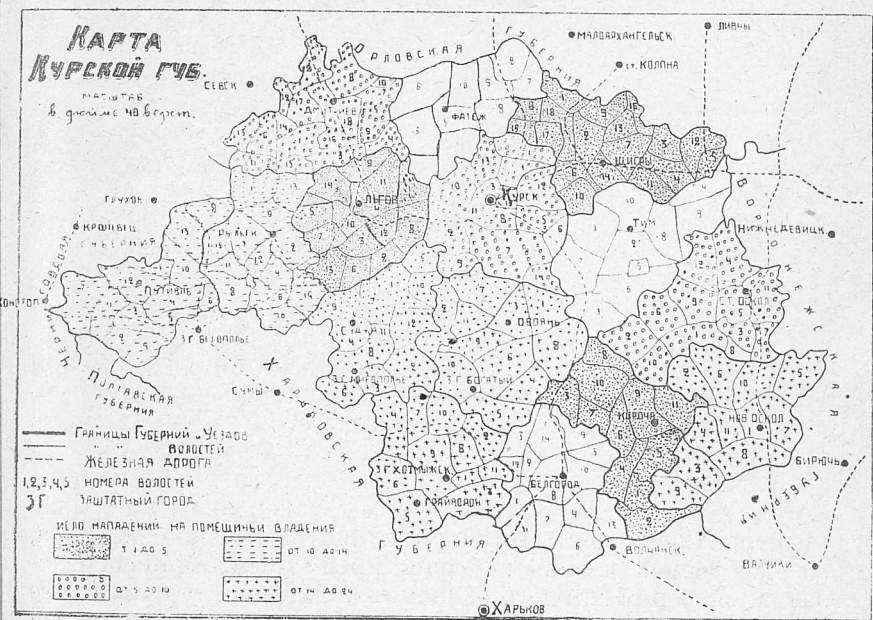

Рис. 1. Карта крестьянского движения по губернии.

бенно крепко сковывали курских крестьян, представлявших образец нищеты, отсталости и забитости.

Острое малоземелье, беззастенчивая и свирепая эксплуатация барскими экономиями, злоупотребления местных властей, несколько не заботившихся о подъеме крестьянского благосостояния,—все это препятствовало росту производительных сил деревни, не позволяло ей перейти к более ин-

тенсивным системам сельского хозяйства. Относительное перенаселение деревни громко давало о себе знать; с каждым годом возрастало количество рабочих рук, не находивших применения в крестьянском хозяйстве и не использованных в промышленности, развитие которой не поспевало за ростом „излишней“ рабочей силы.

Крестьянину казалось (при господствующем в губернии трехполье), что беду можно поправить расширением площади землепользования, при чем он не представлял себе возможных пределов этого расширения, видя лишь под боком своей деревни необъятную ширь полей и лесов у помещика.

В расширении своего земельного участка крестьянин видел единственный выход из нищеты и хронической голодовки. Он мечтал о „нарезке“ земли, как милости откуда-то сверху; но пока эти мечты не осуществлялись, ничего иного не оставалось делать, как арендовать землю у барина.

Однако, аренда лишь по видимости была спасительной соломинкой, в действительности же способствовала мужику тонуть.

Свободные рабочие руки впустую растрачивали энергию, не получая даже необходимого пополнения ее из того юмористического, условно „чистого“ дохода, который оставался от десятины арендованной земли. Даже царские чиновники, поскольку им иногда приходилось присматриваться к взаимоотношениям крестьян и помещиков, приходили к неутешительным выводам об условиях аренды. Например, Суджанский исправник, выявляя причины „беспорядков“, сообщает губернатору, что „арендная плата за десятину посева в селениях, расположенных вблизи сахарных заводов, возрасла до 40—45 руб. Такие цены, даже при собственном труде нанимателя, дают ему одни лишь убытки и не улучшают благосостояния“. Далее он указывает на необходимость введения таксы на арендную плату ¹⁾.

Помимо малоземелья, Курская деревня испытывала острую нужду в лесных материалах, так как в распоряжении сельских обществ были лишь ничтожные клочки леса, весь же лесной массив губернии преимущественно сосредоточивался в помещичьих экономиях. Часто случалось, что крестьянину буквально нечем было отапливаться, и, несмотря на всю суровость охраны барских лесов, он вынужден был решиться на самовольную порубку.

Земельный и лесной голод постоянно поддерживали в крестьянской массе состояние скрытого недовольства, которое иногда прорывалось в отдельных выступлениях. Такие отмечаются в 80-х и в 90-х годах. В 1902 г. были случаи поджогов экономий, в 1904 г. стали учащаться лесные порубки.

¹⁾ Архив Курск. губерн. по 4 столу, дело № 126.

Первые вспышки революционного пожара в деревне сильно встревожили правительство и уже с начала 1905 г. оно начинает особенно внимательно прислушиваться ухом жандарма и земского начальника к гулу в мужицком улье.

27-го февраля 1905 года Министерство Внутренних Дел предложило Курскому губернатору использовать земских начальников в качестве соглядатаев среди крестьян, при чем подробно изложило тактику этих опекунов деревни.

Земским начальникам вменялось в обязанность находиться в постоянном и живом общении с крестьянством и знакомиться с его нуждами, потребностями и стремлениями.

Министр Булыгин указывал, что энергичная и живая, в духе закона 12-го июля 1889 г., деятельность земских начальников, особенно необходима в такое тревожное время, когда внутренние враги всеми мерами стремятся возбудить в населениях волнение и недовольство. Земским начальникам поручалось в течение марта месяца объехать все волости своих участков, в целях личного знакомства с состоянием деревни и представить губернатору отчет о своих объездах.

В Дмитриевский и Львовский уезд, где в течение февраля уже произошли крупные „беспорядки“, выехал сам губернатор ¹⁾.

Власти сознавали опасность и исключительность переживаемого момента и стремились выработать меры, как предупреждения, так и подавления восстаний. Совещание, созванное губернатором, пришло к такому выводу, что расквартирование по губернии кавалерии „является единственным верным способом для предупреждения, а затем для подавления и прекращения возникших беспорядков“ ²⁾.

Считая порку и расстрел единственно средствами борьбы с крестьянством, губернская власть все же не могла не поинтересоваться действительными причинами недовольства.

Земские начальники и исправники приступили к собиранию сведений о замеченном недовольстве и брожении в деревне, при чем, несмотря на все свои симпатии к объяснению беспорядков действием злостной агитации, должны были наткнуться и на причины другого свойства.

Сводка донесений губернатору, записанная верноподданническим полицейским пером, как бы скромно оно ни называло безобразия, рисует жуткую картину эксплуатации курского крестьянина помещиком.

Здесь, прежде всего, бросается в глаза самое беззастенчивое использование помещиками пресловутых „отрезков“ выгонов, водопоев, прогонов и т. д. Например, в Дмитриевском уезде, в с. Беяеве, управляющий имением установил такие от-

¹⁾ Архив Курск. губернат. по 4 столу, д. № 95.

²⁾ Там же.

работки за пользование крестьянами пастбищем, вклинивавшимся в их наделные земли, что крестьяне стонали от непосильной работы. В Ново-Оскольском уезде, в слободе Троицкой, помещица Масловская прижимала крестьян тем, что сдавала обществу за высокую цену часть луга, по которому крестьяне вынуждены были прогонять на водопой скот.

Недовольство крестьян, обусловленное нуждою в выпасах, отмечается и в Ястребецкой волости, Старооскольского уезда.

Не брезговал давить мужика через «отрезки» и сам великий князь Михаил Александрович, у которого в Дерюгинском имении земельные участки располагались вокруг сел Кубани и Красный-Клин, отрезая крестьян от их наделной земли. Крестьяне просили князя продать им эти участки, но даже и на это не согласился Романов, не желая терять столь соблазнительное средство легкой наживы. Мало того, на Дерюгинском заводе, при приемке свеклы от крестьян, происходило систематическое обвешивание—вот до какой низости доходил член царствующего дома, выколачивая себе на «скромную» жизнь деньги из мужика ¹⁾.

Крестьян беспощадно преследовали за самовольную пастьбу и даже за случайное появление скота в барских угодиях. В Суджанском уезде земский начальник, помещик Рапп, загнал к себе во двор крестьянских гусей, зашедших на его луг, и взял (без всякого суда) двух лучших гусей за потраву.

Кабальные условия аренды отмечаются и земскими начальниками: например, в слободе Белой, Корочанского уезда, в экономии графини Бобринской драли с крестьян по 26 руб. с десятины.

В Суджанском уезде, крестьяне с. Черкасской-Конопельки, вследствие малоземелья, вынуждены были брать землю в аренду и пользоваться экономическими выпасами. Земля отдавалась помещиком Шмидтом исполу, при чем за каждую десятину крестьянин должен был посеять и убрать десятину помещичьей земли, свезти урожай на гумно и выполнить ряд других работ; в результате, при самом скромном подсчете, аренда десятины обходилась крестьянину в 28 руб.

Несмотря на всю тяжесть аренды, курский крестьянин все-таки тянулся к земле и возмущался, когда помещик отказывался сдавать эту землю, обрабатывая ее наемным трудом ²⁾.

¹⁾ Архив Курск. губернии по 4 столу, д. № 95.

²⁾ Архив Курск. губернии по 4 столу, д. № 126.

Мрачная картина эксплуатации оттенялась бесправием крестьянина, издевательством властей. Характеристика этих властей достаточно ярко выражена в поведении земского начальника Рапп, который на все крестьянские жалобы о неправильностях и беззакониях говорил: «Я ваш бог, я ваш царь».

Отмеченные нами причины недовольства крестьян указывались даже официально чиновниками.

Деревня терпела множество всяких мытарств и в такой обстановке сильно тосковала по земле, на „прирезку“ которой была вся надежда.

Всегда слухи о всевозможных «земельных» манифестах носились по голодным деревням, но в 1905 году эти слухи становились все упорнее, так как поддерживались сообщениями о событиях в больших городах, о забастовках рабочих, требования которых часто удовлетворялись.

У крестьян крепла мысль, что с начала весны 1905 г. они приступят к разделу помещичьей земли, которую отнять у них некому будет, так как Курский гарнизон, состоявший в то время из запасных, по преимуществу местных, побьет своих офицеров и с оружием придет на помощь крестьянскому движению. Ходили также слухи о том, что забирать помещичьи экономии разрешено царем.

Такова была деревенская обстановка весной пятого года, но начальство все-таки не хотело принимать в расчет обострения экономических противоречий между крестьянами и частными владельцами, а потому считало, что достаточно расквартировать по губернии кавалерийский полк и таким образом предупредить восстание, не устраняя коренных причин крестьянского недовольства.

Однако, события пошли иным порядком, и губернаторская профилактика оказалась недействительной.

Аграрное движение началось в тех уездах, где было наименьшее обеспечение земель, где помещичьи владения вклинивались в крестьянские земли, где остро чувствовался недостаток в лесе, сосредоточенном в крупных помещичьих имениях.

Инициатива выступления принадлежала Льговским крестьянам.

В ночь на 31-е января 1905 года, крестьяне села Выших-Деревенек организованным порядком вырубili и вывезли до 200 деревьев из леса князя Барятинского, при чем оказали сопротивление пристапу, покушавшемуся произвести обыск и отобрать нарубленный лес. Вскоре затем начались сплошные лесные «разработки» в имении Большие-Угоны.

В марте и апреле порубки продолжались; настроение крестьян было крайне возбужденное. Селения Кремьянное, Шепетуховка, Машевка, Угоны, Вышние и Нижние-Дере-

веньки и др., всего около тридцати, вызвали особое подозрение полиции ¹⁾).

8-го апреля в самом Льгове произведены поджоги. Однако, начавшиеся полевые работы сдерживали крестьян от активных выступлений, и таковых до осени уже не наблюдалось, несмотря на напряженное состояние деревни.

В Дмитриевском уезде крестьяне тоже заволновались в феврале, при чем отсюда искра восстания залетела в соседний Севский уезд, Орловской губ. широкая революционная агитация предшествовала восстанию.

По волостям: Прилеповской, Ольховской и Гламаздинской, в большом количестве распространялись прокламации, которые крестьяне охотно читали и называли „праведным законом“.

Одна из таких прокламаций обнаружена была приставом в с. Сальном на колодезном столбе. Когда пристав сорвал прокламацию, среди крестьян начали раздаваться крики протеста, брань и выясилось определенное намерение бить полицию.

Как и всюду, основной причиной „беспорядков“ было малоземелье и безысходная нужда; но началось восстание в Дмитриевском уезде с села Сального, жители которого занимались отхожими промыслами, при чем многие ходили на заработки в Одессу, где и получили соответствующее революционное воспитание.

Уже с конца 1904 года устраивались тайные сходы крестьян с. Сального, Романовки, Гламаздино и Вети, при чем организатором собраний являлся крестьянин с. Вети Николай Сводов, который имел связь с партийными кружками в Одессе.

Благодаря агитации, в с. Сальном быстрее расправились пружины недовольства, и 6-го февраля 1905 г. крестьяне этого села вместе с соседями из дер. Холзовки на 65-ти подводах въехали в лес землевладельца Попова, нарезали дров и увезли по домам.

Посланный для расследования этого происшествия пристав с урядниками не мог произвести розыска, так как крестьяне с. Сального действовали дружно, решительно и не допускали полицию к осмотру дворов. Крестьяне же Донекин и Лукашев призывали к нападению на полицию. В результате землевладелец Попов и урядник оказались побитыми и им под натиском толпы едва удалось спастись бегством.

Несмотря на „увещания“ (как писалось в рапортах) земского начальника и исправника, приезжавшего с 25 стражниками в с. Сальное, в ночь на 15-е февраля крестьяне раз-

1) Архив Курск. губернии по 4 ст., д. № 26.

били экономию купца Черничина, что послужило сигналом для окрестных деревень к нападению на помещичьи усадьбы.

Губернатором быстро были стянуты урядники в распоряжение Дмитриевского исправника, но это не спасло положения.

Движение разрасталось по Прилеповской волости, крестьяне которой устремлялись на многочисленные хутора, экономии и лесные дачи богатейших помещиков Мейенсдорф, увозя оттуда хлеб, лес, забирая инвентарь, сброу и т. д. Полиция своими силами не могла потушить развивающегося пожара; потребовалось вмешательство войск.

18-го февраля из Курска в Дмитриев был отправлен эскадрон драгун, а руководство усмирением было поручено прославившемуся впоследствии своею жестокостью командиру корпуса жандармов, а тогда вице-губернатору Курлову. От командующего войсками затребован был еще эскадрон драгун.

Между тем волна восстания захватывала все более широкий район.

В ночь на 19-е февраля была разбита экономия Мейенсдорф в Дубовицах, откуда крестьяне на двухстах подводах вывезли имущество. Затем в Калиновке разбили экономию Шауфуса, а в Клинцах еще усадьбу Мейенсдорфа.

20-го затрещали Прилепы и Доброе-Поле тех же Мейенсдорф и Гламаздино-Волкова.

21-го февраля Курлов прибыл в Дубовицы, причем, при вступлении туда эскадрона, крестьяне нанесли удар вахмистру и выругали офицера. За это „виновные“, по распоряжению Курлова, были выпороты посреди села на другой же день.

Несмотря на присутствие в селе свирепого экзекутора с драгунами, восстание ширилось. Помещики, об'ятые паническим страхом, коллективно забрасывали губернатора телеграммами с мольбой о помощи и защите.

22-го посланы были в распоряжение Курлова две роты пехоты, а ночью того же числа крестьяне разгромили Хинельскую экономию Терещенко.

Крестьяне собирались в крупные отряды и вели ожесточенные нападения на дворянские гнезда. Но не было единого руководства, не было связи с соседними уездами, вследствие чего успешно начавшееся и энергично развернувшееся движение было задавлено теми же мужиками только из других губерний и в другом одеянии.

Таких мужиков было пущено в Дмитриевский уезд на район верст тридцать в диаметре большое количество: 4 $\frac{1}{2}$ роты пехоты и 6 эскадронов кавалерии ¹⁾.

¹⁾ Архив Курского губернатора по 4 ст., д. № 126, 1905 г.

27-го февраля губернатор доносил в Министерство Внутренних Дел о подавлении беспорядков в Дмитриевском уезде.

Быстро замер первый вал революционного урагана в Курской губернии.

Внутри деревни бурлило и кипело.

В течение лета велась подготовка. Повсюду настроение было возбужденное. Крестьяне с нетерпением ожидали „праведного закона“, ловили всякие слухи о земле, охотно собирались в логах на сходки, где читались прокламации и приезжие агитаторы рассказывали, как надо народу получить землю и волю.

Роль социал-демократов, эс-эров и либералов чувствуется в движении слабо.

Пролетариата, воспитанного в организованных коллективах крупных предприятий и закаленного в схватках классовой борьбы, в Курской губернии не было. Рабочие сахарных и винокуренных заводов, происходя из окрестных деревень, не порывали связи с сельским хозяйством и у них в неприкосновенности сохранилась крестьянская психология. Если они и бастовали в 1905 году, то в большинстве случаев забастовки переходили в крестьянский бунт с разгромом, захватом и дележом заводского имущества.

Характерным примером в этом отношении являются события на Любимовском сахарном заводе (Суджанского уезда) 10-го октября. Здесь рабочие пред'явили требования о повышении заработной платы с 50 до 65 коп. в день и отмены обысков, но они не повели организованно стачки, а ночью того же числа принялись громить завод: выбили все стекла, вырвали рамы, разбили лабораторию, затем взломали замки на заводском магазине и захватили бывшие там товары.

Таким образом, через рабочих трудно было с.-д. партии оказать влияние на крестьянство, но тем не менее Курская организация РС-ДРП вела агитацию в деревне через свои уездные группы и через единичных пропагандистов, главным образом учителей, например, Сидоренко в Суджанском уезде и Водолажскую—в Львовском.

Наибольший успех социал-демократическая пропаганда имела в Путивльском уезде, в районе, прилегающем к Конотопскому уезду. В с. Вязовом было несколько десятков мастеровых, работавших в Конотопских железно-дорожных мастерских. Эти рабочие приглашали в село агитаторов из Конотопа и привозили нелегальную литературу. В окрестностях Вязового рабочими часто устраивались сходки с привлечением крестьян соседних деревень. Агитаторы из Конотопа останавливались у крестьян-мастеровых с. Вязового—у Фоменко и Приминайло.

Кондуктор Московско-Киево-Воронежской железной дороги, крестьянин села Вязового, Сафрон Кочанов развозил

по станциям прокламации и социал-демократическую литературу и раздавал ее крестьянам.

Сыщику Сверчкову (приказчик из экономии Терещенко) удалось получить через крестьян от Кочанова брошюру „Долой социал-демократов“ и две прокламации РСДРП— одну Конотопского, а другую Московского Комитета.

20-го сентября в Вязовое прибыл из Киева, под псевдонимом Шелковского, студент Малютин, который организовал кружок в 20 человек, передававших книжки и прокламации по соседним селам.

Прокламации РСДРП „К запасным“, „Ко всем“ и др. широко распространялись по деревням.

Партия социалистов-революционеров действовала частью через буржуазную организацию крестьянского союза, а больше—путем распространения прокламаций.

Уже в 1904 году целый поток листовок и воззваний устремился в деревню различными путями: их расклеивали и раздавали в городах проходящим крестьянам, рассылали в письмах по адресам старост, служащих земства и отдельных крестьян, бросали в почтовые ящики и т. п.

В громадном количестве разосланы были прокламации „Ко всему трудовому народу“ в конвертах со штемпелем „Воронежский склад семян и земледельческих орудий“. Эта прокламация была найдена во всех уездах. Когда Львовский исправник полюбопытствовал в почтовой конторе, какая корреспонденция получается крестьянами, им зараз обнаружены были в конвертах 20 прокламаций¹⁾.

Самую незначительную роль в крестьянском движении Курской губернии сыграли либералы-земцы. Произошло это потому, что либеральные помещики встречались здесь также редко, как белые вороны. Каким-то феноменом являлся кадет—князь Петр Долгоруков (Суджанский Председатель Земской Управы), в том зоологическом саду, который представляло собой Курское дворянство. Даже, по заключению известного черносотенца Курлова, Курское земство было консервативным и только Суджа, да отчасти Льгов и Короча нарушали гармонию зубровских настроений.

Князь Долгоруков являлся более культурным в своей среде и применял более утонченные формы эксплуатации, избегая варварских приемов большинства землевладельцев. Он сам вел с крестьянами беседы, делал им возможные уступки, в результате чего его экономия и мельница охранялись крестьянами. Либералы пытались использовать крестьянское движение в своих интересах. В с. Гуйве, под председательством управляющего имением Рейзина, несколько раз собирались крестьяне для разрешения вопроса о зе-

1) Архив Курск. губернии по 4 столу, л. № 35.

мле. Когда в декабре Рейзин был арестован вместе с Сергеем, Глущенко и Плетневым, Суджанская Земская Управа забастовала, требуя освобождения арестованных.

Председатель Льговской Земской Управы Широков, стремясь придать крестьянскому движению более организованый характер, написал самое невинное воззвание к крестьянам, в котором говорилось, что „сам государь призвал народ помочь ему в управлении государством, а потому от самого народа зависит—скверно или хорошо будет в России. Значит, теперь крестьянам надо спокойно и серьезно подумать о своих нуждах и позаботиться о том, чтобы найти представителя в Думу, который мог бы их нужды изложить и за них постоять. Это можно сделать только при сохранении полного спокойствия в уезде, чтобы все открыто и свободно могли рассудить, что для них нужно. Главная нужда крестьян, конечно, в земле, в образовании и в том, чтобы крестьяне были уравнены в своих правах с другими сословиями...

Теперь крестьянам указан мирный путь, чтобы удовлетворить свои нужды, пусть же они сами воспользуются с полным спокойствием им. Всякие насильственные действия ничего не разрешат, а только запутают и оттянут дело“¹⁾.

Не находя ничего предосудительного в означенном воззвании, а, наоборот, считая его в высшей степени полезным для успокоения крестьянского населения, сам Льговский исправник просил у губернатора разрешения на печатание воззвания. Губернатор нашел воззвание совершенно излишним, в виду того, что по поводу манифеста 17-го октября было его объявление, обращение Курского духовенства и воззвание святаейшего синода.

Для разговоров с крестьянами предназначались, главным образом, винтовки, а не листовки, поэтому власть-удерживающая не находила нужным вносить успокоение путем печатной агитации.

Однако, воззвание Широковым было отпечатано и в большом количестве распространено по уезду. Сам Широков созывал крестьян, выступал на сходах и разъяснял манифесты так, что крестьяне относились к ним недоверчиво, насмешливо и даже недоброжелательно.

Секретарь Земской Управы Давыдов, ветеринарный врач Ефременко, агроном Кулыжный, учитель Маркин помогали Широкову и вели оживленную агитацию среди крестьян. По заключению земского начальника, все служащие земской управы были набраны из социал-демократов.

Участие в движении Льговского Земства, пожалуй, надо признать наиболее активным.

¹⁾ Архив Курск. губ. по 4 столу, дело 26.

Из других буржуазных организаций, проявивших себя в движении и пытавшихся так или иначе использовать крестьянское движение и спасти свое положение, по имеющимся у нас документам, можно отметить лишь Обоянский Экономический Совет и Щигровское Общество Сельского Хозяйства.

20-го октября на заседании Обоянского Экономического Совета гласный Гамалей предложил для обсуждения вопрос о земле и высказался за выкуп помещичьих земель и передачу их крестьянам. Служащий земства Мороховец говорил, что царь—сам крупный помещик и капиталист, требовал выборности полиции и уничтожения института земских начальников.

Совет Щигровского Общества Сельского Хозяйства 28-го ноября просил губернатора о разрешении провести на волостных сходах выборы, по 5 человек от каждой волости, для участия в работах комиссии по аграрному вопросу, образованной при Обществе, а также о разрешении провести в волостях собеседования с крестьянами, с целью их успокоения и разъяснения мероприятий по разрешению аграрного вопроса.

Однако, губернатором не разрешалось никакое проявление общественной инициативы, и собеседования были признаны ненужными. Тогда Совет Общества обратился к Витте и изложил свою точку зрения на те мероприятия, которые надо провести правительству в ближайшее время для успокоения крестьян. Оно рекомендовало скорейший созыв Государственной Думы, на основе всеобщего и равного избирательного права; немедленное снятие усиленной охраны и немедленное разрешение Щигровскому земству ссуды в 100.000 рублей на продовольствие и 100.000 рублей на кормление скота ¹⁾).

Две-три попытки вмешательства общественных организаций в разрешение крестьянского вопроса в губернии окончились неудачно; бюрократия была уверена в своих силах и не желала прибегать к чьей либо помощи в своем конфликте с деревней.

Насколько можно судить по документам, несколько большее распространение в губернии получили организации Крестьянского Союза.

Малая классовая дифференциация Курской деревни, буржуазный характер целей крестьянской борьбы приводили к тому, что крестьянство, выступая все целиком на борьбу с помещичьим земледелием, упускало из виду необходимость революционной постановки вопроса, необходимость политической борьбы прежде всего. Эта неясность политиче-

¹⁾ Архив Курского губернатора по столу 4, дело 129.

ских целей, политической стороны движения давала возможность развернуть свою деятельность Крестьянскому Союзу — организации, не имеющей ясной политической линии, организации, своей политикой уничтожившей революционную силу крестьянского движения.

Уже в конце мая в одиннадцати уездах Курской губ. сорганизовались ячейки Союза. 3-го июня состоялся съезд, на котором присутствовало 47 выборных от уездов. Здесь было избрано 9 депутатов на Учредительный Съезд Всероссийского Крестьянского Союза, происходивший в Москве 31-го июля и 1-го августа. Здесь Курские делегаты верно характеризовали вожеления большинства крестьян, говоря: „у нас первая нужда в земле, что и неудивительно при крайнем малоземельи“.

„Вопрос о земле — самый больной вопрос для крестьянина“.

„Эту струну нельзя больше натягивать — лопнет“.

Вот главный мотив отсталого, забитого курского крестьянина, ведущего примитивное хозяйство. Лишь бы добиться „прирезки“, а о большей политике думать не приходится. Но тут же сказалась политическая отсталость как курского крестьянства, так и самого союза. „В прокламациях“, — говорил один из делегатов, — „есть нападки на самого царя, а это производит отталкивающее впечатление. Царя не нужно было бы трогать. Это в свое время само собой пройдет“.

Когда же дело дошло до обсуждения земельного вопроса, то большинство Курских делегатов определенно высказалось за отобрание земель у частных владельцев без всякого выкупа.

„За что выкуп? Боже, спаси от выкупа“.

„Нужно также одинаково взять без выкупа и от дворян и от крестьян“, — говорил один из делегатов ¹⁾.

Таким образом, в сознании курского крестьянства уживалась мысль о конфискации помещичьих земель с убеждением в возможности осуществления этой реформы при наличии во главе управления страной богатейшего и крупнейшего из помещиков — Романова. Эта политическая неясность, неоформленность уничтожали самую суть крестьянского революционного движения, но это же открывало двери в союз всем буржуазным элементам, лишая его силы и активности.

В Курской губ. агитация за союз велась сельской интеллигенцией: учителями, студентами, семинаристами. 12-го ноября делегат съезда от Сумского уезда Щербак провел агитационные собрания крестьян на станциях Коренево, Ар-

¹⁾ Протокол Учредительного Съезда Всерос. Крестьян. Союза, стр. 29.

таково и Ворожба. Щербак говорил, что грабить помещиков не надо, а необходимо снимать с экономий всю прислугу и всех рабочих; тогда помещики сами бросят землю и уедут, вся же земля и инвентарь останется крестьянам.

В селе Кудинцеве, Львовского уезда, учительница Савицкая не раз собирала крестьян, а 18-го декабря устроила в школе митинг, на котором присутствующие присоединились к Крестьянскому Союзу ¹⁾.

✓ Крестьяне Грузсчанской волости, Путивльского уезда, 9-го ноября постановили на собрании войти в Крестьянский Союз и решили податей не платить, рекрут не давать и властей не признавать, грабежи прекратить, но не допускать в экономиях работать наемным людям.

12-го декабря у Грузсчанского волостного правления собралось до 1.000 крестьян. На сход пришли 8 делегатов Крестьянского Союза (из Конотопа, Вязовой и Землянки), которые предлагали крестьянам выносить приговоры: о немедленном удалении администрации и полиции, о выборе из своей среды должностных лиц, неплатеже повинностей, об удержании новобранцев от явки; захвате помещичьих земель, изъятии из сберегательных касс сумм, сданных на хранение. Предложение агитаторов были приняты единодушными криками: „согласны“ и „у р а“ ²⁾.

В Корочанском уезде крестьяне устраивали многочисленные собрания для обсуждения воззваний Крестьянского Союза.

15-го ноября в с. Ивановском учитель Овчинников и быв. семинарист Кудрявцев разъясняли крестьянам задачи Союза.

Имела успех агитация Крестьянского Союза в Грайворонском уезде.

23-го ноября в Борисовке был устроен большой митинг, на котором выступал учитель Усенко и студент Николаенко. Последний говорил, что земля должна и будет принадлежать исключительно крестьянам.

На митинге от крестьян отбирались подписки о вступлении в Крестьянский Союз.

Руководить крестьянским движением можно было только нелегально, но так как эта деятельность сопряжена была с большими трудностями, то неудивительно, что в большинстве случаев восстания были стихийными, неорганизованными, представляя собою подлинный бунт земли. Осенью 1905 года стоны отчаяния измученных голодовкой крестьян начали переходить в клич к борьбе, к нападению на ненавистного врага—помещика, который, как это обычно бывает с отмирающим классом, как будто нарочно обострял поло-

¹⁾ Протокол Учредит. Съезда Всерос. Крест. Союза, стр. 29.

²⁾ Архив Курского губерн. по столу 4, д. № 60.

жение, раздражая крестьян мелкими придирками, земскими начальниками, стражниками, урядниками.

После манифеста 17-го октября, крестьянство смутно почувствовало, что наступает какая-то новая полоса; объявляется свобода, воля, несущая крестьянам право осуществить исконную мечту о земле. Деревня ждала земельной реформы сверху и пробовала обращаться с своими нуждами.

Так, 9-го ноября 1905 года Бехтеевский сельский сход, Корочанского уезда, послал Председателю Кабинета Министров свой приговор, в котором указывалось на необходимость и крайнюю неотложность следующих мер: 1) наделение крестьян землею в количестве не менее 5 десятин на каждую душу без различия пола, 2) уравнивание крестьян во всех правах с другими сословиями, 3) упразднение института земских начальников, 4) всеобщее образование за счет правительства, 5) введение прогрессивно-подоходного налога, 6) упорядочение волостных судов, 7) избрание церковного причта по желанию местного общества, 8) полная амнистия для всех без исключения пострадавших за политические и религиозные убеждения ¹⁾.

Здесь самым характерным является требование о предоставлении земли по 5 десятин на душу, не считаясь с тем, что такого количества удобной земли, которое требовалось для осуществления этого постановления, не нашлось бы в России.

Никакое правительство, конечно, не могло выполнить этого требования, царская же власть не желала уступить мужику ни одной сажени и нигде не выражала намерения пойти навстречу крестьянской нужде.

Разочаровавшись в манифестах и ожиданиях помощи сверху, крестьяне взялись сами, как умели, за разрешение аграрного вопроса. Для крестьян стало ясно, что рассчитывать на милость царскую не приходится, и надо взять землю силой, разгромом помещичьих имений, уничтожением проклятого гнета крепостничества.

В Курской губернии обозначились следующие формы движения: 1) лесные порубки, захват хлеба, бураков, корма в помещичьих экономиях, пастьбы скота в барских угодиях; 2) отказ от выполнения условий договора об аренде; 3) разгром и поджог усадеб с расхищением имущества; 4) снятие с работ рабочих и служащих экономий, и 5) изгнание местных властей и отказ от уплаты налогов и податей; выемка продовольственных средств и вкладов из сберегательных касс.

Необходимо отметить, что крестьяне не проявили жестокости по отношению к помещикам или управляющим; в

¹⁾ Архив Курского губернатора по ст. 4-му, дело № 130.

имеющихся документах нигде не указывается случаев их убийства. Впрочем, с самими помещиками мало приходилось сталкиваться, так как крупнейшие из них жили за границей и в столицах, а из мелкоты многие разбежались. Оставшиеся свирепо рычали, осаждали губернатора телеграммами с просьбами выслать казаков.

Не трогая лично владельцев, крестьяне были беспощадны к их усадьбам,—громили, разбивали, поджигали, танцили и тем самым создавали панику среди господ. И они жаловались на слабость охраны и недостаточную решительность в подавлении „мятежа“.

Для характеристики настроения дворян приводим письмо к губернатору, бывшего впоследствии черносотенным лидером в Государственной Думе,—Щигровского зубра—Маркова второго.

Сердце его переполнилось возмущением от крестьянских бесчинств, не знающих пределов. „Крестьяне проявляют неслыханную дерзость“,—пишет Марков,—„самовольно вылавливают рыбу из нашего пруда: истоки реки Рати забивают пенкой, которую мочат в реке, и тем самым заражают воду, что не только губит рыбу, но и нас подвергает опасности заболевания. Вопреки наших запретов, крестьяне изволят пасти скот на ржанных посевах... Мало того, крестьяне самовольно купают лошадей в нашем пруде. В настоящую минуту весь наш луг покрыт чужими коровами, которые уничтожают наш корм и обрекают собственных наших животных на голодную смерть...

Над нашими заявлениями о жалобах властям крестьяне прямо смеются, говоря, что у нас уже нет никаких властей...

Главнейшею темой насмешек служит то обстоятельство, что самый характер теперешней посылки войск по деревням совсем не тот, какой был прежде и который действительно утешал бунтующее население. Прежняя „секуция“ (т.-е. экзекуция) располагалась не по усадьбам потерпевших и уже окончательно разоренных помещиков, а по дворам виновных крестьян, которых и секли за их преступления и принуждали за свой счет содержать воинские части с их лошадьми... А далее,—„в виду серьезных обстоятельств, не сочтете ли Вы возможным учинить в нашем уезде при каждой становой квартире по 25 вооруженных конных урядников“¹⁾.

Этот образец варварских суждений эпохи глубокого средневековья наглядно свидетельствует—каков был взгляд курских помещиков на мужика, поэтому вполне понятна та озлобленность, с которой обрушилась деревня на барскую усадьбу.

¹⁾ Архив Курск. губернат. по ст. 4, дело № 129.

Приступая к самостоятельному разрешению аграрного вопроса, крестьяне все же сначала обращались в экономии с просьбами, и получая обычно, отказ, прибегали к насильственным приемам. Дело начиналось обычно с самовольных порубок леса и пастьбы скота в помещичьих лугах.

27-го июля крестьяне Черкасской-Конопельки, Суджанского уезда, явились к владельцу Шмидту с требованием допустить без отработки скот на пастьбу, сдавать землю за пятнадцать рублей десятину. Не встретив согласия, крестьяне на другой же день выпустили до 300 голов скота по лесу и лугу Шмидта.

Такое же „злодеяние“ было учинено в Рыбице, Мирополье, Малом-Приколе. На „увещания“ исправника и председателя дворянства крестьяне дерзко ответили, что будут пасти скот, так как по новым законам имеют на это право.

19-го сентября Общество Поповой слободы, Путивльского уезда, пришло в экономию Терещенко, — Леонтьевскую и предложило управляющему сдать в аренду часть земли и принимать на работу только крестьян Поповой слободы, с платою по рублю в день.

Получив отказ, крестьяне выгнали служащих и рабочих экономии, угрожая разгромом, в случае неисполнения предъявленных требований.

В Львовском уезде выступления крестьян осенью также начались с самовольного выгона скота на помещичьи поля...

5-го ноября крестьяне деревни Гусиновки выгнали скот на озимые Ботичинской экономии Евреиновой.

В Дмитриевском уезде осенние беспорядки также начались с потравы полей барона Мейенсдорфа в Добром-Поле.

Лесные порубки отмечаются во всех уездах.

Начинаясь обычно с порубок и потрав, движение затем переходило в восстание, картина которого по уездам осенью 1905 года рисуется в следующем виде:

Наиболее уязвимым, с точки зрения полиции, районом были селения Путивльского уезда, граничащие с Конотопским, так как здесь широко развилась агитация рабочими Конотопских железно-дорожных мастерских. Уже в начале сентября в распоряжение Путивльского исправника была командирована полусотня казаков.

Особенное внимание властей привлекало с. Вязовое, где заметно сказывалось влияние железно-дорожных рабочих и часто устраивались собрания по селам. Присутствие казаков в соседней Белоусовской экономии Терещенко сдерживало, однако, крестьян от активных выступлений.

12-го октября забастовали рабочие Бурынского сахарного завода, при чем требования их были очень скоро удовлетворены и рабочие вышли на работу.

24-го октября в с. Бурыни был учинен еврейский погром: разбито 4 лавки и 11 квартир.

С этого момента пожар восстания начинает охватывать одно селение за другим.

В с. Малой-Неплюевке, в экономии Терещенки, были выбиты стекла, сломаны рамы и унесены колеса. В имении Ефремова (с. Гвинтового) побиты окна, мебель, захвачена посуда, платье.

25-го октября в имении Апраксиной, при дер. Шиловке, разбиты стекла, уничтожена обстановка в квартире управляющего, захвачено имущество и ночью сожжена мельница.

26-го октября крестьяне дер. Дубинка прогнали рабочих из имения Черепова и сожгли стог соломы.

27-го забрали в лесу дрова у купца Ефремова.

28-го в урочище Константиновском крестьяне разбили дом Олейникова и захватили мебель ¹⁾.

В конце ноября сожжена монастырская экономия близ с. Бочечек.

В декабре крайне напряженное состояние наблюдается в Грузсчанском участке.

11-го декабря крестьянами Грузского, Землянки и Поповой слободы сделано было нападение на становую квартиру с целью освободить арестованных агитаторов. Прибывший для усмирения урядник Гель застрелил одного из крестьян и тут же сам был убит, а пристав и стражники основательно избиты.

Требования об освобождении арестованных были предъявлены большой группой демонстрантов и в самом Путивле. Положение принимало угрожающий характер. Вследствие чего, губернатор, несмотря на недостаток войск в его распоряжении, должен был послать в Путивль еще сотню казаков. До приезда их, 12-го декабря в Путивле демонстранты, в числе которых было много крестьян окрестных деревень, напали на полицейское управление, где выбили все стекла и двери. Небольшой отряд пехоты из запасных дал залпа в нападавших, при чем один из них был убит и один ранен. Демонстранты отвечали выстрелами из револьверов и бросали в солдат камнями.

Помещики совершенно растерялись, но никаких уступок не делали, моля лишь губернатора о спасении.

Любопытно письмо одного такого „несчастливого“, ожидавшего разгрома, помещика Черепова, который писал: „Прошу, Ваше Превосходительство, защитить меня солдатами от врага Божья и Царского—Витте, социалистов, коммунистов, конституционалистов, поляков и жидов. Сохраните верность Богом нашим Венчанному и Миропомазанному,

¹⁾ Архив Курск. губернатора, по 4 столу, дело № 60.

Самодержавнейшему, Всероссийскому великому нашему Государю Императору Николаю Александровичу и не бойтесь врага царского Витте, но бойтесь готовых защищать царя: обеих императриц, короля Датского, великих князей и княгинь, которых 33, кроме августейших малых детей ¹⁾).

В этом письме сказывается все то тупоумие и косность, которые проявлялись курскими помещиками, взбешенными крестьянским бунтом.

Несмотря на отеческие заботы о дворянах, губернатор все-таки не мог поставить взвода в каждую усадьбу, и крестьяне продолжали свое дело упорно и настойчиво.

13-го декабря общество дер. Юрьевой приступило к рубке леса вблизи Теткино и Софроньевского монастыря.

В соседних экономиях были сняты рабочие.

Ежедневно по звону в набат собирались сходки, руководимые местными и приезжими агитаторами. Во всех селах Грузчанской и Поповской волостей проявляется революционный порыв. Сходки выносят постановления об удалении властей, неплатеже налогов и захвате помещичьих земель.

Быстро движение перебрасывается в Бурынскую волость, начавшись там с рубки леса в имении Апраксиной. Прибывший в Курск на смену Дубасову, для общего руководства „усмирением“, генерал-адъютант Пантелеев, направляет в Путивльский уезд командира 3-го сводно-казачьего полка и еще сотню казаков.

А тем временем начались волнения в Казацком, Бочечках; в имении князя Барятинского загорелось сено на лугах.

В с. Казацком рабочих сняли с экономии, скот спустили; забрали ключи от магазинов и амбаров. Проходы и проезды в имения охранялись крестьянами; управляющий и приказчики арестованы.

Крайне обеспокоена разгоревшимся восстанием была Черниговская губ., откуда генерал Рудов сообщал Курскому губернатору, что в Путивльском уезде настоящая революция, так как сельские власти были заменены комитетами.

Генерал Пантелеев нашел необходимым объявить Путивльский уезд на положении чрезвычайной охраны и совместно с отрядами, действовавшими в Черниговской губернии, повел решительное наступление.

Произведены были многочисленные аресты, руководители изъяты, вследствие чего и движение пошло на убыль.

В Вязовом помощник исправника арестовал 5 человек, в том числе председателя и секретаря сельского комитета.

Движением охвачена была вся южная сторона уезда по направлению железной дороги от Конотопа до Грузского.

¹⁾ Архив Курского губернатора, по 4 столу, дело № 60.

Во всех почти селениях волостное и сельское начальство было изгнано; рабочие снимались с экономий, леса вырубались, захватывался хлеб.

Однако, отсутствие единого революционного штаба, неимение налаженной связи между селениями и одновременность выступлений—облегчили полиции борьбу с восстанием, и в начале января оно было подавлено.

После ликвидации весеннего выступления, Льговские крестьяне не успокоились и оживленно обсуждали злободневные вопросы.

Крестьяне на сходах вели такие суждения: „Отцы, братья и сыновья наши, не имея в достатке земли, сражаются с японцами, в то время, как и защищать-то им, безземельным, нечего. Царь должен вознаградить крестьян за счет дворянских земель, так как дворяне пользуются ими лишь, как капиталом.“

Так как земля должна быть от помещиков взята, то не было надобности возобновлять обычных условий на наем частно-владельческих земель.

О предполагавшемся в 1905 году земском соборе крестьяне толковали так, что в учреждении этом царь будет слушать советы членов собора, в составе которого, по примеру земских собраний, перевес возьмут господа и они непременно поведут крестьян обратно под крепостную зависимость. А потому, как только собор соберется, надо крестьянам распорядиться, как сами знают.

Крестьяне посылали угрожающие письма по экономиям. Например, в с. Ивановском, в почтовом ящике было обнаружено два таких письма. На них были нарисованы черные кресты, а содержание сводилось к тому, что с должностными лицами, притесняющими народ, скоро будет учинен расчет.

Имелись энергичные местные агитаторы, например: крестьяне с. Баниц—Тимофей и Яков Фрундины, учительница Кудрявцева, Савицкая, врач Лебедева, начальник станции „Артаково“—Мухин и др.

В уезде первым делом с осени начались лесные порубки и самовольная пастьба скота. Затем разгорается бурное восстание, сопровождавшееся пожарами, разгромами и ожесточенным сопротивлением властям.

11-го ноября в Колпаковской волости сожжена экономия помещика Ярош, имущество которого захвачено крестьянами. Нападение было произведено под руководством прибывшего откуда-то агитатора, которого удалось полиции арестовать.

13-го ноября в Марьинском хуторе сожжен продуктовый магазин и стог клевера; в с. Никольском сгорела клуна. В имении Суковниных крестьяне дружно рубили лес и угрожали разгромом. Губернатор настойчиво рекомендовал

земским начальникам разъяснять манифест 3-го ноября об отмене выкупных платежей, но это не вносило никакого успокоения, а, наоборот, еще больше раздражало крестьян, которые относились к манифесту с насмешками.

Помимо „увещаний“, конечно, при первых же признаках волнения были посланы казаки. Пребывание войск в уезде возмущало крестьян, и общество с. Ивановского протестовало против присылки войск в экономию князя Барятинского и просило губернатора, если он хочет успокоить деревню, снять военную охрану.

Губернатор ответил, что охрана поставлена не в обиду Ивановских крестьян, а чтобы не допустить в экономию злонамеренных людей, которые рыскают по губернии, возмущая мирных жителей и творя всякие насмешки.

14-го ноября при с. Скрыневке разбили хутор Муравьева; у Голицыных при Шептуховке вырубил до 200 корней. Каменевские крестьяне двое суток громили экономию Собашиных. 16-го ноября в усадьбе князя Гагарина прогнали рабочих, разбили стекла и поломали мебель.

24-го в Скрыневке вырубил до 400 деревьев.

Большое количество войска, направленное в уезд, дало полиции возможность предупредить нападения крестьян на усадьбы, вследствие чего удалось добиться некоторого успокоения. Начались аресты руководителей. 9-го был арестован начальник станции Артаково—Мухин. 10-го декабря пристав Семериков пытался в с. Банищах арестовать Якова Фрундина, но здесь крестьяне, в количестве до 500 человек, оказали вооруженное сопротивление. 10 казаков, бывшие с приставом, дали пять залпов, но под натиском толпы должны были ретироваться. Затем до 25-го декабря не отмечалось никаких выступлений.

Но в этот день крестьяне дер. Иванчиковой пришли в усадьбу земского начальника Штейна и разбили окна в доме и конторе. Затем началось наступление на имения Стремоухова и Терещенко. Организаторами нападения были Тимофей и Яков Фрундины. Еще 8-го декабря под их влиянием общество сместило старосту и избрало нового—Павла Зудова и кандидата к нему Козьму Трусова, при чем прежний староста был избит.

11-го декабря по звону в набат собрались жители Банищ и под руководством Фрундиных, Зудова и Чулакова, вооруженные ружьями, кольями и топорами, направились во Льгов для освобождения арестованного начальника станции Артаково—Мухина. Захватив по дороге крестьян с. Фитиж, отряд направился на станцию Артаково и, узнав, что Мухин отправлен в Курск, повернул обратно в село.

29-го декабря по набатному звону снова собираются села, образуя большой отряд с вооруженными верховыми, и

выступают в поход на имение Стремоухова и Терещенко. Там был избит пристав Морецкий и урядник. Затем разгромили имения. Захватили все, что можно было взять: хлеб, инвентарь, мебель, посуду, граммофон, часы и т. д.

После такого удачного набега целую неделю пировали крестьяне, плясали под граммофон,—пили не отдавая себе отчета в происшедшем, и не заботясь о закреплении своих завоеваний.

Фрундины и Зудов организовали крестьян для решительного и вооруженного сопротивления войскам. Но достигнув ближайшей цели, крестьяне почили на лаврах.

Между тем начальство не дремало. Во Львовском уезде были сосредоточены многочисленные войска, всех родов оружия.

8-го января 1906 года был пред'явлен Банищам ультиматум: исполнить к 9 часам, 9-го января, все приказания гражданских властей и выдать зачинщиков, в противном случае по деревне будет открыт артиллерийский огонь. Крестьяне вынуждены были покориться, выдать руководителей и участников нападения; после чего, разделившись на 12 паев, приступили к обыску захваченного имущества. Зачинщики, около 30 человек, были арестованы, за исключением Фрундиных, которым удалось скрыться. Суровой экзекуцией и во Львовском уезде удалось добиться покорения крестьян.

Посланный в Курскую губернию генерал-ад'ютант Пантелеев, в виду грандиозных размеров движения в Львовском уезде, сам выехал туда для „увещания“.

7-го декабря в Льгове состоялось собрание делегатов от всех сел и деревень для выслушания распоряжений Пантелеева. Земским начальникам поручено было избрать „представителей,“ наиболее благонадежных, но крестьяне распорядились по-своему: не пустили кандидатов, указанных начальством, а послали тех, кому доверяли. Члены Крестьянского Союза воспользовались большим собранием крестьян для пред'явления требования к правительству. Служащие Управы: Давыдов, Ступаков, Шеткунов, Боярский, Дегтярев, затем агроном Куважин, смотрители уездного дома Водолажский, Волобуев, Фрогин, некоторые учителя—взяли собравшихся крестьян в обработку и организовали их для вынесения приговора, заранее изготовленного при участии Председателя Управы Широкова. Генерал Пантелеев вместо покорной толпы верноподданных вступил на собрание „бунтовщиков“, которые встретили правительственного чиновника не приветствиями, а криками недовольствия. „Никакие увещания не могли воздействовать на озлобленную толпу“—доносит земский начальник губернатору, представляя список на 90 лиц, самых неблагонадежных, способство-

вавших „беспорядку“ в зале Уездного Съезда, где происходило собрание. Представители сел и деревень вынесли приговор и послали царю телеграмму, в которой выразили свои основные требования. Разойдясь по деревням, крестьяне грубо и неодобрительно отзывались о генерале Пантелееве, говорили, что они вступили в „Союз Союзов“, и что теперь пора расправиться с помещиками, а также и попами, которые неправильно толковали манифест 17-го октября. Приговор собрания и телеграмма были отпечатаны на гектографе, не в большом количестве и раздавались делегатами.

Считаем необходимым привести здесь копии этих документов.

П о с т а н о в л е н и е.

Крестьян-выборщиков от сел и деревень Львовского уезда, на 7-е декабря, прибывших в Львов для выслушания распоряжений генерал-адъютанта Пантелеева.

Копия телеграммы.

Петербург. Государю Императору. Мы, крестьяне, выборщики от сельских обществ Львовского уезда, прибыв 7-го декабря для выслушания генерал-адъютанта Пантелеева, п о с т а н о в и л и: Выразить Вашему Императорскому Величеству верноподданнические чувства и просить в непродолжительном времени созвать Государственную Думу с всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, просим Ваше Императорское Величество снять усиленную охрану с Курской губернии, удалить казаков, другие войска и сельских стражников, так как они только обостряют наши отношения и умиротворять нас не могут, пока мы не получим того, чего хочет весь народ, а именно, наделение всех нас землей и осуществление манифеста 17-го октября.

По уполномочию выборных: *Павел Петров Гнущенков, Федор Герасимов Овчинников, Василий Усачев, Никита Шульгин.*

Копия приговора.

1905 года, 7-го декабря, мы, крестьяне Курской губернии, Львовского уезда, всех сел и деревень Львовского уезда, прибыв по призыву генерал-адъютанта Пантелеева для выслушания его распоряжения, п о с т а н о в и л и: 1) чтобы все русские люди были равноправными русскими гражданами, сословия должны быть уничтожены; 2) чтобы земля была общая—народная, и землею должны пользоваться те люди, которые обрабатывают ее собственным трудом без наемных рук; 3) чтобы выборы в Государственную Думу производились на правах всеобщего, тайного и равного голосования без различия сословия, от каждого стотысячного населения посылался бы в Петербург один человек; 4) чтобы усиленная охрана с Курской губернии была бы немедленно снята и казаки были бы убраны из Курской гу-

бернии, как желательно и всему русскому народу; 5) просить об удалении полиции и земских начальников, как излишних; 6) требуем отмены смертной казни и полной амнистии политическим преступникам; 7) осуществить манифест за 17-е октября с. г. в полном его смысле. Настоящий приговор посылаем в Бюро Всероссийского Крестьянского Союза и просим направить в газеты для пропечатания и присоединения нас к Союзу Союзов, в том и подписываемся (120 человек грамотных и около ста неграмотных) ¹⁾.

Крестьяне в декабре 1905 года еще не пережили своего „9-го января“,—они продолжали обращаться к царю, выражая верноподданнические чувства и рассчитывая, что царь может согласиться на „всеобщее и равное“, а также на наделение крестьян землей за счет помещиков. Так прочны были иллюзии деревни, рассеившиеся лишь после экзекуций, которые были учинены над взбунтовавшимися крестьянами свирепыми царскими генералами.

Грайворонский уезд.

Крестьянская революция шла по своему пути, не увязываясь с выступлениями рабочих. В то время, как после 17-го октября окончилась всеобщая стачка, и рабочие заняли выжидательные позиции, крестьяне, закончив полевые работы, приступили к разрешению своих наболевших вопросов.

В ознаменование царского манифеста 17-го октября крестьяне с. Мокрушина, Красно-Яружской волости, Грайворонского уезда, собравшись вместе человек до 100, отправились в лес княгини Юсуповой, нарубили деревьев и увезли, избив лесника. Так положено было начало систематическим порубкам. Пристав, конечно, не в силах был кого-либо арестовать или отобрать захваченный лес, так как вооруженные топорами и кольями крестьяне не сулили приятных перспектив полиции в случае применения каких-либо репрессий.

К началу ноября движение значительно разрослось: „беспорядки“ произошли в Мокрушине, Дунайке, Ракитной, ожидалось в самом Грайвороне,—полиция совершенно растерялась; требовались казаки, но у губернатора их не доставало и он рекомендовал земским начальникам прибегать чаще к „увещанию“ и раз'яснению манифестов и его губернаторского обращения к населению. А в это время крестьяне Ракитянской волости увозили лес и растаскивали бураки из имения Юсупова.

3-го ноября земский начальник сообщил губернатору, что „никакие увещания не действуют, начался открытый

¹⁾ Архив Курского губернатора по 4 столу, дело № 26—1905 года.

грабеж и возмущение, беспорядки на аграрной почве с политическими агитаторами“¹⁾). Между тем все имеющиеся в губернии войска были заняты усмирением в других уездах, так что пришлось обратиться к Харьковскому губернатору за помощью, но и тот ее не мог оказать в виду тяжелого положения у него самого.

Недостаток войск страшно беспокоил помещиков, которые просят послать казаков, хотя бы за счет экономий. Владельцы рассчитывали исключительно на военную силу и не допускали мысли сделать крестьянам какие-либо уступки. Либеральничавший немного Грайворонский исправник Романов писал, что „сами владельцы на помощь не идут и не считаются с тем отчаянным временем, в котором мы живем. Необходимы уступки со стороны землевладельцев, иначе будут продолжаться порубки и своеволия“.

Совершенно иначе смотрели на дело сами помещики.

Для ослабления аграрного движения, по мнению Грайворонского предводителя дворянства, необходимо было:

- 1) Добавить войск, по возможности скорее.
- 2) В более опасных пунктах расквартировать отряды казаков.
- 3) Закрывать винные лавки.
- 4) Вменить в обязанность земским начальникам следить за сходами, которые не должны разбирать ни одного вопроса без разрешения земского начальника.
- 5) Охранять войсками не только заводы, но и мелкие экономии.
- 6) Обязать полицию составлять протоколы, выяснять убытки и направлять дела по подсудности, возвращая потерпевшим награбленное.
- 7) Арестовывать зачинщиков и подстрекателей и производить высылки.
- 8) При грабежах и порубках охране стрелять в лошадей, а если эта мера окажется недостаточно сильной, то стрелять людей.

Вот какие меры успокоения предлагались старшим в уезде дворянином. Никаких уступок, никаких послаблений — арест, высылки, расстрел на месте.

Но, к несчастью господина предводителя, стрелять было некому, поэтому лесные порубки и у графа Шереметьева, и у князей Юсуповых и Голицыных, и у Харитоненко, и других — продолжались.

14-го ноября сожжена была усадьба Шекуна при с Кустовом.

В то же время в дачах графа Шереметьева до 2000 крестьян в течение трех дней рубили и увозили лес. Стра-

1) Архив Курского губернатора, по столу 4, дело № 127; 1905 г.

жа изгонялась с назиданиями: „как охранять панский лес, не они его сеяли, а наши предки и лес этот наш“. Всего у Шереметьева было вырублено леса на 30.000 руб., что составляло лишь десятую часть стоимости его лесных владений в Курской губернии.

16-го ноября посланный губернатором в Грайворон не-пременный член Вишневский сообщал, что настроение в уезде очень возбужденное, экономиям грозит опасность, войск мало. Губернатору пришлось разыскивать войско и все-таки посылать.

С 23-го по 24-е ноября в Борисовку были высланы казаки.

5-го декабря из Белгорода отправился в Грайворон казачий взвод. Полиция начала действовать более энергично и постепенно движение начало затихать; 15-го декабря исправником была открыта в районе беспорядков, винная лавка—показатель достигнутого властями успокоения.

Характерным для Грайворонского движения является то, что здесь был лишь один случай поджога экономии, главное же внимание восставших крестьян сосредоточилось на помещичьем хлебе и лесе, которые увозились из экономий в значительном количестве, так что убытки от лесных порубок исчислялись в сумме около 90.000 рублей.

Обоянский уезд.

Здесь крестьяне вели нападение на помещичьи леса уже с конца лета.

В ночь с 24-го на 25-е августа общество дер. Новенькой и Федьчевки, в имении гр. Клейнмихель—Ивня, начали рубить лес, отогнав стражу и вступив в бой с экономическим обездом, которому едва удалось удрать. Нападение велось организованно: в то время, как одна группа пилила лес, другая стояла на страже, охраняя вывоз леса.

Производя порубку, крестьяне говорили: „Это лес наш,—на нашем поле стоит. Где же нам и взять лес, как не у графа! у него много всего“. Земскому начальнику, прибывшему на сход, едва удалось таковой закончить, не добившись, однако, от старосты фамилии зачинщиков. Впрочем одного агитатора удалось установить. Это был работавший на Юзовском заводе крестьянин Кирилл Алексин.

Уже в начале сентября в Ивню была направлена полусотня казаков.

15-го сентября рабочие Ивнянского сахарного завода предъявили требование о введении трех смен, вместо двух, или же повышения на 50% заработной платы. Администрация согласилась на прибавку зарплаты, и завод приступил к работе.

До ноября, кроме лесных порубок, не наблюдалось активных выступлений.

Но 1-го ноября крестьяне деревни Ивни явились в графскую экономию и потребовали вернуть деньги, уплаченные за аренду пастбища. Управляющий вынужден был отдать обществу 350 рублей.

5-го ноября крестьяне дер. Самариной и Картамышево приступили к разделу помещичьей земли.

К 10-му ноября обширные казенные лесные дачи Долженковской волости были захвачены крестьянами. 8-го ноября крестьяне села Долженкова забрали имущество стражи, жившей в казенном доме, выгнав стражу, затем выбили в доме стекла и поломали печи, а 9—сожгли дом и службы.

После этого, на сельском сходе крестьяне предъявили земскому начальнику требование о передаче в общество Долженковской лесной дачи. Такие же заявления поступили от с. Бушмина и дер. Коптевой.

В дальнейшем события разворачивались так:

12-го ноября крестьяне с. Косиновки вошли в усадьбу землевладельца Бровцина, сожгли флигель, кормовую солому, забрали хлеб и хозяйственные орудия. На другой день общество того же села явилось в экономию Дженеева и подожгли дом, при чем отряд артиллеристов, прибывший в усадьбу, не мог предупредить поджога.

14-го ноября крестьяне села Печного, во главе со старостой Шатиловым, напали на усадьбу Тутова, разбили дом, сарай и клуню, захватив хлеб, муку и деньги. Косиновские же крестьяне вновь разбили экономию богатого крестьянина Гамалина и имение Дженеева.

Ночью на 15-е (во владениях Покровского, Нижний Реутец, сожжен кирпичный сарай, а на 16-е из Бровцина, Ровни и Реутца совершено нападение на усадьбу Морховца, где были сожжены постройки и захвачено имущество; ими же при участии с. Башкатова разбито имение Богуславского.

В ту же ночь крестьяне с. Горки на нескольких подводах явились в усадьбу Горяинова и увезли из амбара хлеб. Затем из окрестных сел собралось большое количество крестьян, которые выбили стекла в доме и захватили мебель, посуду и белье. Владелец имения и его жена были избиты.

Губернатору пришлось посылать казаков и артиллеристов. В Касинове казаки стреляли, ранив одного крестьянина.

В ночь на 17-ое сожжены усадьбы Сомова, Лукина и Карташева; 19-го—имение Стеценко в Коптеве. Мероприятия полиции были настолько недействительны и безрезультатны, что исправник Полетика донес губернатору 12-го ноября: „я бессилен спасти уезд от охватившего его волнения и

беспорядков. Прошу немедленно устранить меня от должности, непременно предать суду и назначить более опытного исправника“. Губернатор ответил телеграммой, советовал не теряться и держаться крепче, а для подкрепления посылал новые отряды кавалерии. Однако, через неделю исправнику разрешено было уйти в отпуск. Заместитель его Аврамов принялся за усмирение более энергично. Бывшие в распоряжении исправника пехота, драгуны, артиллерия и казаки были размещены в наиболее угрожаемых участках. Пристава с отрядами об'езжали селения, производя обыски, аресты и отбирая захваченное имущество.

Крестьяне уступили военной силе, и к концу декабря было достигнуто успокоение. 23-го декабря в г. Обояни было открыто 2, а в уезде 14 казенных винных лавок, закрывавшихся на время беспорядков ¹⁾.

Дмитриевский уезд.

Подавленное Курловым восстание Дмитриевских крестьян в феврале—вновь оживляется осенью, отчасти под действием участников весеннего восстания, которые, находясь под надзором полиции в своих селениях, оказывали соответствующее влияние на односельчан в волостях: Гламаздинской, Ольховской и Прилеповской. Уже в конце октября в этих волостях начались поджоги построек и скирд сена. В Хомутовке, Калиновке, Дубовицком и Ярославке крестьяне начали пасти свой скот по экономическим зеленым и клеверным полям и забирали свеклу с помещичьих полей.

В с. Сальном, уже весной впервые началось восстание: крестьяне собирались на совещания и вырабатывали планы дальнейших действий. На хуторе мещанина Васильченко в ночь на 28-е октября были сожжены скирды хлеба. Вообще с. с. Сальное и Гламаздино вызвали большие опасения помещика настаивавшего на немедленной присылке казаков в этот район.

Однако, восстание здесь не развилось. В Хомутовке и Добром побили стекла и выпускали скот на экономические поля.

26-го ноября в Звеньячке, в имении Энгельгард, сожжена рига. В начале декабря в Рышкове разобраны два магазина.

В Прилепах, Звеньячке, Хомутовке наблюдалось возбужденное состояние крестьян, но расквартированные в ряде пунктов казаки сдерживали от решительных выступлений, так что в конце декабря происходили лишь массовые порубки леса. Все же и здесь крестьяне, забирая лес, оказывали сопротивление полиции при розыске.

¹⁾ Архив Курского губернатора по 4 столу, дело. № 97; 1905 г.

23-го декабря пристав Мартынов с 10 казаками намеревался арестовать агитаторов в д. Старой-Белице. Но когда был взят один из них—Богданов, то на его крик явились крестьяне, вооруженные топорами и вилами. Они напали на полицию и казаков, которые стреляли, но под натиском большой толпы должны были отступить, не захватив ничего из агитаторов.

Большое распространение в Дмитриевском уезде получило упразднение хлебо-запасных магазинов, откуда разбирали все зерно, при чем старосты отказывались составлять списки разбиравших хлеб. Так было в Звениячке, Меньшикове, Кирилловке, Афросимовке и др. В районе Звениячки сельскими обществами составлялись приговоры о закрытии винных лавок, об отказах уплаты повинностей. Между прочим, Аронов—местный лавочник с. Звениячки и др. кулаки развивали оживленную агитацию за Крестьянский Союз, и здесь, как в ряде других случаев, сказалось, что зажиточные верхушки деревни в 1905 г. были настроены оппозиционно и кулаки были не прочь похозяйствовать со своей мощной помещичьей земле.

Полиция скоро заметила всех агитаторов, и они были арестованы, а к концу декабря в уезде установилось относительное спокойствие.

Рыльский уезд.

Напряженное состояние, готовое перейти во взрыв, наблюдалось здесь с весны 1905 года. Крестьяне намеревались громить сахарные заводы, в частности угрожая большим заводам бр. Терещенко—Теткинскому в Рыльском уезде и Крупецкому в Путивльском. Правительство чрезвычайно заботливо охраняло сахзаводы и не скупилось на посылку войск для их защиты. На заводе Терещенко охрану несли пехотные части, но на них было мало надежды, поэтому, при проявлении первых же признаков опасности, пехота заменялась кавалерийскими и казачьими частями.

Восстание Дмитриевских крестьян угрожало и усадьбам соседнего Рыльского уезда, в его Амонской и Петровской волостях. Рыльский исправник немедленно запросил войска от губернатора, который и отправил в его распоряжение три роты пехоты и из Сум—эскадрон драгун. С такой же просьбой 23-го февраля обращается к губернатору правление заводов бр. Терещенко, и губернатор предложил исправнику одну роту командировать на защиту Крупецкого завода, а в то же время запросил у командующего войсками два эскадрона драгун—один в Теткино, другой в Крупец.

Такой переполох вызван был сообщением, что громадный отряд крестьян, тысячи в три, из южного угла Сев-

ского уезда, уничтожив экономию Терещенко—Хинель, направился в восточный угол Глуховского уезда, нападая по дороге на заводы и хутора и угрожая в северном углу Путивльского уезда Крупецкому сахарному заводу и дальше многочисленным усадьбам Курской губернии.

На полосе в 50 верст длины и 30 верст ширины, пограничной с Глуховским уездом, сосредоточено было 3 эскадрона драгун и 4 роты пехоты, кроме того, затребовано было еще 2 эскадрона.

Однако, войскам, расположенным в Рыльском уезде, не пришлось действовать, потому что никакой „толпы“ из Глуховского уезда ни на Путивльский, ни на Рыльский уезд не продвинулось, и крестьяне лишь проявили „брожение умов“, которое не перешло в серьезные действия. Весной дело ограничилось лишь покражей соломы крестьянами дер. Дугиной—на Передельцевской ферме.

В целях предупреждения беспорядков, на Теткинский завод был командирован генерал Курлов. Он нашел пехотную часть мало надежной, но затем был весьма обрадован прибытием Одесских драгун, под начальством барона Врангеля. Вид храбрых драгун, а больше, пожалуй, свирепого экзекутора, так напугал крестьян, что они отказались от нападения на завод.

„Таким образом, удалось с божьей помощью предупредить столкновение грабителей и спасти завод“,—писал Курлов ¹⁾.

Осенью, в ряде селений были столкновения с помещиками, но движение в общем оказалось очень скромным, лишь крестьяне села Глушково захватили тысяч на десять леса в имении Терещенко, а с. Снагость—у Барятинского тысячи на три. Затем были потравы и захват имущества в небольшом количестве крестьянами дер. Игнатьево, Свиново, с. Кульбаки, Ингушино, Володиной. Всего убытка причинено было владельцам в уезде лишь на 19.000 руб. ²⁾.

Корочанский уезд.

Аграрное движение соседних уездов перекинулось в ноябре и на Корочу, где оно оказалось вначале в глухом брожении слобод Белой и Неклюдовой. Среди крестьян шли толки о разделе земли, об упразднении частного землевладения. Этого брожения достаточно было для того, чтобы помещики в панике разбежались из своих барских логовищ. Однако, присутствие казаков на сахарном заводе Ребиндер в Шебекине, Белгородского уезда, смежном с Неклюдов-

¹⁾ П. Курлов. „Конец русского царизма“, стр. 22.

²⁾ Архив Курского губернат. по ст. 4, л. № 31, 1905 г.

ской волостью, служило значительным тормозом к активным выступлениям в этом районе, и дело ограничивалось лесными порубками в казенных дачах.

18-го ноября из Белгорода полуэскадрон драгун был направлен в г. Корочу.

19-го в Бокорюковке крестьяне пытались поджечь скотный двор экономии Рыжова, но прибывшие из Шебекина драгуны скоро восстановили „порядок“, при чем было арестовано восемь человек. К управляющему имением было предъявлено требование выдать на каждый двор по 10 пудов пшеницы и 4.000 пудов соломы на общество.

Исправник об'езжал уезд и установил, что наивысшая опасность угрожает участкам, соприкасающимся с Ново-Оскольским уездом, где движение носило характер ожесточенных нападений на имения. Опасался исправник и за самую Корочу, где „настроение умов было также повышенное, и нет сомнения в том, что в недалеком будущем могут возникнуть крупные беспорядки“.

Исправник не ошибся: 26-го декабря „ужасные беспорядки“ (как сообщалось в телеграмме) произошли. Но этот корочанский бунт носил комический характер. Во время обычного кулачного святочного боя толпа набросилась на четырех пьяных казаков, из которых один ранил шашкой нападавшего. После этого произошла свалка, а часть толпы бросилась на палатки с пряниками. Исправник и казаки едва успели скрыться, после чего толпа разошлась. На другой день в Земской Управе был организован митинг, на котором выступали студенты Яновский, Кудинов, Мамантов и крестьянин слободы Бехтеевки Колченко. Митинг прошел совершенно спокойно и таким образом закончился „ужасный“ корочанский бунт.

В Корочанском уезде движение не получило широких размеров потому, что крестьяне здесь были сравнительно сносно обеспечены землей, так как на 83,8%¹⁾ являлись бывшими государственными, у которых на один двор, в среднем, приходилось больше, чем 9 десятин земли.

Главной причиной, побудившей к выступлению, здесь был неурожай 1905 г. и острый недостаток в топливе, что признавалось и властями. Даже губернатор поддержал ходатайство Корочанского уездного земского собрания об отпуске леса из казенных лесных дач, безденежно, или по пониженной оценке, за счет лесосек 1907 и 1908 года.

Поскольку, однако, здесь малоземелье не так резко давало себя знать, постольку и крестьянское движение не вылилось в резкие формы ¹⁾.

1) Архив Курского губернатора по 4 столу, д. № 130, 1905 г.

Ново-Оскольский уезд.

В Ново-Оскольском уезде движение было очень буйным и сопровождалось разгромом наибольшего по губернии количества имений.

Для характеристики движения мы ограничимся лишь приведением списка разбитых экономий и других владений.

1-го ноября в Чернянской волости, в сл. Чернянке, разбиты две винных лавки, конечно, с истреблением водки. У купца Маркова в доме побиты стекла, а лавка растащена и сожжена, а у князя Касаткина-Ростовского разбита вся обстановка в доме, на хуторе же побиты стекла и увезена часть хлеба. У купца Шевцова сожжена усадьба с постройками и маслобойный завод. Крестьяне дер. Окуни также предварительно разбили винную лавку, а затем захватили и сожгли экономию Сискевич.

2-го ноября в слободе Морквиной сожжены усадьбы Ткачева и земского начальника Арсеньева, а на хуторе крестьянина Кобелева сожжен скотный двор, увезено сено и часть хлеба. То же в хуторе кр. Лазаренко.

В Масловке разбита казенная винная лавка. Крестьяне села Ездочного забрали имущество в усадьбе Денисовой, затем разгромили и сожгли экономии Гобят и Арсеньева.

При хуторе Большом разбита и сожжена экономия купца Маркова, а также захвачена водка в казенной винной лавке. В Сычеве сожжена часть построек хутора Орлова. При слободе Голубиной, Пригородной волости, сожжена экономия и винокуренный завод Мятлева.

3-го ноября крестьяне слободы Шараповки разбили и сожгли усадьбу графа Доррера.

4-го ноября при слободе Троицкой, Волостовской волости, сожжена экономия Орлова-Давыдова, а в дер. Никольской сожжены надворные постройки у Мятлева. В сл. Ольшанке, Ольшанской волости, разбита винная лавка, а затем сожжена экономия князя Трубецкого с винокуренным заводом и фермой. Крестьяне дер. Волковки захватили и сожгли экономию Гладкова, Нечаевой, Волкова и казенную винную лавку. В Ново-Матвеевке сожжена экономия Старова. При селе Проточном захвачена экономия Иваницкой, а при дер. Гладковой разбиты и сожжены усадьбы Гладкова и Калинина.

В с. Коньшине, Халанской волости, 4-го ноября 2 экономии разбиты и четыре сожжены.

5-го ноября крестьяне слободы Шараповой, Пригородной волости, захватили имущество в экономии Скибина, а постройки сожгли.

6-го ноября при хуторе Яковлевке сожжена усадьба Переверзева, а при дер. Елизаветинке—экономия Познякова и Бунина.

Так бушевала крестьянская стихия и в течение одной недели разметала не один десяток дворянских гнезд; за весь же период восстаний было разбито 44 владения, при чем убыток, причиненный владельцам, исчислялся в 1.685.071 руб., что составляет приблизительно половину всех убытков, понесенных помещиками Курской губернии в 1905 году ¹⁾.

Старо-Оскольский уезд.

В Старо-Оскольском уезде движение не было таким ожесточенным, как в Ново-Оскольском. Здесь всего лишь десять владельцев понесли ущерб от крестьянских нападений, при чем 4 усадьбы в Дубенке, Мышевке и Дубошевке были уничтожены совершенно, в остальных же частью сожжены постройки, а главным образом увезен хлеб.

Курский уезд.

Как ближайший к губернскому центру, уезд особенно тщательно охранялся, поэтому движение здесь не могло принять широких размеров. Губернатор, очевидно, был спокоен за этот район и откомандировал даже Курского исправника, как опытного администратора, в Суджанский уезд, где он вел усмирение по совместительству.

В уезде отмечаются небольшие лесные порубки и более активное выступление крестьян дер.: Камышовки, Александровки, Дмитриевки и Анпиловой, села Спасского и сельца Ивановки. В этих селениях были сожжены несколько построек и захвачена часть имущества тамошних помещиков, при чем все убытки выразились в сумме 22.000 р. ²⁾.

Щигровский уезд.

Здесь необходимо отметить агитационную работу крестьянской девицы Марии Сергеевой. 30-го октября она прибыла в дер. Новоселку, Мелехинской волости, и принесла с собой пачку прокламаций. Сергеева читала прокламации крестьянам, при чем говорила, что царю не надо повиноваться, так как он не обращает внимания на нужды крестьян, и, если крестьяне оставят у себя царя, то погибнут.

Вскоре Сергеева была арестована приставам.

3-го ноября крестьяне дер. Ивановки и Петровки, Хохловской волости, под руководством Емельяна Хавронина, разбили усадьбу Небольсина, затем Титовское общество начало рубить лес у помещицы Чупятовой, а крестьяне села Уколова—у Боткиных.

Помещики, как и всюду, перепугались и засыпали губернатора просьбами о войсках. Однако, туда достаточно

¹⁾ Архив Курского губернатора по 4 столу, д. № 31, 1905 г.

²⁾ Архив Курского губернатора по 4 ст., д. № 31, 1905 г.

оказалось послать одну роту пехоты Обоянского полка, чтобы ликвидировать движение.

Щигровские крестьяне имели сравнительно большие наделы, так что коренная причина восстания—малоземелье, здесь не так сильно действовала, а поэтому, несмотря на опасения Маркова второго, даже его имение не было сожжено, и крестьяне вовсе не проявили тех страшных действий, которых ожидали от них перепуганные Щигровские зубы¹⁾.

Волна восстаний не захватила лишь трех уездов: Белгородского, Тимского и Фатежского, где дело ограничилось незначительными лесными порубками и потравами.

На территории всей Курской губернии, так или иначе задеты были крестьянами 225 владельцев, которым причинен был ущерб, примерно, на 3½ миллиона рублей.

Однако, крестьяне немного получили из этой суммы, так как потерпевшим землевладельцам была выдана правительством, на льготных условиях, ссуда на восстановление имений, при чем средства для этой цели, в конечном счете, взяты были, в виде налогов, с тех же крестьян.

Описанные нами события крестьянского восстания в Курской губернии свидетельствуют о разнообразии форм, в которых оно проявлялось. Всюду малоземелье и безлесье были главными побудителями к выступлениям, но фактический захват земли и раздел ее между членами крестьянских обществ наблюдался лишь в немногих случаях,—в Льговском, Рыльском и Обоянском. В с. Самарино, Обоянского уезда, крестьяне поделили помещичью землю по числу наличных душ после составления об этом приговора сельского общества²⁾.

Однако, разрешение земельного вопроса вообще имелось в виду лишь после изгнания помещиков, или же по издании на этот счет соответствующего закона. В момент же восстания крестьяне стремились удовлетворить свои самые насущные потребности. Прежде всего, была нужда в хлебе,—особенно острая в 1905 году, благодаря недороду. Поэтому захват хлеба и корма в экономиях имел очень широкое распространение. Далее, удовлетворялась также крайне острая нужда в лесе. Массовые порубки лесов захватили большую территорию и наблюдались пожары везде, где только был лес. В Грайворонском уезде отмечается 8 крупных порубок, в Путивльском—6, Суджанском—9, Обоянском—15, Курском—2, Щигровском—2, Льговском—3, Дмитриевском—12, Ново-Оскольском—11, Рыльском—5, Тимском—1 и Старо-Оскольском—5. Большое количество порубок оставалось невыясненным и неучтенным.

¹⁾ Архив Курского губернатора по 4 ст., д. № 129, 1905 г.

²⁾ Архив Курского губернатора по 4 ст., д. № 31, 1905 г.

Много было случаев пастьбы скота и потрав в помещичьих угодиях.

Довольно оказался распространенным по губернии разгром и поджог имений. Имели при этом в виду крестьяне таким путем выкурить помещиков из усадеб и потом завладеть землей, или же хотели выместить всю ту обиду, которую приходилось терпеть веками от барина,—трудно сказать. Второе, пожалуй, вернее. Надо отметить, что самым жарким оказался Ново-Оскольский уезд, где сожжено было 33 усадьбы, при этом в большинстве случаев нападением на усадьбы предшествовал разгром винных лавок, каковых было разбито крестьянами девять. Присутствие среди нападавших пьяных, безусловно, способствовало разгулу стихии и проявлению таких действий, как битье стекол, дверей, мебели, поджогов и т. п. Но ни здесь, ни в других уездах ни одного случая, за исключением отмеченного нами в с. Горках, расправы с самими помещиками не наблюдалось.

Отказ от соблюдения арендных договоров и даже требования возврата уплаченных за угодия сумм, также были нередкими явлениями этого периода.

Развернувшись, главным образом, в плоскости взаимоотношений между мужиком и барином, движение, несмотря на всю его стихийность, все же во многих случаях заключало в себе элементы политического порядка.

Так как на ряду с помещичьей кабалой царское правительство душило деревню налогами, то крестьяне, почувствовав так называемую „свободу“, пытались сбросить с себя бремя податей. Тяжесть их выражалась, примерно, по Курской губернии в 2 р. 80 коп. на едока, или в 21 руб. на каждый двор. При нищенских доходах от трехпольного хозяйства, уплатить такую сумму без ущерба для самого хозяйства немыслимо, поэтому стремление избавиться от налога было так естественно, и отказ от уплаты податей особенно часто встречается в решениях крестьянских сходов за 1905 год.

Например, в с. Рыжкове, Дмитриевского уезда, крестьяне заявили земскому начальнику, что не будут вносить выкупных платежей.

Крестьяне дер. Быховки, Березовской волости, того же уезда, разъяснили по соседним деревням, что, на основании манифеста, все подати прощены.

Вообще манифесты 17-го октября и 3-го ноября толковались так, что платить теперь ничего не нужно.

Ряд обществ Дмитриевского уезда принял однообразно написанные приговоры об отсрочке всех повинностей на 3 года.

По донесению земского начальника 4-го участка Льговского уезда, большинство крестьян наотрез отказывается пла-

тить окладные, мирские, страховые и продовольственные сборы и недоимки, объясняя это тем, что, вследствие данной свободы, все избавлены от платежей ¹⁾.

22-го ноября в с. Вязовом, Путивльского уезда, сход постановил не платить податей, кроме сельского расхода, до того времени, пока не будет отобрана у помещиков земля ²⁾. Таким образом, здесь отказ от уплаты налогов можно рассматривать, как один из методов политической борьбы.

Об отказе платить подати 20-го ноября доносил и земский начальник 5-го участка Корочанского уезда ³⁾.

17-го декабря земский начальник Дмитриевского уезда сообщил, что крестьяне не желают выполнять многих повинностей ⁴⁾. Кроме отказа от уплаты податей, политические выступления сказывались в изъятии вкладов из сберегательных касс, при чем отмечаются случаи недостатка денежных знаков в казначействе для расплаты; в разборе продовольственных запасов и в постановлениях об отказе в рекрутах. Последнее, впрочем, практически нигде не было проведено, так как в материалах нет указаний на то, чтобы новобранцы не являлись на сборные пункты.

Ведя борьбу за удовлетворение ближайших и насущнейших нужд, крестьянство непроизвольно сталкивалось с представителями власти и, поскольку они препятствовали захвату лесов или разгрому имений, властям оказывалось неповиновение и сопротивление. Так, крестьяне с. Сального, Дмитриевского уезда, напали на полицию и затем, несмотря на приказ земского начальника, не являлись к нему для допроса.

Несмотря на воспрещение собраний по положению об усиленной охране, крестьяне не обращали на это никакого внимания и собирались, когда им вздумается.

В Щигровском уезде, когда земский начальник Емельянов явился с урядником в дер. Карташевку, чтобы отобрать увезенное обществом сено, то крестьяне Гладковы и Овчинниковы, не допустив до обыска, организовали нападение на представителей власти. Земскому начальнику удалось уехать, урядника же Сомова Овчинников стащил с дрожжек и избил, сорвав портупею и отняв пашку. Когда пристав прибыл в деревню для ареста Овчинникова и Гладкова, то крестьяне прогнали и его.

18-го ноября крестьяне слободы Бекорюково, Корочанского уезда, окружили прибывшего для допроса пристава, намереваясь расправиться с ним, оттеснили стражников и

¹⁾ Архив Курского губернат. по 4 столу, д. № 26, 1905 г.

²⁾ Архив Курского губернат. по 4 ст., д. № 60, 1905 г.

³⁾ Архив Курского губернат. по 4 столу, д. № 130, 1905 г.

⁴⁾ Архив Кур. губ. по Ст. 4, д. № 125, 1905 г.

ворвались в контору экономии Рыжова, заявив, что здесь будет устроен митинг ¹⁾).

В Судже собранные исправником в большом количестве крестьяне для составления верноподданнического адреса напали на полицейское управление, освободив арестованного Выдрина, затем разбили ворота тюрьмы и выпустили 38 заключенных за аграрные беспорядки ²⁾).

В том же уезде 2-го ноября, когда пристав хотел арестовать одного из крестьян в имении Раппа, крестьяне отбили односельчанина, нанесли побои земскому начальнику и бросили колом в пристава.

9-го ноября, при нападении на усадьбу Собашиных, многочисленный отряд крестьян прогнал казаков и стражников.

Миропольский сход потребовал выдачи арестованного крестьянина, взяв в заложники пристава.

Головинский сельский сход, Путивльского уезда, 12-го декабря отстранил от должности сельского старосту (человека, преданного порядку и законности) и выбрал другого, Василия Аникко, только что выпущенного из-под ареста. В Грузском выбранный крестьянами старшина предложил приставу перенести станковую квартиру, находившуюся в общественном доме. В декабре в Путивльском уезде, в районе Грузского, полиция отовсюду изгонялась, стражники разбежались. Следователи и пристав, командированные в Грузское для допроса, должны были вернуться с пути, так как повсюду встречали сопротивление и угрозы ³⁾).

23-го ноября в с. Белице, при попытке пристава арестовать агитатора, крестьяне, вооруженные вилами и топорами, напали на полицию и казаков, заставив их отступить. Затем прогнали из волости старшину и писаря.

В Банищах, Львовского уезда, нами отмечалось уже переизбрание старшины и вооруженное сопротивление полиции.

„Всякое уважение к власти, к закону и к распоряжениям начальства подорвано в конец и настолько, что именно властям и приходится теперь опасаться за личную безопасность. О неприкосновенности же частной собственности и говорить нечего“, жаловался один из земских начальников ⁴⁾).

Что касается частной собственности (помещичьей), то действительно она крестьянами не признавалась, но бояться властям за личную безопасность не было больших оснований, так как крестьяне брались за дубье только тогда,

1) Архив Курского губернат. по 4 ст., д. № 130, 1905 г.

2) Архив Курского губернат. по 4 ст., д. № 126, 1905 г.

3) Архив Курск. губернат. по 4 ст., д. № 60, 1905 г.

4) Архив Курск. губернат. по 4 ст., д. № 26, 1905 г.

когда начальство начинало сильно донимать, обычно же деревне мало дела было до власти; кому она должна принадлежать, какую следует установить власть,—об этом не думалось. Никаких определенных политических перспектив у крестьян не существовало, за малыми исключениями. В большинстве случаев они не представляли себе, какова в дальнейшем будет форма государственного и общественного устройства, а заявляли лишь, что не надо нам ни земских, ни судей, ни стражников,—сами мы сумеем управиться (Львовский уезд).

Земский, становой, урядник, судья оставались на своих местах и никто их не арестовывал, никто не предназначался на их место.

Настроение было анархическое: деревня не желала никаких властей, кроме, пожалуй, старосты, который сам поддерживал общество в его выступлениях против помещика. „Поведение старост ненадежно, так как они большей частью старались скрыть, что делается в деревне“, писал один из исправников. Так что на эту первичную сельскую власть высшему начальству нельзя было положиться, вследствие чего штрафы оказывались без взыскания, приговоры не приводились в исполнение. Не признавая существовавшей власти, крестьянство не помышляло о том, чтобы создать свою власть, которая бы могла защитить экономические завоевания.

Над деревней господствовала власть земли, которая вместе с тем была и „властью тьмы“, препятствовавшей встать на единственно правильный путь совместной борьбы с рабочим классом за государственную власть.

Там, где сказывалось значительное влияние рабочих, например, в селениях Путивльского уезда, недалеко от Конотопских железнодорожных мастерских, была сделана попытка организации местной власти в виде крестьянских комитетов.

В с. Казацком 15-го декабря крестьяне разогнали волостное правление, побили старшину, а писаря и урядника держали под арестом. Затем приступили к избранию комитета, который и явился органом местной власти.

8-го декабря в с. Грузском был устроен митинг, на котором выступали агитаторы из Конотопа и призывали крестьян к захвату власти.

11-го декабря по набатному звону собрались на митинг крестьяне из всех деревень Грузчанской волости и большого села Поповой Слободы. Здесь также, благодаря агитации конотопских рабочих, постановлено было не платить податей, полицию избить и начальство не признавать.

После этого в Грузском, Землянке, Вязовом и Бочечках были избраны крестьянские комитеты. Они издавали при-

казы и руководили движением. По их приказам снимались рабочие в экономиях. Они выполняли также и судебные функции. Но такое явление наблюдалось лишь в 4-5 селах и, конечно, не могло сыграть решающей роли.

23-го декабря исправник арестовал в Бочечках 14 членов комитета: 13 мужчин и 1 женщину, среди них были председатель и секретарь. В Казацком был арестован один член комитета ¹⁾.

Так закончили свое существование эти первые ячейки местной власти, избранной самими крестьянами. Но если крестьяне в массе и игнорировали власть, то она тем более старалась показать себя и скрутить во что бы то ни стало крестьянскую стихию, не делая никаких уступок ни в политической, ни в экономической области.

Весной 1905 года движение беспощадно подавлялось военной силой под руководством генерала Курлова. Курлов арестовывал крестьян целыми пачками, применяя порку.. Так, в Крупце им было высечено три крестьянина, в Добром-Поле подвергнут порке один из крестьян, у которого было обнаружено захваченное в экономии имущество. Курлов предупредил, что если все захваченное не будет возвращено, то он выпорот всех крестьян Доброго-Поля. В результате был представлен список 28 крестьян, у которых оказалось барское имущество. Так как с. с. Сальное, Хомутовка, Ярославка и Прилепы не исполнили распоряжения о возврате взятых в имении вещей, то Курлов поручил исправнику фон-Розену отправиться в эти села и подвергнуть неподчиняющихся телесному наказанию, результатом чего была полная покорность населения. В Дубовицах Курлов арестовал 47 человек и просил губернатора возложить на жителей содержание войск в виде экзекуции.

Осенью, после манифеста 17-го октября, губернская власть полагала, что это изобретение Витте явится магическим средством для успокоения крестьян, и пробовала обратиться к народу с разъяснением манифеста.

Губернатор 21-го октября выпустил листовку—обращение к Курским крестьянам и рабочим людям—следующего содержания:

От Курского Губернатора.

Курские крестьяне и рабочие люди.

Наш Великий Государь Император Николай Александрович, в постоянном попечении о благе народном, Манифестом от 17-го октября сего года даровал населению незыблемые основы гражданской свободы и призывает всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной.

¹⁾ Архив Курск. губернат. по 4 ст., д. № 60, 1905 г.

Властям же повелевает он принять меры к устранению беспорядка, бесчинств и насилий в охрану мирных людей.

Такова воля Государя, и я, как верный его слуга, буду свято ее исполнять, принимая самые строгие, указанные в законе, меры против всякого насилия и против всякого захвата чужой собственности, будь то земля или другое имущество.

Но я глубоко верю, что вы, верноподданные Царя, с благоговением приняв великие Царские милости, всею душой откликнитесь на призыв царя и приложите весь свой разум к воздержанию от всяких незаконных деяний, дабы прочный порядок установился на Русской земле.

Вы поймете, что дарованные блага гражданской свободы: неприкосновенность личности—есть защита человека от всякого незаконного лишения свободы и от произвола; свобода слова—есть право открыто говорить свое мнение в законных собраниях и в печати; вы поймете, что свобода совести—есть право каждого человека без стеснения исповедывать свою веру, и что свобода собраний и союзов—есть право свободно собираться, с ведома власти, и говорить о своих нуждах и делах и соединяться для своей пользы в товарищества.

Мирно продолжайте ваш труд, не верьте распространителям злостных слухов, смущающих ваш душевный покой, и нерушимо выполняйте свои обязанности на местах, и с радостным сердцем готовьтесь к предстоящим вам выборам в Государственную Думу, в этот новый высокий совет, в котором каждому выборному представителю дано право высказывать нужды своей местности и, обсуждая государственные дела, всеми силами помогать Царю в его многотрудных заботах о благе своих подданных.

Аисконная власть Царская, как была, так остается ныне, высоко сияя над Русской Державой.

Курский Губернатор, в д. Шталмейстера

Двора Его Императорского Величества *Гордеев*.

Курск, 21-го октября 1905 года.

Затем широко распространялось воззвание Святейшего Синода от 28-го октября, в котором „смиранные отцы“ призывали повиноваться царю не только за страх, но и за совесть и не использовать даруемой свободы на своеволие и буйство мятежное, ведущее к вражде братоубийственной.

Даже Курские попы и те издали „с разрешения начальства“ прокламацию: „Голос пастыря к народу“. Любопытно их обращение: „Братья, да разве Господь когда-либо звал кого убивать людей или калечить их. Оставьте же, друзья вражду. Смирите распалившееся злобой сердце“... Так вызы-

вали к народу и в то же время благославляли и убийство и Курлова и Дубасова и ежедневно молились своему богу, чтобы покори́л под нозы царя всякого врага и супостата.

Но крестьян нельзя было успокоить увещаниями: слишком тяжела была их доля и не оставалось больше терпения выносить помещичий гнет. После манифеста и „увещаний“, восстание раскинулось еще шире. Тогда власть отказалась от непривычной для нее печатной агитации, а обратилась к своему излюбленному методу усмирения—солдатской винтовке и казацкой плети.

7-го ноября, на основании правила о положении усиленной охраны, губернатор издает обязательное постановление, воспрещающее всякие собрания, вмешательства в распоряжения полиции, ношение и хранение оружия, угрожая нарушителям правил штрафом до 500 рублей или арестом до 3 месяцев в административном порядке.

Чтобы иметь необходимую осведомленность о положении дел на местах, губернатор просил Министерство Внутренних Дел об учреждении в Курской губернии Охранного отделения. Когда же в этом ему было отказано за недостатком у казны средств, то губернатор ходатайствовал об отпуске хотя бы 1.500 р. на содержание тайных агентов полиции в местах беспорядков для негласного наблюдения за подозрительными лицами.

В делах имеются материалы об организации тайной полиции в окрестностях села Вязового, Путивльского уезда. В с. Вязовом агентом являлся Сверчков, приказчик экономии Терещенко. „Сверчков чрезвычайно добросовестно и успешно выполнял задачу по раскрытию лиц, принимавших участие в агитации“—доносил исправник. Справка, находящаяся в деле, говорит об уплате Сверчкову исправником 65 руб... Вообще шпионаж, слежка, негласное наблюдение было усиленное. В порядке усиленной охраны производились аресты „подозрительных лиц“.

При возникновении серьезных выступлений, немедленно в угрожаемые районы посылались войска.

Центральное правительство все же не особенно надеялось на уменье местных властей, и царь рассылал своих адъютантов для руководства усмирением.

В Курскую губернию для этой цели прибыл генерал адъютант Дубасов, впоследствии Московский генерал-губернатор, герой подавления Московского декабрьского восстания рабочих.

19-го ноября Дубасов объявил населению губернии:

1) Что он лично прибудет к местам, где учинены беспорядки и насилия, дабы немедленно наказать виновных.

2) Требуется от сельских и других обществ, чтобы подстрекатели, зачинщики и руководители произведенных бес-

порядков были теперь же задержаны и о них сообщено полицейским, административным или судебным властям.

3) Чтобы со стороны обществ всем этим лицам преграждена была возможность отлучаться от местожительства.

4) Чтобы всякие попытки произвести новые беспорядки были удерживаемы этими обществами.

За неисполнение этой меры должны были отвечать сами общества в полном составе. Приказ заканчивался следующими словами: „напоминая, что отныне всякое новое проявление беспорядков, своеволия или насилия явится нарушением возведенной манифестом священной воли государя и что за такое нарушение я, в силу предоставленной мне власти, буду наказывать ослушников с неумолимой строгостью“.

На другой день было издано дополнение к этому постановлению следующего содержания:

„Население некоторых местностей, в которых находятся войска, позволяет себе распространять угрозы произвести беспорядки, как только эти войска будут удалены в другие местности. Объявляю: что войсковые части, несмотря на это, будут по распоряжению моему и подчиненных мне властей перемещаться, смотря по обстоятельствам, куда понадобится.“

Но, если сельские общества или хотя немногие из их членов позволят себе привести подобные угрозы в исполнение, то все жилища такого общества и все его имущество будет по приказанию моему уничтожено“. Генерал адъютант *Дубасов* ¹⁾.

Таким образом, если в обществе оказывались участники выступлений против власти, то, независимо от виновности остальных, всему обществу угрожало разгромом.

Однако, Курская губерния недолго находилась под владычеством этого сатрапа, которого царь призвал на усмирение рабочих в более опасные места в Москве. На смену Дубасову прибыл другой генерал—Пантелеев, который также первое знакомство свое с населением осуществил через приказ от 30-го ноября, который гласил: „Во исполнение высочайшего повеления я прибыл в Курскую губернию и призываю крестьянское население, дерзнувшее посягнуть на чужую собственность, немедленно прекратить всякое преступное насилие, воспрещенное, как законами, так и нашей святой православной верой.“

Уверен, что все честные, благомыслящие, верующие в бога и преданные царю и родине крестьяне окажут мне непоколебимо верное содействие к исполнению этой священной воли государя императора, не вынуждая меня, с

¹⁾ Архив Курск. губернатора по 4 ст., д. № 126, 1905 г.

неумолимой строгостью прибегать к действию оружием. Генерал адъютант *Пантелеев*. 30 ноября 1905 года. Г. Курск.

Вместо нарезки землицы, крестьянину обещалась отрезка головы, действие оружием с неумолимой строгостью.

Помещичье правительство не желало идти ни на какие уступки деревне, стремясь лишь жестокими кровавыми мерами задушить крестьянство, принудить его к повиновению и покорности.

Лицемерно отмахиваясь от истинных причин восстания крестьян, царская власть ссылалась на злостную агитацию „врагов народа“ и открыла свирепый поход против всякого, кто дерзал посягнуть на помещика или капиталиста.

Пример необычайного тупоумия в оценке движения, дает один из земских начальников Львовского уезда, который писал губернатору: „Бедные мужички, за свободу которых так отчаянно ратуют революционеры и изменники России (по договору и на средства разбунтовавшегося еврейства), изображают собой безобразные шайки разбойников; их цель—всевозможными способами выгнать частных землевладельцев и воспользоваться безвозмездно и безнаказанно их собственностью; они безжалостно губят тех самых помещиков, от которых постоянно получают заработок, поддержку, помощь и совет,—благодарность не в их натуре; понятие о долге, чести и совести для них не существует. До сих пор мужички не жаловались на свою участь, но агитация постаралась убедить их в беспомощности их положения, а также, что вся земля должна им одним принадлежать, и вот они стали нагло требовать чужую собственность“.

Оказывается, что мужикам не на что было пожаловаться, а надо было благодарить помещиков за их постоянную поддержку, заработок и совет. Никаких оснований бунтовать у мужиков не было и только вследствие агитации поднимались они то тут, то там, в целях захвата чужой собственности¹⁾.

Так рассуждал представитель власти о крестьянской революции.

Такого же взгляда держался в своих донесениях Курлов, и это была подлинная точка зрения всей бюрократии, которая никак не хотела признать, что голод и нужда толкает крестьян на восстание, и видела в нем лишь мятеж, подготовленный изменниками России.

24-го декабря министр внутренних дел Дурново предложил губернаторам принять самые решительные меры к подавлению беспорядков с применением, в случае надобности, вооруженной силы. Эта сила применялась в Курской губернии в самом широком масштабе: Обоянский пехотный

¹⁾ Архив Курск. губернии по 4 ст., д. № 26, 1905 г.

полк, артиллеристы, Ейский казачий полк, Сводно-Донской казачий полк, драгуны Новгородского и Одесского полка— были направлены на крестьян.

Под прикрытием военной силы, полиция тщательно вылавливала «зачинщиков». Тюрмы губернии были переполнены участниками «аграрных беспорядков». Белый террор сделал свое дело: к половине января 1906 г. крестьянское восстание в Курской губернии было подавлено.

Первая революция оказалась побежденной, так как крестьяне и рабочие выступали в разброд. Революционного опыта еще не имелось, не было и единого руководства в самой крестьянской массе. Надежды крестьян на то, что Курский гарнизон перебьет офицеров и выступит на помощь деревне,—не оправдались. Запасные части действительно могли бы помочь крестьянству, но их не посылали в опасные места, а кадровые войска и в особенности казаки еще находились под влиянием своих офицеров и беспрекословно исполняли приказания начальства. Отчужденность армии от крестьянской массы была одной из важнейших причин поражения, восставшей в 1905 году, деревни.

Однако, несмотря на поражение в первой революции, крестьянство многому научилось. Для него стало ясным, что нельзя получить землю и разбить цепи помещичьей эксплуатации, сохраняя в неприкосновенности царскую власть, земского начальника и урядника; крестьянин пережил свое «9-е января», он должен был взять курс на революцию и сделать, таким образом, первый шаг по пути к установлению союза с рабочим классом.

Революция 1905 года дала урок и рабочим и крестьянам, она научила их не пререкаться, а действовать сообща, рука об руку в тесном союзе.

И только тогда, когда во главе рабочего и крестьянского движения стала Коммунистическая Партия (большевиков), объединившая оба класса в едином революционном стремлении освободиться от гнета феодализма и капитализма, победа оказалась на стороне трудящихся.

Из истории Курской организации РС-ДРП.

Проникновение социал-демократических идей.

Впервые социал-демократические идеи в Курскую губернию были занесены в 1901 году, с одной стороны, крестьянами-рабочими, возвращающимися с городского промысла, с другой, административно-сосланной в губернию интеллигенцией. Постепенно эти социал-демократические идеи освобождаются от примесей прочих революционных веяний и принимают более правильное направление. Особое оживление, впоследствии сказавшееся в организации Курского Комитета РС-ДРП, было внесено с прибытием под гласный надзор в первой половине 1901 г. с.-д. А. Аристархова и его жены с.-д. С. Левитской в конце года. Вскоре, в начале 1902 года в г. Курск прибыли еще с.-д.: А. Блюм, рабочий И. Кольцов, Н. Науменко и Александр и Анна Габрилович (брат и сестра). В 1902 году несколько позднее прибыли еще М. Богомазов с женой.

Прибывшими товарищами вскоре был организован первый социал-демократический кружок, во главе которого в течение короткого периода стоял Богомазов. Впоследствии, когда кружок ощущал уже неудовлетворенность ограниченности работы, он стал работать под руководством Аристархова. Вопросы взаимопомощи и самообразования, стоявшие первое время на повестке кружковых занятий, мало-помалу стали отходить на задний план, выдвинув в качестве первоочередной задачи—установление живой связи с рабочими массами. Параллельно этому кружку стал функционировать эс-эровский кружок, организация которого была проведена группой сосланных интеллигентов в числе 12—15 человек и руководителем которого стал сын известного купца—чае-торговца А. Высоцкий.

Стремление членов кружка Аристархова завязать связи с местными рабочими осуществлялось, понятно, с большим трудом: тогда еще не было настоящего в полном смысле слова рабочего класса, имеющего оформленное классовое самосознание и идеологию. Не меньшую роль в этом также играло и отсутствие в достаточном количестве политической литературы для распространения среди широких масс. С конца 1902 года социал-демократическому кружку удалось наладить более или менее регулярное получение из-за границы газет «Искры» и «Зари», что положило начало общему оживлению кружковой и внекружковой работы.

Образование социал-демократической группы.

Весной 1903 года, после того, как к работе удалось привлечь несколько членов из числа местных рабочих, образовалась с.-д. группа, ставшая первичной ячейкой зарождающейся Курской организации РС-ДРП. В составе этой группы насчитывалось 7 товарищей: А Аристархов (тов. Андрей), С. Левитская (т. Анна) и Кольцов (т. Серафим), А. И. Габрилович (тов. Владимир) и Н. Науменко; из местных в группе работали тов. тов. И. Паневин (тов. Герман), рабочий, по профессии гравер, и А. Афонский (Антон)—канцелярский служащий, впоследствии народный учитель. Из группы вскоре выбыли т. И. Кольцов, сосланный из Курска в Олонецкую губернию, и А. Габрилович, выехавший по своему личному желанию в г. Харьков. Несмотря на крайнюю ограниченность состава группы, работа все же приняла более широкие размеры. Было образовано несколько с.-д. кружков, была налажена более планомерная работа по завязыванию связей с широкими рабочими массами. Таким образом, удалось завербовать в кружки несколько человек рабочих, а также успешно завершить работу по подготовке рабочих-одиночек, начатую отдельными товарищами еще в бытность деятельности первого социал-демократического кружка.

К осени были получены материалы II Съезда РС-ДРП, что дало возможность выявить наличие в зарождающейся организации противокровного течения в лице М. Богомазова (тов. Макса) с его женой. Коллективное чтение упомянутых выше газет и тщательная проработка проекта партийной программы и съездовских материалов на кружковых занятиях, таким образом, сыграли значительную роль в деле закрепления в будущей с.-д. организации чисто-революционных принципов пролетарской борьбы и единодушного отпора всяким попыткам извращения Ленинского учения. Упорные и настойчивые стремления Богомазова перетянуть молодую с.-д. организацию на меньшевистскую платформу и, наконец, надежда его добиться этого при помощи, вызванного из Харькова, видного меньшевика-делегата II Съезда Николаева (Медведева) не увенчались успехом, а закончились полным их поражением. Меньшевик Николаев выступил перед организацией с обстоятельным докладом о работе Съезда, где, главным образом, заострял внимание на «непримиримом» поведении большевиков на Съезде, «неправильной» и «преступной» их политики по отношению к рабочему классу. Не жалея красок в описании ошибок большевиков, он действительно нарисовал крайне мрачную картину, но вся организация, несмотря на свою молодость, с редким единодушием и решительностью дала отпор, сразу поняв намерения Богомазова. Это было первое столкновение Курской организации

большевиков с меньшевизмом,—первый бой и первая победа над довольно сильным врагом.

Приехавший вскоре после этого из Центра т. И. Дубровинский (тов. Иннокентий) для обревизования состояния организации нашел ее хотя количественно слабой, но вполне идейно выдержанной в подлинно-большевистском духе.

Перед организацией к этому периоду все в большей и большей степени назревает вопрос об усилении работы среди рабочих масс; завоевание рабочих-одиночек и работа с ними уже не могли удовлетворить партийных товарищей. Расширение рамок работы действительно было необходимо, т. к. в конечном итоге результаты проделанного были весьма незначительны: за весь период группе удалось привлечь к участию в партработе лишь 5 рабочих ремесленников и 5 человек рабочих от местных заводов.

Постепенно, преодолевая встречающиеся препятствия, группа завоевала и те предприятия, которые вовсе не были охвачены ее влиянием. Через установленную связь с отдельными рабочими группа получила возможность учитывать настроения рабочих масс и выявлять из общей среды наиболее сознательных рабочих-передовиков, которые впоследствии пополнили организацию свежими силами. Также в значительной степени распарилась сеть и работа кружков: организовавшийся еще в 1902 году кружок ремесленников-иконописцев в сл. Ямской развил свою работу довольно удачно; с меньшим успехом, правда, работала остальная сеть пропагандистских кружков, что объяснялось отсутствием опытных пропагандистских сил в самой организации.

Итоги за год работы.

Так, отмечая каждый успех своей работы еще большим рвением и желанием вложить свои силы в дело просвещения рабочего и его освобождения, развивала свою деятельность Курская группа социал-демократов. К концу 1903 года сказались уже значительные результаты этой кропотливой работы: на главнейших предприятиях группа располагала небольшим кадром организаторов из рабочих и, развивая свою деятельность еще шире, в короткий срок завоевала заводы Мертенса, свечной и депо М.-К. ж. д. По городу и сл. Ямской широко развевалась работа по охвату ремесленников, которая особенно успешно протекала среди портных и живописцев. Созданный организаторский институт по предприятиям вел успешную пропаганду среди рабочих, внедряя в эти массы социал-демократические идеи. Организаторами, назначенными группой, были: на свечном заводе т.т. Коршунов, Седых и Гуляев; на заводе Мертенса т.т. Каширцев, Ламанов и Минаков; на ж.-дорожном узле—

т.т. Сериков и Руцкой. Среди ремесленников—портных работал т. Фарман и живописцев т.т. Лоторев, Моржавин и Константинов.

Так прошел 1903 год, который, с одной стороны, явился годом закрепления идейного содержания организации, как подлинно-большевистской, и, с другой стороны, годом налаживания работы, собирания сил и объединения разрозненной массы сочувствующих с.-д. рабочих в цельную стройную революционную группу. Учет опыта проделанной работы показал неоспоримую жизненность организации и дал уверенность участникам ее, что предстоящий новый год будет завершен еще с большими успехами на этом славном поприще революционной борьбы. Были и значительные слабости в работе, из числа которых главнейшим недостатком являлось—полное отсутствие каких-либо материальных средств, необходимых для выписки, хотя бы в ограниченном количестве, литературы. Вторым моментом слабости группы были—неналаженность работы в уездах и отсутствие сколько-нибудь оформленной связи с деревней.

1904 год.

Начало 1904 года ознаменовалось крупным событием: Курская соц.-демокр. группа была утверждена Центральным Комитетом, как полноправная организация Р.С.-Д.Р.П. В организованный Курский Городской Комитет вошли следующие товарищи: Аристархов, Паневин, Котляков, Майоров и Левитская.

Надо отметить, что к этому времени вообще в значительной мере оживилась организация вступлением новых членов. Численность организации, таким образом, увеличилась за счет вновь прибывших товарищей и местных работников, среди которых некоторые стали выделяться своею активностью и сознательностью. Из местных работников выделялись т. т. Д. Сергеев (т. Олег), сестры А. и П. Бобовниковы (т. т. Перовская и Лигия), Н. Прокопов (т. Георгий) и Б. Бернашевский (т. Тарас). Из вновь прибывших особенно ценным работником была В. Арнольд (т. Зина); кроме нее, прибыли: Е. Пискунова (т. Ксения), Я. Бляхер (т. Жак) и А. Воробьев. Пополнение свежими активными силами организации дало ей возможность развернуть свою работу по всему городу. В отдельные районы Городским Комитетом были выделены рабочие группы в составе трех товарищей. По мере дальнейшего расширения деятельности Комитета, такое организационное построение работы стало не удовлетворять; появилась необходимость в создании вспомогательных Комитету организаций. Так, образовались две районные организации в городе и одна в сл. Ямской, вышестоящим

органом которых являлся Городской Комитет. К концу 1904 г., помимо этих районов, были созданы еще два: один — Окружной, по объединению работы уездных организаций, и другой — военный, по работе специально в воинских частях.

Городской Комитет, будучи вышестоящей организацией, осуществлял свое руководство деятельностью низовых органов через своих прикрепленных представителей в этих организациях; в свою очередь, последние, возглавляемые наиболее активными организаторами данного района, в целях установления лучшей связи, имели свое представительство в Горкомитете, по одному от каждого района. Далее шло еще более мелкое дробление работы: районы имели сеть пропагандистских кружков по предприятиям, отдельным цехам заводов, при службах жел. дор. и т. д., которые в полном смысле слова могут быть названы парт'ячейками, так как они объединяли и обслуживали всех работников той или иной организационной единицы.

Такое организационное построение партийной работы, естественно, не могло не оживить всей работы и не укрепить пропагандистскую деятельность отдельных районов.

Первоочередной важнейшей работой Курского Комитета явилось продолжение успешно начатой работы по установлению связи и организации широких рабочих масс; это было возможно осуществить через объединение этих разрозненных масс в Профессиональные союзы, т. к. к этому периоду уровень сознательности и взаимной солидарности в рабочей среде значительно возрос. Закипела работа по проведению широкой разъяснительной кампании о целях и значении широких рабочих объединений, интенсивно заработали пропагандистские кружки. Из числа первых союзов были организованы: Союз Иглы и Союз Печатников.

Кроме того, организовывался крупный союз на жел. дороге, где Горкомитету пришлось усиленно поработать не только по его созданию, но и по закреплению в нем своего влияния. Первые организованные профсоюзы сразу же обнаружили синдикалистский уклон, но, несмотря на это, влияние партии в них чувствовалось заметно.

В дальнейшем, расширяя и углубляя деятельность организованных союзов, перед Курским Комитетом возникла необходимость изменения в самой постановке профсоюзной работы. Крупные по численности союзы представляли большие неудобства и трудности для нелегальной работы. Выходом из создавшегося положения явилась разбивка членов Союзов на группы до 10 человек и с прикреплением к каждому десятку одного-двух партийцев.

Таким образом, поставленная задача — организация рабочих масс и учет рабочих настроений — была успешно разрешена. Не малую роль в успехе этой работы сыграли, с

одной стороны, усиленная присылка литературы Центром, начавшаяся вслед после утверждения Комитета, и, с другой стороны, увеличение средств в самих союзных организациях, благодаря более или менее успешным сборам денег на литературу, выписку газет и в пользу бастующих. Помимо этого, увеличение средств протекало еще благодаря уплаты членами партии и Союзов своих ежемесячных взносов сверх установленной суммы. Приток денежных средств, наконец, дал возможность Комитету приступить к выпуску собственных прокламаций и бюллетеней. Первые листовки выпускались на гектографе, впоследствии Комитету удалось, конечно, с большими трудностями раздобыть типографский станок и, таким образом, выпускать, помимо гектографических листовок, еще печатные газетным шрифтом. Преимущественно целью этих прокламаций было внедрение в массу понятий о политической борьбе пролетариата, понятий о социализме. Кроме того, выпускались специальные бюллетени на тему злободневного характера—о русско-японской войне, о массовых забастовках и о зарождающемся революционном движении. Все прокламации были снабжены подписью «Типография Курского Комитета РС-ДРП» и соответствующей мастичной печатью Комитета, что приводило в форменное бешенство местных полицейских чиновников.

Наиболее волнующей темой для рабочих масс была тема—о русско-японской войне. В этом периоде, поэтому, Комитет проводит усиленную устную агитацию в духе неизбежного поражения русских войск и, как следствие этого, неизбежного порождения народного восстания. Газетные официальные сообщения о наших военных неудачах и все усиливающимся забастовочном движении в столичных городах показали рабочим правильность «предсказаний» агитаторов. С этого момента рабочие уже стали относиться более доверчиво к выступлениям социал-демократов, принимали живейшее участие в беседах, коллективно читались газеты и возникали горячие прения по обсуждению того или иного события. Особенный интерес возникал всегда на вопросе о ближайших перспективах революционного движения. Несомненно, что столь успешному развитию партийной работы много содействовала установленная связь со всеми крупными предприятиями, о которой мы уже говорили выше. Состав прикрепленных к этому времени значительно изменился: на ж.-д. узле работали т.т. Рогов, Сериков, Богданов, Гладилин, Бутков и др., на винном складе—две девушки, одна из них москвичка (фамилии установить не удалось), на заводе Степанова—т.т. Паршин и Павлов, на заводе Мертенса—т.т. Медведев, Дюш и Пер. Для усиления работы среди городских ремесленников в помощь упомянутому нами т. Фарман были выделены несколько человек,

из них наиболее активными были т.т. Паневин и Майоров. Без изменения в прежнем своем составе работали прикрепленные на свечном заводе и среди Ямских ремесленников.

1-го мая 1904 года.

Приближалось 1-е мая. В этом году Курским Комитетом впервые было постановлено провести маевку. Заблаговременно была проделана вся необходимая подготовительная работа: велась интенсивная агитация среди рабочих во время служебных часов и обеденных перерывов, в большом количестве были заготовлены первомайские листовки-воззвания, которые со всякими ухищрениями разбрасывались и расклеивались везде, где только было возможно. Особенно много первомайских листовок было расклеено и разбросано в местах скопления народа (рабочие районы, базары и т. д.).

Организовать празднование «1-е мая» в первый раз в широком размере было слишком трудно: Курский рабочий о первомайском празднике вовсе не имел никакого представления, почему понятно, что на призыв откликнулись лишь очень немногие рабочие.

Само празднование прошло на открытом воздухе. Местом собрания, по окончании работ, был избран Перепелкинский лес, где и было устроено торжественное собрание—митинг, посвященный первомайским лозунгам. Особенно много участников маевки было учащихся—учеников фельдшерской школы и землемерного училища. Но первая маевка, организованная с таким трудом, была сорвана... Вскоре, после начала митинга, нагрянула полиция. Волей-неволей пришлось всем участникам спешно расходиться, чтобы не дать возможности произвести аресты.

Несмотря на ограниченность числа рабочих, участвовавших в маевке, и на столь неудачный ее конец, все же этот праздник положил начало сближению рабочих, установлению взаимной солидарности между ними и перед Комитетом Партии выдвинул еще в более конкретной форме задачу дальнейшего завоевания и воспитания масс.

Работа в деревне.

Выше мы указывали, что самой большой слабостью Курской организации РС-ДРП было превалирование работы в городе над деревней. К описываемому нами периоду в этом направлении Комитетом была проделана значительная работа.

До этого времени в деревне работали преимущественно эс-эры.

Не приходится говорить насколько трудно было молодой, бедной силами и средствами социал-демократической

организации, противопоставить себя сильнейшей эсеровской организации, вступить с нею в действительно неравную борьбу.

На стороне социал-демократов, правда, были рабочие. В рабочих массах эсеры не снискали к себе симпатии; преобладающее большинство рабочих инстинктивно сочувственно относилось к социал-демократам (исключение составляли шоколадная и конфетная фабрики), и лишь незначительное число рабочих-одиночек, в силу своей доверчивости и малой сознательности, по своим убеждениям приближались к эсерам, но в то же время не думая вступать в их организации.

По мере роста сил городской организации РС-ДРП, наконец, явилась возможность направить свое внимание и работу на укрепление уездных с.-д. организаций, на завоевание в них своего влияния и установление через них связи с деревней. Работа налаживалась очень медленно, с преодолением больших трудностей.

Вначале удалось установить организованную связь лишь с 4 уездами—Курским, Путивльским, Суджанским и Рыльским; вскоре были захвачены еще уезды—Белгородский, Львовский, Обоянский и Корочанский. Для усиления уездных групп Курским Комитетом было постановлено командировать в уезды наиболее сильных пропагандистов из своего состава. Таким образом, были откомандированы в Суджанский уезд т. т. Н. Сидоренко (т. Нил) и А. Афонский, в Львовский—т. В. Сидоренко. Из перечисленных уездных организаций большевистскими были: Белгородская группа, непосредственно связанная с Харьковским Комитетом и обслуживаемая им, Путивльская и Рыльская организации. В остальных уездах, и особенно в Суджанском, группы имели меньшевистский уклон. В Суджанском уезде большой популярностью и авторитетом пользовался Богомазов, который вскоре после постигших его неудач в г. Курске переехал туда с женой на жительство. Кроме перечисленных, с другими уездами непосредственной связи не существовало, взаимоотношения ограничивались лишь рассылкой литературы, и то носящей скорее случайный, чем планомерный характер. В этих уездах господство принадлежало эсерам, которые особенно прочно засели в Дмитриевском, Старооскольском и Щигровском уездах (Щигровский уезд—родина Маркова П.). Обоянская группа вначале также находилась под эсеровским влиянием, но со времени приезда выделенного Курским Комитетом РС-ДРП т. Непьющего организация идейно выправила свою линию.

Для общего планирования всей уездной работы, а также руководства ею, Комитетом был выделен специальный товарищ, в качестве ответственного руководителя, тов. Аристархов; техническим помощником ему была назначена

т. Балычевцева, по профессии учительница музыки. На ее квартире хранилась нелегальная литература для уездов и нередко бывали случаи, когда в ней укрывались нелегально проживающие товарищи. Относительная безопасность этой квартиры позволила наладить интенсивную письменную связь с уездами, которые слали всю переписку на адрес Балычевцевой. Не малую роль в деле организации письменной и живой связи играла учащаяся молодежь, в каникулярное время раз'езжающая по губернии.

Главные разделы работы в уездных организациях, согласно директивных указаний Курского Комитета, были: 1) выявление революционных сил и направление их в большевистское русло; 2) изживание разрозненности в работе кружков, добиваясь всемерного об'единения их и придания кружковой работе планового характера, и 3) переход от кружковой работы к массовой и особенно среди крестьянства. Последнее задание в корне изменило физиономию кружковой работы; с этого момента работа кружков стала проходить по специальной, разработанной программе, затрагивающей наиболее важные, волнующие крестьянство, темы. Здесь были вопросы земельного характера, вопросы о войне, как следствия империалистической политики самодержавия, и, наконец, вопросы, касающиеся роли пролетариата и крестьянства в революционной борьбе против ненавистного строя, за лучшее свое будущее. С большой осторожностью велась работа среди крестьянства антирелигиозного характера. Здесь, главным образом, работа ограничивалась критикой в надлежащих случаях поведения самих служителей религиозного культа.

Развивая свою деятельность среди крестьянства, организация вновь ощутила свое бедственное материальное положение; недостаток средств, несмотря на усиленный приток пожертвований от своих членов, тормозил начатую работу до крайности. Был сделан целый ряд попыток к усилению добровольных сборов денег среди крестьян, но говорить о сколько-нибудь успешности их, конечно, не приходится.

Несмотря на все трудности, к началу 1905 года Комитету удалось проделать все наиболее главное: была установлена регулярная и тесная связь со всеми низовыми организациями, обеспечено в них свое влияние, произведено об'единение, до того разрозненных, кружков, налажена работа по учету революционных настроений и по завоеванию крестьянских масс.

Мы не останавливаемся на описании деятельности отдельных уездных организаций, так как не располагаем к этому достаточными материалами. Общим для всех уездов это было—крайне ограниченный размах работы; главное внимание обращалось на внутри-партийную работу, вербовку

и воспитание новых членов. 1904 год, это был скорее год организационного укрепления партийных аппаратов, год усиленной подготовки, расчистки почвы для развития дальнейшей, уже реальной работы по внедрению революционных задач в массы и будированию основной массы населения крестьянства к революционным действиям.

Отдельные, неполные, отрывочные сведения о состоянии уездных организаций к этому периоду не дают нужного законченного представления. Лучшей по работе из уездных групп была Путивльская, руководителями которой были т.т. А. Тимонов (Валентин) и В. Тимофеев. Более подробные сведения имеются о Рыльской группе: в Рыльском уезде организация возникла значительно раньше установления связи с Курским Комитетом; первый социал-демократический кружок организовался еще в 1902 году, руководителями которого были сравнительно сильные работники т.т. Гробов и Иванов. Первые шаги возникшей организации социал-демократов организовались внутри-кружковой работой, с незначительным перенесением ее в массы. Впоследствии работа переносится в несколько имеющиеся в городе пеньково-трепальные заведения и на небольшой чугунно-литейный завод Воейкова. Упомянутые трепальные заведения, преимущественно, обслуживались калужскими крестьянами, местных же крестьян почти вовсе не было. Видной фигурой по работе среди калужан—пенько-трепальщиков был ссыльный Емельянов, по национальности грузин; на заводе Воейкова работал т. Журавлев, под его же руководством занимался организованный пропагандистский кружок. Были еще кружки, из которых удовлетворительно развивал свою работу кружок интеллигентов.

Массовой работы, в полном смысле, среди крестьянства не было; крестьянство обслуживалось лишь в базарные дни, когда, попутно с невинными беседами, заводились разговоры на политические темы, особенно больно затрагивающие бедняка-крестьянина.

Работа в воинских частях.

Работа в войсковых частях, расквартированных в г. Курске, началась с момента оформления Курской городской организации С.-Д. Для руководства работой Комитетом был выделен тов. Сергеев и ряд других товарищей, в качестве помощников ему, из числа наиболее энергичных и активных работников. В силу ряда объективных причин, развернуть работу в широких размерах в 1904 году не представилось возможным, в этом году работа лишь только стала налаживаться, подготовив почву для дальнейшего развертывания. И, действительно, с начала 1905 года

агитация среди гарнизона в значительной степени расширилась, принимая в последующие периоды, вплоть до второй половины 1907 года, все больший размах.

Первоначально, при отсутствии непосредственной связи с солдатскими массами, приходилось довольствоваться разбрасыванием всевозможных прокламаций-листовок вблизи казарм. Работа эта требовала большой осторожности и сноровки, так как, с одной стороны, надо было отвлечь на что-нибудь бдительность постовых расположений, с другой стороны, исполнив поручение, во-время и незаметно самому убраться; порою удавалось целые пачки прокламаций подбрасывать прямо в казармы через открытые окна. Благодаря завязанному знакомству с фельдфебелем, удалось установить, наконец, непосредственную связь с Козловским полком. Вскоре представилась возможность проникать в казармы, заводить личные знакомства с солдатами, вести массовые беседы на различные темы и распространять в большом количестве литературу и прокламации. Слушая с большим вниманием и интересом агитаторов, принимая активное участие в беседах и явно выражая свое недовольство самодержавным строем, в то же время эти солдатские массы были еще слишком далеки от перехода от слов к делу, чего-то боялись, находились в каком-то жутком оцепенении, омрачая еще в большей степени без того мрачную и жуткую картину царившего режима. Жестокие условия казарменной жизни, с суровой дисциплиной «мордобития» и непрерывной муштровкой, притупляли всякое сознание и способность к каким-либо решительным действиям, к какому-либо активному участию вне установленной военщины.

Крайне медленно и с большим трудом налаживалась организованная кружковая работа и вовлекалась солдатская масса к участию в массовках.

1905 год.

Вот, с такими предпосылками работы и соотношением сил вступила Курская организация Р. С.-Д. Р. П. в 1905 год, год великих исторических событий и испытаний, год первой русской Революции—репетиции Октября 1917 года.

Отклики на события 9-го января.

Первые события этого памятного года гулко прокатились по Курской губернии, всколыхнули сонные массы деревни и города.

Последовало оживление: заводились рабочие, зашевелилось крестьянство, заработали интенсивно и партии. Курский Комитет С.-Д. выпускает экстренные бюллетени

на тему о «кровавом воскресенье», о вспыхнувших по России забастовках и о лживости правительственных официальных сообщений: «... предательская жестокость царя и русского правительства вызвала страшное негодование за границей». На улицах громадные толпы устраивают манифестации; в парламентах, городских думах открыто приветствуют начало революции в России. Правительство, теряя под ногами почву, прибегает ко лжи и извращению фактов.

Верить правительственным сообщениям совершенно нельзя. Курск, 20 января 1905 г.» Так заканчивается один из многочисленных в то время бюллетеней Курского Комитета РС-ДРП. В большом количестве была распространена листовка—воззвание „К солдатам“, встреченная солдатскими массами весьма сочувственно. Содержание ее сводилось к подробному освещению события 9-го января в Петербурге о массовом расстреле несознательными солдатами безоружной толпы рабочих и заканчивалась она призывом поддержать бастующих и демонстрантов. Прокламация эта имела своей целью подготовить солдатские массы на случай могущих произойти по губернии забастовок и политических демонстраций. Велась интенсивная и устная агитация; во всех пунктах рабочего скопления устраивались летучие митинги, велись беседы и вслух читались газеты, под руководством организаторов. Глухими волнениями, переходящими в открытое возмущение, рабочие реагировали на эти развертывающиеся по России события. Реагируя таким образом, в то же время Курский рабочий-полупролетарий еще не был способен к какому-либо действию: забастовка, демонстрации, как реальные действия, были вовсе незнакомы ему, действовали устрашающе на его сознание. Партии так и не удалось провести массовую забастовку—протест.

Первые забастовки.

12-го февраля вспыхнула забастовка на Московско-Курском железно-дорожном участке. Возникнув на почве экономической неудовлетворенности, забастовка окончилась неудачно. Отсутствие поддержки со стороны других служб дороги заставило через сутки ее прекратить, не добившись каких-либо существенных результатов. Несмотря на постигшую неудачу этого первого движения рабочих-железнодорожников, партии удалось учесть назревшее настроение масс и сделать положительные выводы. Проведенные накануне и в день забастовки два митинга при большом стечении служащих и рабочих ж. д. и прошедшие с большим подъемом показали, что общее настроение уже сложилось не в пользу самодержавия. «9-е января» положило

конец слепому повиновению царившему режиму, вызвало революционный под'ем, захватив даже рьяные консервативные элементы рабочих. Открыто выливающиеся злоба и возмущение царившим произволом, материальная и моральная помощь бастующим, первые, вначале робкие, попытки присоединения к обще-российскому забастовочному движению — все это в лучшей мере характеризовало этот последовавший перелом в массах в сторону революционизирования.

Вскоре вспыхнула вторая забастовка... Рабочие свечного завода не выдержали тягостей непосильного труда и постановили добиваться согласия администрации на назначение старосты от рабочих, на предмет разрешения через него возникающих конфликтов с администрацией. Выделенные делегаты для переговоров по этому поводу с дирекцией завода, партийные т.т. Седых и Коршунов, не были допущены, фабричная инспекция просто их выгнала, не выслушав ходатайства. Упомянутые т.т. сообщили рабочим подробности столь «любезного» приема администрации и развили широкую агитацию о необходимости все же добиваться удовлетворения своего ходатайства, но уже не путем просьб, а путем настойчивого, категорического требования. Это положило начало забастовке. Рабочие бросили работу, но, т. к. квалификация рабочего-свечника была крайне низка, завод фактически работы своей не приостановил, заменив бастующих штрейкбрехерами. Стачка затягивалась. Прошло уже около месяца, как бастовали рабочие, а администрация не уступала. Небольшие средства, которыми располагал Комитет для помощи бастующим, были исчерпаны, и рабочие, после долгих колебаний, побуждаемые голодом, стали по одиночке вновь возвращаться на завод. Не был принят обратно на службу заводоуправлением тов. Коршунов, как подстрекатель и зачинщик забастовки. Таким образом, и здесь забастовка окончилась безуспешно, но зато значительно она сблизила рабочих между собой и дала возможность организовать их в профессиональный союз. По инициативе Комитета С.-Д. был, вслед после забастовки, организован нелегальный Союз, который, работая под непосредственным руководством С.-Д., значительно развил свою работу.

Движение учащихся.

К середине февраля м-ца назревает движение учащихся средних учебных заведений. По городу тогда имелись: фельдшерская школа, землемерное училище, духовная семинария, реальное училище, женская и мужская гимназии. В большинстве своем в составе учащихся были преимущественно дети зажиточных родителей, но сами условия

и установленные порядки жизни в стенах этих учебных заведений были до того ненормальны, что проистекавшие волнения и недовольства действительно имели весьма веские основания. Суровая, до глупости, опека начальства над учащейся молодежью, начиная с чтения книг и кончая правом контроля во всякое время домашней жизни у родителей, не могла не вызывать законного возмущения. Учебные заведения в то время, поистине, представляли из себя своеобразную, привилегированную тюрьму. Комитет РС-ДРП, учитывая настроение учащихся, немедленно установил организованную связь с каждым учебным заведением через специально выделенных самими учащимися организаторов и руководителей. Не мало трудов было вложено и здесь по налаживанию кружковой работы и привлечению молодежи к участию в массовках; чувствовалось эсеровское влияние, а в таких заведениях, как в мужской гимназии и реальном училище, так форменное засилье. Ученические эсеровские комитеты, обладая большими средствами, имели всегда неограниченный запас литературы и даже практиковали свои собственные выпуски листовок на самодельных гектографах и шапирографах.

Конечно, говоря о движении учащихся, говорить о сколько-нибудь серьезном политическом значении его вовсе не приходится; здесь большую роль играло просто недовольство излишним усердием начальства в своей опекунской деятельности, чем действительное революционное настроение.

Так или иначе, а январские события и прокатившаяся по России волна забастовок—протестов находят отклик в этих массах молодежи. Возникшее в первой половине февраля м-ца движение, благодаря усиленной работе ученических комитетов и организаторов, принимает более правильное, организованное направление. Учащимися была выработана петиция к начальству, главными пунктами которой являлось требование отмены опеки и свободы совести. Как и следовало ожидать, петиция к рассмотрению не была принята, а ответом последовало предупреждение об исключении из учебных заведений зачинщиков, в случае повторения. На другой день, 14-го февраля, началась забастовка учащихся. Учащиеся мужской гимназии и реального училища в 12 час. дня прекратили занятия и организованным порядком вышли на улицу. Мирно демонстрируя, они обошли все учебные заведения, призывая учащихся последовать их примеру и принять участие в демонстрации. Когда, таким образом, были обойдены все учебные заведения, демонстрация действительно составила довольно внушительных размеров. Прекратив занятия во всех школах, учащиеся собирались уже расходиться по домам, как неожиданно нагрянула полиция, окружив со всех сторон

безоружных демонстрантов. Началась излюбленная полицейская оргия... Заработали дубины, засвистели нагайки... Началось форменное, беспощадное избиение. Итогом этого кровавого дела явилась массовая отправка избитых до полусмерти в местные больницы.

Чье же распоряжение послужило основанием столь дикой расправы с учащимися? Как выяснилось, тотчас же, после объявления учащимися забастовки, директор мужской гимназии доложил о случившемся полициimestеру, с просьбой принять соответствующие меры. Полиция намеренно медлила с принятием мер, выжидая, когда выйдут на улицу все учебные заведения... Долгожданный момент, наконец, настал и «соответствующие» меры были приняты сверх ожидания самого директора.

Родительские сердца не выдержали. Возмутительное поведение полиции, позволившей варварски избить их детей без их на то согласия и разрешения, требовало возмездия. В тот же день с глубоким возмущением и не слишком лестными отзывами по адресу полицейских заправил родители явились в Общественный Клуб, где устроили экстренное закрытое заседание по поводу случившегося. Была вынесена резолюция: «ходатайствовать перед Советом Старшин об исключении из членов Клуба полициimestера и его помощника, с занесением их имен на черную доску». Затем было высказано пожелание создать Родительские Комитеты при учебных заведениях, с решающими правами.

На этом, собственно говоря, и исчерпывался весь запас родительского негодования и возмущения.

Вскоре было назначено ими открытое собрание, собравшее большое количество участников. Не мало было на нем и рабочих, приглашенных социал-демократами. Комитет РС-ДРП всегда пользовался такими подходящими случаями, когда представлялась возможность выявлять перед рабочими массами истинную физиономию либералов. Конечно, и это собрание было до невероятности бессодержательно, несмотря на многочисленность выступавших и неограниченное временем словоизвержение. Выступления родителей с истерическими выкриками по поводу совершившегося факта «избиения», без указания истинного виновника подобного произвола—всего существующего строя, с неопровержимой ясностью показали рабочим, чего можно ожидать от таких «союзников».

На этом собрании рабочий дал окончательную оценку либералам, поняв, что если за избиение своих сынков либеральные родители потребовали исключения из членов Клуба исполнителей столь привычного и сравнительного «пустякового» дела, то, очевидно, за избиение рабочих тому же полициimestеру была бы вынесена благодарность, с препод-

несением медали за «усердное служение». Пустота дальнейших заседаний родителей и организованных ими Родительских Комитетов показала всю никчемность и безжизненность этих лишних, при царизме, надстроек.

Состояние с.-д. партии.

К весне 1905 года с.-д. организация количественно и качественно окрепла. С одной стороны, партия пополнилась новыми силами—местными рабочими передовиками, с другой—вокруг нее образовался прочный, идейно выдержанный, беспартийный актив. Внутрипартийных разногласий в то время в организации почти вовсе не было, что позволяло все силы отдавать на борьбу с эсерами и другими либеральными течениями. В течение 1905 г. последователями меньшевизма оставались тот же Богомазов и его жена—Зина, которые, как мы указывали, в среде городской организации никакой популярностью и авторитетом не пользовались и вообще, после значительного идейного укрепления организации, в то время не представляли из себя сколько-нибудь серьезных противников. В марте 1905 г. Курскую организацию с.-д. посетил тов. Каменев, в качестве уполномоченного по созыву III Съезда партии. Организация постановила послать своего делегата на Съезд и с редким единодушием единогласно избрала тов. Аристархова.

Не располагая точными сведениями роста с.-д. организации в 1905 г., мы ниже приводим список наиболее активных товарищей, без указания времени их вступления в партию, но так или иначе имевших в этом периоде связь с Курским Комитетом и работавших по его указаниям и руководству. По городу работали т.т. Перегудов, Колосов, Бутов, Шурупов, Разиньков, Павлов, Агibalов, Яковлев и Болдарев, по профессии—токаря; Медведев, Дюмин, Епифанов, Савенков, Пряников, Паршин—рабочие слесаря; Котляков—вальцовщик; Каширцев, Сонников, Клименко—литейщики. В Ямской слободе на железнодорожном узле работали: Семенычев, Акинин, Бочаров, Коньков, Федоров, Козликов, Корзин, Захаров и Богданов. Все эти товарищи работали с начала 1905 года и в этом же году вступили в партию.

1-е мая 1905 года.

С апреля месяца началась подготовка к предстоящему празднованию дня 1-го мая; в помощь устной агитации в большом количестве были распространены первомайские листовки, присланные Центральным К-том Партии, а также было выпущено собственное воззвание к майскому празднику, содержание которого мы приводим полностью:

Печать: „Курский Комитет
Российской Социал-Демократи-
ческой Рабочей Партии“.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Первое мая.

Ко всем рабочим и работницам г. Курска!

Товарищи, при небывалых обстоятельствах встречаем мы 1-е мая в этом году—великий братский праздник рабочих всего мира. Давно уже стонет народ, подавленный и угнетенный, доведенный до нищеты шайкой грабителей и насильников. Давно уже среди рабочих и крестьян идет сильное брожение, не раз прорывалось оно вспышками открытого возмущения против правительственного гнета.

Но до сих пор все эти вспышки были разрозненны и мимолетны, они погасли так же быстро, как и разгорались, и беспросветная ночь русской жизни казалась еще темнее, после того, как замирало озарившее ее на минуту яркое пламя народного гнева. Не то теперь. Война, преступно начатая правительством против воли народа, позорно проигранная ворами—чиновниками и невежественными генералами, одинаково больно отозвалась в сердцах всех русских граждан. Преступления правительства, раскрытые войной, переполнили чашу терпенья. Народ не обращался уже к правительству с ходатайством о своих нуждах—он нашел, что самодержавие ничего не даст ему, кроме новых цепей и нового позора. Народ требует, чтобы отныне его свободно избранные представители создавали законы, определяли государственные расходы, устанавливая налоги, проверяли действия министров и других чиновников. Он требует равенства перед законом всех русских граждан, без различия сословий, племен и вероисповеданий, он требует неприкосновенности личности и жилищ, свободы слова—устного и печатного, свободы собраний, союзов и стачек.

Но все эти права не сделают рабочего человека свободным гражданином, если он попрежнему будет изнывать на работе по 11—12 часов в день, если он попрежнему останется беззащитным рабом капиталиста-эксплуататора; поэтому рабочие требуют еще 8-часового рабочего дня и других законов, улучшающих условия труда.

К рабочему движению присоединилось крестьянское. И доподлинно рабочие и крестьяне сознали, наконец, что освобождение народа должно быть делом самого народа. Они уже не шлют ходоков к царю; они решили осуществить свои требования собственными силами: отказать помещикам в платеже аренды и самовольно распахать казенные удельные и помещичьи земли. В Гурии (на Кавказе

крестьяне уже отложились от самодержавного правительства, выгнали чиновников и на их место выбрали свой Комитет, в который вошли наши товарищи—социал-демократы. В западных губерниях крестьяне и сельскохозяйственные рабочие также объединились и борются за политические требования, выставленные Российской социал-демократией. Такова воля народная! Кто же может осуществить ее, кроме избранных самого народа? Чтобы построить управление государством на новых началах, чтобы прекратить разорительную и позорную войну, народ требует прежде всего созыва Учредительного Собрания из представителей народа, избранных всеобщим, тайным и прямым голосованием.

Как же ответило правительство на единодушное требование народа? Да так же, как и всегда,—грубым насилием и обманом. Чтобы заглушить голос народа, оно тысячами истребляло этот народ, заливая кровью улицы Петербурга, Варшавы, Риги и др. городов. Но это не помогло. Тогда правительство прибегло к другому излюбленному средству успокоения верноподданных,—оно постаралось замутить народное самосознание: через попов и полицейских оно распространяло гнусную клевету, будто рабочие подкуплены японцами, оно натравляло темных людей бить революционеров, оно восставляло одно племя на другое—татар на армян, русских на евреев.

Но все напрасно. Во время революции самые надежные испытанные средства подавления и обуздания теряют свою силу, каждый натиск властей только обостряет движение, только усиливает революцию, которая быстро растет и вглубь и вширь.

Итак, пусть же объединяются под нашим красным знаменем все те, кто жаждет свободной России, чтобы с новыми силами ринуться на борьбу за полное освобождение пролетариата, за великое братство трудящихся масс. Только социализм даст вам это братство, только тогда будете вы действительно свободными гражданами.

Русское самодержавие есть первая крепость, которую вы должны взять, и русская Республика—первое необходимое завоевание в этой великой борьбе за свободу.

Да здравствует 1-ое мая—международный праздник пролетариата! Да здравствует социализм! Да здравствует международная соц.-демократия! Да здравствует 8-час. рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует Учредительное Собрание!

Долой самодержавие! Да здравствует революция!

1 мая—18 апреля.

Курский Комитет РС-ДРП.

Часть прокламаций была расклеена по городу и окраинам, часть распространена по заводам и на жел. дороге. Между прочим, день 1-го мая Курская организация проводила по старому стилю, т.е. на 13 дней позже международного.

План проведения самого праздника был разработан Городским Комитетом; по плану, рабочие в этот день должны явиться на работу и, проработав $\frac{1}{2}$ часа, от дальнейшей работы отказаться, мотивируя «днем 1-го мая». Городским Комитетом был дан также наказ всемерно стремиться, чтобы по возможности оставление работы не вызывало особых осложнений на заводах, так как город был на положении усиленной охраны. Еще накануне, в ночь на 1-е мая, были усилены полицейские посты по окраинам города и установлены раз'езды по городу конной полиции; кроме того, в Курск были стянуты казацкие сотни—терцы, донцы и уральцы. В виду таких неблагоприятных обстоятельств, было решено, что демонстраций никаких не устраивать, а только ограничиться массовой, выбрав для этого укромный уголок. Таким укромным местом был избран городской лес под названием «Солянка». Комитетом были расставлены посты для предупреждения появления полиции и сообщен пароль наиболее благонадежным товарищам из рабочих. С большой предосторожностью пробирались к месту назначения рабочие заводского и городского районов после прекращения работы.

В час дня несколько товарищей со свечного завода и рабочие завода Мертенс т. т. Степанов и Каменев открыли первомайский митинг. Затем последовали выступления ряда ораторов, выделенных Комитетом партии.

Второй митинг был проведен Ямским Районным Комитетом в лесу под названием «Подосинник», где собрались, главным образом, рабочие железнодорожники и небольшое число рабочих одиночек ближайших предприятий. Железнодорожники полностью в день 1-го мая не бастовали, начав забастовку с полдня, после обеда.

В общем, и в этом году празднование международного пролетарского дня прошло не вполне успешно. Предупредительные меры полиции, бдительность вызванных в Курск казаков, понятно, не могли не помешать выполнению намеченного Комитетом плана. Не по всем заводам полностью и в одно условное время удалось снять рабочих с работы, почему и получился некоторый разнотай; были среди рабочих и такие, которые не возражали против стачки, в то же время не решались идти на массовку.

Все это объясняет, почему устроенные собрания-митинги были не многолюдны. Так, на Солянке, примерно, было участников человек 100; немного больше собралось в Подосиннике. Главное, что можно отметить, что по существу

эта незначительная собравшаяся группа товарищей на маевку была именно той группой, которая понимала цели и задачи пролетариата.

Работа партии с.-д. в летнем периоде.

С наступлением летних месяцев, работа Курской организации С.-Д. приняла более широкий и массовый характер. Регулярно, не реже двух раз в месяц, в городе и сл. Ямской устраивались массовки, которые проходили весьма оживленно и при большом стечении участников по 150 и свыше человек.

Главное внимание было уделено работе в Ямской слободе, как крупному железнодорожному рабочему району, туда посылались лучшие пропагандистские силы для укрепления кружков и лучшие агитаторы для проведения массовок. Значительно к этому времени возрасла и сознательность самих рабочих-железнодорожников; вокруг районного комитета группировался все больший беспартийный актив, да и сам комитет к этому времени пополнился весьма ценными работниками—рабочими от станка.

Участившиеся в летнем периоде массовки содержанием своим, главным образом, имели пропаганду социал-демократических идей и широкую разъяснительную кампанию по разоблачению политики и внутренней сущности всех либеральных партий.

Насколько успешно проводилась работа в этом направлении и росло классовое самосознание в рабочих массах, организации представился случай убедиться на факте. В середине лета, на помощь местным кадетам, кстати игравшим в то же время довольно значительную роль, в Курск приехал профессор Милюков—лидер партии «Народная Свобода». Выступив в зале Земской Управы перед собравшейся многолюдной аудиторией, он весь свой доклад построил в плоскости никчемности всех революционных партий, выполнивших свою историческую миссию, и предстоящих великих перспектив в будущем деятельности всенародной партии «Народной Свободы». Доклад был до крайности обширен и продолжался два вечера подряд, после чего были открыты прения. С большим успехом в прениях выступал ряд товарищей от Курского Комитета РС-ДРП, речи которых рабочими были заслушаны с большим вниманием и сопровождалась частыми горячими аплодисментами.

В прениях принимали участие т.т. Аристархов, Бляхер, Воробьев и Милотин. Отрицательное отношение рабочих к выступлению такого известного оратора, как Милюков, показало рост в этих массах классового самосознания и пролетарской идеологии.

Рис. 2. Группа с.-д. железнодорожников. Слева направо: П. Семешчев,

Повышение политического уровня рабочих масс, заметный рост активности отдельных передовых рабочих слоев благоприятно отзывались на работе с.-д. организации, внося большое оживление. Расширение и оживление работы отразилось и на те отрасли деятельности, где последняя протекала слабо.

Мы отмечали трудности деятельности с.-д. организации среди гарнизона; к этому времени работа здесь заметно улучшилась: явилась возможность чаще созывать воинские массовки и тем самым усиленное вести пропаганду среди солдат. Особенным успехом отличалась работа в Козловском полку, возможно, по причине более раннего завязывания с ним связи.

В июле м-це была назначена губернская конференция, собравшая делегатов почти от всех уездных организаций. На повестке конференции стояли вопросы преимущественно боевого характера, вызвавшие крупные возражения со стороны вполне установившегося к тому времени меньшевизма, в лице Богомазова. Особенно значительные прения развернулись по вопросу о подготовке вооруженного восстания. Несмотря на эти попытки навязать конференции меньшевистские решения, резолюции были приняты в большевистском духе, лишь против одного голоса (Богомазова).

Было постановлено немедленно начать вооруженную подготовку и пропаганду вооруженного восстания; для этой цели конференция предложила Горкомитету начать в срочном порядке вооружение членов организации и надежных рабочих, усилив соответственно этому работу в воинских частях и проведя ряд денежных сборов на приобретение оружия.

После проведенной конференции, Городской Комитет развил интенсивную работу в духе решения конференции. Отсутствие нужного количества средств и здесь крайне тормозило начатую работу по вооружению. На приобретение оружия для членов с.-д. партии были ассигнованы все имевшиеся средства; в результате комитет приобрел 15 шт. револьверов и 5 шт. раздобыли отдельные товарищи. Подобное количество оружия, конечно, не могло иметь сколько-нибудь существенного значения, почему комитет еще в более значительной степени направил свое внимание на эту сторону работы. Велась интенсивная агитация среди воинских частей, делались попытки достать оружие в местном артиллерийском складе, производились денежные сборы среди рабочих. Железнодорожные, заводские рабочие и отдельные члены партии самовооружались всевозможным примитивным оружием—в неуточное, ночное время в мастерских и на заводах товарищи ковали тесаки, ножи и металлические трости. Так проходили дни, недели в беспре-

Необходимость противопоставить царизму вооруженную силу, необходимость добиваться своих прав путем вооруженного восстания, свержения господствующего строя стояли уже перед каждым сознательным рабочим, как неоспоримая боевая задача пролетариата, борющегося за свое освобождение.

Наступали решительные минуты... наступали дни тяжелых испытаний.

Социал-демократия и октябрьские события.

Забастовочная волна, стихийно охватившая ряд промышленных центров России, докатилась и до Курской губернии. Начало забастовочному движению положили железнодорожники: в ночь на 9-е октября забастовали телеграфисты Московско-Курского узла, с утра же движение на этой дороге вовсе прекратилось. На сутки позже забастовала Киево-Воронежская жер. дор.

Эти события не могли не затронуть городских рабочих: наличие под боком 3-тысячного бастующего массива рабочих Курского железно-дорожного узла невольно вовлекало в забастовочное движение трудовые массы города. Партийным Комитетом была развернута широкая агитационная кампания среди рабочих, служащих и учащихся за всеобщую забастовку и взаимную солидарность трудящихся.

9-го октября была распущена духовная семинария, «в виду упорного нежелания учеников спокойно продолжать учение» ¹⁾; 11-го октября этому примеру последовали ученики реального училища, а в промежутке с 12-го по 14-е октября закрылись все остальные мужские учебные заведения.

11-го октября в Губернской Земской Управе состоялась первая общая сходка забастовавших; в ней приняли участие служащие различных учреждений и рабочие забастовавших заводов. Вопросами обсуждения были—железнодорожная забастовка и дальнейшие перспективы забастовочного движения. В результате прений были приняты решения: добиться всеобщей забастовки трудящихся, организовать сборы пожертвований для бастующих и требовать созыва Учредительного Собрания.

События разворачивались быстрым темпом... 12-го октября прекратились занятия в Земской Управе, и в тот же день служащие и часть посторонней публики ворвались в помещение Управы, где устроили экстренное собрание. Несмотря на все попытки со стороны членов Управы противодействовать, собрание состоялось. К этому времени забастовка уже

¹⁾ В кавычках мы берем выдержки из сохранившихся архивных материалов.

перебросилась на более мелкие заводы и предприятия и к 14 октября, наконец, работа прекратилась повсеместно. Надо было много труда вложить Городскому Комитету, чтобы вовлечь эти мелкие, полукустарные предприятия в общее забастовочное движение. Прделанная партией работа за предыдущие годы значительно подняла политический уровень рабочего, но, несмотря на это, все же не все заводы примкнули к забастовке самостоятельно. Целый ряд заводов и предприятий пришлось снимать с работы, для чего партийный комитет выделил специальных товарищей для руководства этой работой. Сама с'емка особых трудностей не представляла и каких-либо осложнений не вызывала: рабочие охотно, после коротких переговоров с делегациями, оставляли работу и выходили на улицу.

К этому времени из Петербурга было получено сообщение о создании там Совета Рабочих Депутатов; немедленно Комитет Партии мобилизовал свои силы и приступил к организации Совета в Курске. Было созвано организационное собрание, но попытка избрать Совет не увенчалась успехом. Вместо Совета был избран Единый Стаечный Комитет, который принял на себя функции по руководству движением. Мы не располагаем точными сведениями, кто вошел в состав Комитета, но, по отзывам товарищей, большевистское влияние в нем было значительно. Из товарищей нам известных, в него вошли: т. Паневин и т. Сергеев.

Такое быстрое развитие забастовочного движения заставило встрепснуться полицию... Последняя растерянно заметалась, бомбардируя губернатора ходатайствами о помощи. 11-го октября начальник гарнизона г. Курска отдает приказ воинским частям о предоставлении нужного количества сил по требованию губернатора или полициеймейстера, «не ожидая каждый раз на такой случай особого распоряжения», а вечером того же дня губернатор телеграфно сообщает министру внутренних дел, что «сборища стачечников везде рассеяны полицией в присутствии казаков и дежурных членов пехоты».

Между тем революционное настроение забастовавших расширялось; с первых же дней движение рабочих отмежеввалось от либералов и пошло по правильному руслу. Оно всецело находилось под руководством большевиков. Также характерно образовалось и два места постоянных сборищ: рабочие и более революционные элементы из служащих и учащихся собирались в здании Земства, а либералы (земские работники, чиновники, преподаватели и пр.) местом своих собраний объявили здание общественного клуба.

Отсутствие связи с Центром придавало движению кустарный характер, но самый факт всеобщей забастовки революционизировал массы, и на ряду с экономическими

требованиями были выдвинуты лозунги чисто политического характера.

Перемена характера забастовочного движения захватила и население города и Ямской слободы. Здесь, с одной стороны, часть населения, сочувственно относившаяся к движению, присоединилась к забастовавшим, часть же по трудности осталась пассивной, или же откликнулась на призыв черной сотни, искусно вербовавшей себе сторонников. Вожаки черносотенцев не дремали. Пущено в ход было все: и агитация, и угрозы, и водка, и деньги. Самое же главное приходилось на долю провокации. Черные силы росли, впитывая преступные элементы с грязным прошлым и провоцируя учащуюся молодежь. Среди учащихся распространялись платные лотерейные билеты, якобы, для приобретения оружия для революционеров, на самом же деле, для того, чтобы «сбить деньгу» и выловить среди учащихся более революционный элемент. Не менее искусно обставлялись всевозможные секретные продажи, якобы, революционных прокламаций,—на самом же деле погромных листов.

Купечество также не дремало. Открылись кошельки, посыпались деньги, полилась водка, и в результате, с помощью их, была организована тысячная пьяная банда дворников, сторожей, мясников, переодетых городских и охранников, готовая на все.

Вскоре последовало первое столкновение с этой бандой.

13-го октября около здания Общественного Собрания, где в то время происходила одна из очередных сходов либерально-воинствующей интеллигенции, расположились черносотенцы. Каждого выходившего из дверей Собрания банда принималась избивать при благосклонном участии «наблюдавшей» полиции. Ниже мы приводим дословно один из характернейших документов того времени, со всею ясностью свидетельствующий попустительство полиции действиям этой банды:

«Копия с рапорта Вр. Командующего 5-й сотней хорунжего Чекалова от 15-го октября сего 1905 года за № 157 Командующему 22-м Ейским полком.

13-го сего октября я с полусотней возвращался с Ямского вокзала, около 2 часов дня, по Московской улице. Доехав до здания Общественного Собрания, я увидел большую толпу народа, около тысячи, которая была несколько человек. Я остановил полусотню и обратился с расспросами к публике; при чем выяснилось: большая толпа народа, около полутора тысячи, собралась в зале Общественного Собрания, где обсуждались вопросы антиправительственного содержания и производился сбор денег на оружие; на улице же собравшаяся толпа ожидала их, и, как только кто выходил из дверей Собрания, они начинали их избивать.

Я увидел, что толпа зверски избивала одну женщину, прилично одетую, и какого-то молодого человека, крича: «они жида, политические». Женщину повалили на землю, топтали ногами, били каблуками по груди, по голове и вскакивали на нее. Я под'ехал к толпе и потребовал прекратить это побоище. Конные полицейские урядники присутствовали тут же и не мешали толпе буйствовать. На мое предложение к толпе отвечено было бранью и криками, вследствие чего, я, не желая убийства на глазах части толпою двух человек, приказал полусотне разогнать толпу, что и было сделано. Избитую женщину отволокли в ближайшую лавченку и молодого человека отправили в часть. После этого я сейчас же с полусотней отправился в Управление полициеймейстера. На месте побоища был только один околоточный (может быть, он помощник пристава), который, при моем приближении с полусотней, куда-то скрылся, и больше я его не видел. Все пристава и полициеймейстер были на улице у входа в полицейское Управление 2-й части. Я под'ехал к полициеймейстеру и сообщил о всем вышеизложенном. Полициеймейстер попросил меня с полусотней побыть около Управления полчаса и вскоре сказал, что надо охранять вход в Собрание, чтобы собравшиеся там могли свободно оттуда выйти. Рота пехоты и моя полусотня расположились у входа в Собрание, и пристав вошел предупредить собравшихся, что войска охраняют вход, и что они могут выйти безбоязненно. Вернувшись оттуда, пристав сообщил, что в Собрании идет сбор денег на оружие, и что они не хотят выходить пока не окончится заседание. Вскоре пришел к Собранию и полициеймейстер, который тоже ходил к ним, и, вернувшись, сказал: « У них там производится сбор денег на оружие забастовщикам, выходить они не желают до конца, но я предупредил их, что через четверть часа уведу войска». Забастовщики вышли из Собрания через другую дверь. Таким образом, мы охраняли бунтовщиков, которые собирали деньги на оружие против нас же.

Подлинный подписал хорунжий Чекалов.

С подлинным верно:
Полковой ад'ютант

с о т н и к (подпись)».

Рабочие видели, как организовывалась эта банда, и слышали о готовящихся расправах. Необходимо было срочно противопоставить этой силе—силу. В спешном порядке было приступлено к организации боевой дружины; в нее вошли социал-демократы и социал-революционеры. Несмотря на все усилия, достать нужное количество оружия не представилось возможным, а то, что имелось, было не только

не достаточно, но и до крайности примитивно. Из 40 имевшихся револьверов—годных к действию было лишь 20, приобретенных еще летом Курским Комитетом РС-ДРП, с весьма ограниченным запасом патронов, и небольшое количество самодельного, как мы выше указали, холодного оружия: кастеты, трости, кинжалы и т. д. В результате образовалась боевая дружина в составе 80 человек, из которых фактически вооруженными можно было считать 40 человек. Вот в таком виде эта дружина должна была принять на себя охрану рабочих, служащих и учащихся, принимавших участие в разворачивающихся событиях.

Тем временем усиленно мобилизовалась полиция и жандармерия и стягивались воинские части. 12-го октября и 13-го октября у губернатора происходят экстренные совещания командиров всех войсковых частей, где вырабатываются операционные планы, направленные против забастовавших. Срочно вызываются из с. Ивни и г. Обояни казацкие отряды. Министр внутренних дел и заведывающий полицией из Петербурга телеграфирует 12-го октября: «уличные скопища рассеивать самым энергичным образом, дабы отвести от повторения». 13-го октября Тр е п о в (тов. министра внутренних дел) снова телеграфирует: «чтобы против забастовавших были приняты самые решительные меры, не останавливаясь перед прямым применением оружия». Это телеграфировалось в 11 часов утра, а вечером в 4 ч. 50 м. Тр е п о в опять бьет тревогу и приказывает применять «открытую силу».

Атмосфера накалялась. Последние предприятия и учреждения, которые до этого не примкнули к движению, прекращают работу. Остановился трамвай, закрылись булочные, прекратились занятия в женской гимназии.

Обыватели, напуганные черносотенцами, и сами же черносотенцы пишут анонимки губернатору за всевозможными патриотическими подписями, в которых просят принять против забастовавших энергичные меры, доносят о нелегальных сходках и именах отдельных революционеров.

А купечество г. Курска коллективом, в числе 16 человек, пишут губернатору о том, что «они всегда готовы,—всеми силами и средствами» оказать помощь по водворению порядка и спокойствия.

По городу усиленно расхаживают полицейские патрули, разъезжают казаки. Идет спаивание черносотенных банд, ведется явно погромная агитация и начинают происходить отдельные избиения еврейской молодежи.

На базаре, за лавочками, у точильщиков мясники оттачивают свои ножи, похваляясь «разделаться с забастовщиками».

Так обстояло дело до 18-го октября.

18-го октября по городу разносятся слухи о манифесте. Либералы служат «благодарственный» молебен. Рабочие и служащие жел. дор. и Земства собираются в Земской Управе для обсуждения положения, но здание окружается казаками и полицией. Под видом, якобы, поисков оружия у собравшихся полиция врывается в помещение. Собрание таким образом не состоялось, а участников собрания продолжают терроризовать и на улицах. Часть участников окружается на Московской улице и загоняется в гостиницу Бельвю, где снова у всех производится обыск.

Собравшиеся рабочие и служащие в здании Управления железной дороги тут же разгоняются полицией; здесь же на улице происходит кровавое избиение полицией одного ученика землемерного училища.

Рис. 4. Демонстрация в гор. Курске 19-го октября.

19-го октября, с разрешения губернатора, было назначено общегородское собрание в Земской Управе.

На собрание прибыло около 2000 человек, и так как здание не вместило всех явившихся, то на улице образовалась огромная толпа. Много прибыло на это собрание рабочих из Ямской.

Около часа дня все участники собрания вышли из здания Земской Управы и вместе с ожидавшими их на улице направились с красными флагами по Московской улице к Красной площади.

Дойдя до Почтовой улицы, демонстранты, неожиданно, из-за угла подверглись нападению черной сотни. Среди демонстрантов, в рядах которых было много женщин и детей, а также среди городских жителей, выпедших из любопытства на улицы, произошла паника. Осыпанные со стороны черной сотни камнями, демонстранты дрогнули и побежали по ближайшим проулкам. Револьверный огонь боевой дружины, на короткое время задержал наступление черной сотни, но спрятанные по дворам Московской улицы полиция и казаки поспешили на помощь черной сотне... Вместо камней началась стрельба из винтовок и револьверов, и через несколько минут улицы были пусты. Благодаря беспорядочной стрельбе полиции и противодействию дружины, избитых и раненых оказалось сравнительно немного.

Полиция и черная сотня праздновали победу.

Через несколько минут около собора собралась многочисленная толпа черносотенцев, которая потребовала молебна. «Преосвященным» Питиримом был молебен отслужен.

Погромщики после молебна, вооружившись портретом Николая и с пением „Боже, царя храни!“, направились к дому губернатора. На верноподданнические излияния этой пьяной преступной банды губернатором с балкона была произнесена «речь», после которой погромщики повернули вниз по Херсонской и приступили к погрому.

Начавшись в 5 часов вечера, погром продолжался до 12 часов ночи; разгромлено было до полусотни квартир и десятки магазинов, принадлежавших евреям.

На другой день, 20-го октября, погромные толпы вечером снова начали собираться на Херсонской улице и снова устроили погром при полной поддержке полиции.

Противопоставить погромщикам какую-либо реальную силу революционные организации, конечно, не могли. Нельзя же было послать 20 вооруженных револьверами рабочих против тысячной толпы погромщиков, тем более, что погромщики до наглядности имели поддержку со стороны полиции. Расхаживавшие по улицам воинские патрули также никаких мер против погрома не принимали.

Погромщики обнаглели до такой степени, что 19-го октября они осадили Общественный Клуб, в котором было собрание работников Городской Думы, Земской Управы и городской интеллигенции.

Потребовались настойчивые просьбы к губернатору со стороны старост Клуба, чтобы эта осада была снята.

С 21-го октября стали приниматься меры к успокоению разбушевавшейся черной сотни.

22-го октября жизнь вошла в прежнюю колею... Задымилась трубы, заработали станки, загудели паровозы... Рабочий класс потерпел жестокое поражение.

Для видимости губернатором было назначено «строжайшее следствие» о событиях 19—20 октября, которое, ясно, ничем не закончилось.

Мы приводим два интересных исторических документа, относящихся к этому периоду и являющихся иллюстрацией:

Господину Курскому губернатору.

Постановлением Курской группы Всероссийского Союза Адвокатов от 22-го октября 1905 года поручено депутации группы, в лице присяжного поверенного Н. Н. Рождественского и помощников присяжных поверенных С. С. Анисимова и Г. М. Котлярова, передать господину Курскому губернатору копию следующего постановления группы союза Адвокатов:

К о п и я.

Курская группа Всероссийского Союза Адвокатов, обсудив всю обстановку событий, имевших место в г. Курске 19-го и 20-го октября, находит, что кровавые насилия над гражданами, надругательства над их личностью, погромы и расхищение их имущества были прямым результатом широко организованного провокаторства среди самых невежественных слоев населения и преступного попустительства местной администрации, и потому признает, что главными интеллектуальными виновниками, на совесть которых должна упасть ответственность за весь ужас дикого и кровавого буйства «черной сотни», является Курская полиция и руководящий ею губернатор.

С подлинным верно:

Председатель собрания группы (подпись).

Секретарь (подпись).

1905 года.

Октября 24-го дня.

Ответ Губернатора:

МИНИСТЕРСТВО

Внутренних Дел

Курского Губернатора

По канцелярии

Стол 4-й

Ноября 9 дня 1905 г.

№ 753

Г. Курск.

ПРОКУРОРУ

Харьковской Судебной Палаты

№ 333.

Препровождая при сем представленную мне присяжным поверенным Рождественским и помощниками присяжных поверенных Анисимовым и Котляровым 24-го октября сего года

копию текста резолюции местной группы союза адвокатов, имею честь просить Ваше Превосходительство, не признаете ли возможным привлечь к ответственности означенных лиц за действия, которые я считаю для себя оскорбительными.

Губернатор в д. Шталмейстера

Двора Его Императорского Величества (подпись).

Для формальности, правда, им еще было приказано полицеймейстеру доложить об октябрьских событиях. Усердный служака в лучшем виде исполнил губернаторскую волю... «Что же делать, мол, если патриотическая партия оказалась сильнее вверенных ему сил».

Приводим выдержку:

«...Многие обвиняют чинов полиции в бездействии по прекращению погрома, но я считаю долгом сказать в оправдание, что при крайней малочисленности Курской городской полиции, при крайне трудной службе ее по предупреждению всевозможных беспорядков в течение 10 дней и ночей, во время почти общей забастовки, когда всем чинам полиции приходилось находиться на улице, вследствие усиленных нарядов, бессменно по 16—20 час. в дурную осеннюю погоду, силы полиции настолько были истощены, что деятельность ее уже не могла быть продуктивной и, может быть, не было физической возможности успешно справиться с прекращением еврейского погрома сначала.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству, докладывая, что дознание передано судебному следователю по важнейшим делам.

Полицеймейстер (подпись)».

Так протекли эти памятные исторические события Октябрьских дней. Перед Курским Комитетом РС-ДРП возникли новые задачи и новые испытания.

Октябрьские события бурно пронеслись и по всей губернии. Они охватили большинство уездных городов: в городе Короче состоялась демонстрация, в гор. Белгороде демонстрация окончилась столкновением полиции, в гор. Рыльске события завершились еврейским погромом, прекращенным быстро «местной властью», когда черная сотня слишком переусердствовала, начав громить и еврейство и местное купечество.

На протяжении октября и ноября месяцев вспыхивают там, то сям отдельные, правда, по существу незначительные восстания. Более крупные события в течение ноября мес. развернулись в гор. Путивле, явившиеся отголоском Октябрьских дней.

Эти события мы считаем нужным осветить более подробно.

Вот что рассказывают очевидцы:

В течение всего ноября месяца по городу устраивались почти в каждый базарный день многочисленные митинги. Полиция проявляла в то время крайнюю нерешительность, а это в свою очередь еще в большей степени придавало силы и уверенность участникам митингов и демонстраций.

Один раз произошло столкновение с воинским отрядом, посланным для разгона митинга. В результате отряд был немедленно обезоружен крестьянами. Обезоруженным солдатам было предложено немедленно разойтись, помня, «что они сами—крестьяне и скоро, снявши шинели, наденут свитки».

В другой раз в воскресный день в город прибыла масса крестьян на «моление». Группой РС-ДРП совместно с С.-Р. решено было использовать это скопление народа, чтобы слегка «тряхнуть власть» и освободить арестованных товарищей из тюрьмы. Благодаря присутствию в городе казаков, попытка не увенчалась успехом. Собравшаяся толпа была разогнана... Казаки пустили в ход плети.

В следующий очередной базарный день был устроен грандиозный митинг, инициатором которого была группа С-ДРП. На митинге было постановлено требовать освобождения арестованных во что бы то ни стало. Вся толпа в количестве 2000 ч. направилась в здание полицейского Управления. У Управления произошло кровавое столкновение. Воинский караул дал первый залп по толпе... В окна полицейского Управления полетели камни, поленья и т. д. Последовали второй, третий залпы. Толпа всколыхнулась... Стрельба началась и из окон—это заставило толпу отступить, не достигнув намеченной цели.

Жертв было немного, так как воинский караул не решился стрелять прямо в демонстрантов, а брал выше голов. К ночи крестьяне разошлись, а полиция принялась за свое дело: ночью же были произведены массовые аресты всех подозрительных лиц.

Деятельность РС-ДРП до конца 1905 года.

Вслед после Октябрьской забастовки началось спешное претворение в жизнь «дарованных свобод манифестом»: производились срочные дознания о зачинщиках забастовки, аресты, тюрьмы, ссылки стали обычным явлением... Комитет усиленно принялся за мобилизацию своих сил и переброску их на агитационную работу среди рабочих масс.— Темой агитации являлся «высочайший манифест». И здесь агитаторы вскрывали истинную сущность дарованных свобод

и те последствия, которые в недалеком будущем обрушатся на рабочих. Начавшиеся аресты, ссылки, закрытие рабочей газеты «Голос Курска», приказы о воспрещении сходок—все это наглядно иллюстрировало агитационные речи оратора. Агитация все более и более расширялась... Рабочие уже стали приходить к заключению, что единственным выходом является вооруженная борьба и захват пролетариатом власти в свои руки. Комитет для лучшего охвата трудовых масс ввел в практику районные собрания, которые регулярно собирались. На этих собраниях вопросы ставились уже в конкретной форме, рабочие единогласно выносили постановления о продолжении начатой борьбы и усиленной подготовке к вооруженному восстанию. Значительную работу в этот период Комитет развил среди гарнизона и среди крестьянства. Устанавливалась связь с офицерским союзом, впоследствии окончившаяся неудачно: Курская с.-д. группа военных была арестована по доносу денщика одного из офицеров. Зато с солдатами до 1907 года связь не прерывалась. Во всех воинских частях имелись с.-д. ячейки, устраивались многолюдные митинги в лагерях. Видными работниками среди гарнизона были т.т. Сергеев, Велинчик, Крыжановский и Телегин.

Не менее успешно развивалась работа в деревне. Комитет разбил губернию на районы, выделив в каждый из них пропагандистские группы. Помимо этого, значительно усилились сами уездные организации. Общая обстановка работы, правда, далеко не благоприятствовала: деревня, лишенная нужной организации и руководства, проявляла свое возмущение и накопившуюся злобу в виде стихийного, беспорядочного разгрома, поджога и расхищения помещичьих имений. Требовалось создание прочной организации крестьян, но это осуществить, за отсутствием в деревне пролетарских элементов, не представлялось возможным—крестьянство очень быстро от вспышек переходило к апатии. В результате во многих деревнях были созданы опорные пункты, через которые, с одной стороны, протекала агитационная работа, и с другой—производилось регулярное снабжение деревни литературой. Успехи деревенской работы сказались при выборах в Государственную Думу—среди выборщиков были крестьяне социал-демократы.

Так, в укреплении работы среди рабочих масс, военных частей и крестьянства протекала деятельность Курской организации РС-ДРП в последующие ноябрь и декабрь м-цы. В начале декабря была собрана Губернская Конференция для выборов делегатов на Стокгольмский съезд. Отсутствие подходящего помещения заставило Комитет рискнуть собрать конференцию у члена партии тов. Корелова; помещение его представляло курень, куда едва могло

вместиться несколько десятков человек. На конференцию собрались делегаты от городских районов, Ямской слободы и военных организаций. Было также несколько т.т., нелегально прибывших от Московской организации. Всего было участников до 100 чел. На повестке, кроме выборов на съезд, стояли другие чисто-партийные вопросы: о распространении литературы, о взаимоотношении с Бундом и т. д. Когда все второстепенные вопросы были исчерпаны и конференция приступила к выборам, неожиданно нагрянула полиция и окружила собравшихся конферентов. Для переговоров с полицией были командированы т.т. Александров и Разиньков, которые добились согласия от полиции, что никаких арестов произведено не будет, если все мирно разойдутся. Таким образом, конец конференции был сорван. Пришлось выборы произвести в другом месте. На съезд были избраны т.т. Аристархов и Сергеев, но последние, доехав до Москвы, дальше свой путь продолжать не смогли, так как в Москве в это время произошло известное Декабрьское вооруженное восстание. Будучи в Москве, они завязали связи с Советом Рабочих Депутатов, после чего возвратились обратно. Попытка Комитета РС-ДРП вовлечь местных рабочих в новое забастовочное движение не увенчалась успехом; усилившиеся репрессии со стороны власти и превалирование сил полиции, значительно пополнившей свой состав на случай восстания, заранее обрекли на неудачу рабочее движение. Забастовки все же частично распространились на некоторые ж.-д. станции.

На Стокгольмский съезд, который был отложен из-за Декабрьских событий, от Курской организации РС-ДРП поехал т. Аристархов.

На этом завершились события 1905 года.

Рабочее движение вступило в новый этап и пошло по пути собирания сил, подготовки к новым грядущим боям и неустанной борьбы с мелко-буржуазными партиями.

З а к л ю ч е н и е.

Опыт 1905 года выявил слабости организации РС-ДРП. Малочисленность состава организации, отсутствие достаточно опытных пропагандистских сил не позволяли Комитету перебросить в деревню нужное количество партийных работников. Перед Комитетом имелось еще не мало рабочих районов, в которых партийная работа почти вовсе еще не была развита.

При этих условиях понятно, почему работа, главным образом, концентрировалась в самом городе. Здесь также многое неблагоприятствовало: отсутствие в рабочей среде чисто пролетарских элементов, до крайности развитой

индивидуализм рабочих масс и общее неблагоприятное соотношение революционных сил к мелко-буржуазным партиям—все это неизменно сопутствовало во всей деятельности Комитета.

Несмотря на это, организация проделала все же большую работу: в широких массах городских рабочих было пробуждено классовое самосознание, разбужен боевой дух. Революционизирование рабочих масс, как мы видели, имело успех; в последующие годы, годы господства темных сил, прикрывающих себя „высокопатриотическими чувствами“, это революционное настроение сыграло большую роль. Организация социал-демократов непрерывно пополняется новыми силами за счет рабочих от станка, развертывая свою работу все шире и шире, все глубже и глубже.

Железнодорожные забастовки.

При изучении революционных событий 1905 года в Курской губернии, невольно обращаешь особое внимание на железно-дорожный узел ст. Курск. Ведь это главное ядро пролетариата Курской губернии,—здесь революционная борьба должна была проявиться в более определенных формах и в более сильных красках. Здесь мы должны искать пролога к великим дням Октября 1917 года.

1904 год знаменателен в истории Курской с.-д. организации тем, что в этом году впервые создавалась организация большевиков, впервые был создан Курский Ксмитет Партии. Молодые силы партии были брошены, в первую очередь, на работу фабрик и заводов г. Курска и, особенно, в среду рабочих Курского депо М.-К. ж. д.

Много упорного труда, самоотверженной работы, но зато и результаты на лицо. По зову Центрального Бюро железнодорожников, 10 октября 1905 г., все рабочие депо и мастерских М.-К. ж. д., все служащие примкнули к Всероссийской забастовке. И во главе забастовки стали партийцы—с.-д. большевики. Служащий телеграфа М.-К. дороги тов. Коньков, командированный для работы среди ж.-д. тов. Разиньков взяли на свои плечи тяжелую работу пролетарской борьбы. А рядом рабочие и служащие мастерских и ст. Курск М.-К.-В. ж. д. также присоединились к забастовке, возглавляемые беспартийными рабочими—революционерами и социал-революционерами.

Станция уснула. Стало тихо и пусто. Пролетариат объявил борьбу угнетателям и приступил к срочному обсуждению своего положения.

А это положение было весьма тяжелое.

Если для Акционерной компании дорога была золотым дном, то для рабочих и низших служащих М.-К.-В. ж. д. была капиталистической каторгой.

Рабочее время устанавливалось администрацией по своему произволу. Работать заставляли даже конторских служащих по 12 часов, не только в рабочие дни, но и дни отдыха. Праздничные дни оплачивались в одинарном размере, сверхурочные работы или совсем не оплачивались или оплата производилась через три-четыре месяца. При сделанных работах расценочные ведомости хотя и существовали, но их рабочие не знали. Каждый мастер или монтер ценил работу по своему благоусмотрению. Так, рабочие ко-

тельного цеха Конотопских мастерских говорят, что мастер за одну и ту же работу платил одним рабочим три рубля, другим пять рублей.

Условий на сделанные работы предварительно с рабочими не заключали, а потому, выполняя работу, они не знали сколько же по окончании этой работы за нее будет заплачено.

Для подноски материалов, уборки мусора, тяжестей чернорабочих не давалось, — приходилось эти работы производить самим квалифицированным рабочим.

Заработная плата служащих, если проследить ее движение с 1900 года по 1905 год, то она стояла на одном уровне. Заработная плата низших служащих ежемесячно выражалась в следующих цифрах:

Наименование должности.	С 1900 г. до 1905 г.	В 1905 г.
1. Барьерные сторожа . . .	от 2 р.— 3 руб.	от 3 р.—3р.25к.
2. Путевые сторожа . . .	до 9 „	до 9 руб.
3. Старшие рабочие . . .	„ 15—20 „	„ 18—20 „
4. Дорожные мастера . .	„ 40—45 „	„ 40—45 „
5. Стрелочники	до 11 „	„ 12—12р.50к.
6. Кондуктора	„ 15—20 „	„ 17—20 „
7. Машинисты	„ 30—40 „	„ 30—40 „
8. Телеграфисты	„ 30—40 „	
9. Конторщики	„ 30—40 „	„ 35—40 „

Если проследить за движением оптовых цен на продукты первой необходимости тоже за период 1899—1905 год (Рубакин, „Россия в цифрах“, стр. 191), то мы увидим, что эти цены не стояли на одном уровне. Так, например, хлебные продукты поднялись в цене на 15,4⁰%, животные на 27,8⁰%, прядильные на 27⁰%. Средний рост цен на продукты по этим трем основным группам выражается в 23,4⁰%. Таким образом, реальная заработная плата железнодорожных служащих была еще гораздо меньше, чем приведенные выше цифры.

Кроме того на М.-К.-В. ж. д. существовали денежные штрафы, которые также уменьшали заработную плату служащих и рабочих. Штрафовали рабочих и служащих не

только за упущения по службе или нарушения установленных правил, но и за грубое обращение с администрацией. Бывали и такие штрафы—подерутся рабочие между собой, администрация за драку штрафует. Например: за драку в депо машинист был оштрафован на 10 рублей, тот же машинист за нанесение удара своему помощнику также оштрафован на 10 рублей. Барьерная сторожиха в 1905 году (сентябрь месяц) оштрафована на 20 коп. (оклад жалованья в месяц 3 руб.) «за неопрятное содержание будки и дерзость дорожному мастеру».

Заведывающий главным материальным складом гр. Стригешенко удержал 2 дневный заработок за опоздание рабочего на службу на пять минут, и предупредил, что если этот рабочий еще опоздает хотя бы на 2—3 минуты, то он выгонит его вон с занесением в черные списки. Ежегодно Акционерное Общество служащим бросало подачки в виде наградных денег. Но эти наградные выдавались так: путевому сторожу, получающему в год 108 рублей, наградных денег выдавалось от 2 руб. до 5 рублей. Начальникам участка, получающим в год 2400—3000 р., наградные выдавались 175—250 руб., и более.

Тяжелые экономические условия рабочих и служащих толкали их к возмущению против Акционерного Общества и начальствующих, толкало их к борьбе за улучшение своего экономического и правового положения. Поэтому на М.-К.-В. ж. д. были забастовки: в 1901 году 17 октября бастовали рабочие на ст. Брянск; в 1903 году 28 июля бастовали Конотопские мастерские.

Такое же положение было и на М.-К. ж. д.

Если прибавить к этому позорную систему родства, рекомендаций и пр., деление на штатные и поденные, и терогатки, которые ставились поденному при переходе в штатные (9 лет надо было проработать поденным, чтобы быть зачисленным в штат), то тяжелое экономическое положение рабочих и низших служащих железнодорожников станет ясным.

Систематические увольнения, которые по статистическим сведениям железнодорожной администрацией практиковались ежегодно в следующих размерах:

Стрелочников увольнялось ежегодно	26 ⁰ / ₀
Паровозной бригады	17 ⁰ / ₀
Сторожей, рабочих по охране пути	25 ⁰ / ₀
Телеграфистов	16 ⁰ / ₀

дают объяснение бегству с железных дорог низших категорий служащих. Тяжелые и невыносимые материальные условия, полное бесправие и жандармский произвол, часто заставляли служащих на железных дорогах ни с чем не

считаться и при первой возможности уходить со службы куда попало.

Наступил 1904 г.—война с Японией. Этот год особенно вызывал народное негодование, а вместе с ним росло и революционное сознание. Недовольство войной, слухи о том, что эта война построена исключительно на авантюрах, внедрялись в массы. Среди крестьянства нарастало негодование, которое выливалось в формы отдельных аграрных выступлений. Выпускаемые подпольные летучки того времени, заряжали, и без того заряженную, до последних пределов атмосферу.

Насколько накалилось народное негодование, можно видеть из следующего. Во время выноса так называемой «чудотворной иконы» в Коренную пустынь, в июне месяце 1905 года, на ст. Курск прибыл эшелон с солдатами для дальнейшей отправки на Дальний Восток. Жара была до 38°. Посажённые по 40 человек в вагон, они задыхались и вздумали протестовать. Солдаты выбрали одного товарища и послали к начальнику эшелона, — Махаланову, с просьбой о дополнительной прицепке вагонов, дабы разместиться свободней, так как дальше они в такой тесноте следовать не могут. Их «благородие» назвал солдата бунтовщиком, обругал, как подобало его «чину», и скомандовал «кругом».

Возмущенный не человеческим обращением, солдат ругнул офицера, обещая ему за доброту ко всей команде кое-что в виде пули на Дальнем Востоке, и пошел из вагона. Офицер Махаланов приказал его связать по рукам, и связанному опять скомандовал «кругом». Солдат что-то опять буркнул в виде ругани; brave офицер за оскорбленную «честь» перерубил более половины шеи солдату, скомандовав при этом убрать труп. Ни один солдат не исполнил приказания и зарубленный солдат продолжал лежать на товарной платформе 13-го пути, подергиваясь в конвульсиях. Команда была вся на своих местах в вагонах, за исключением дежурных. Была какая-то мертвая тишина... Безмолвные, но серьезные лица солдат, говорили сами за себя, что в их головах назрело то, что всего страшнее царскому трону. Они спокойно отвечали: „Мы трупа убирать не будем. Пусть народ знает, как с нами поступают“. С быстротой молнии распространился слух по всему узлу Курск II и даже среди «богомольцев». Не более как через $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{3}{4}$ часа вся жизнь станции замерла. Прекратили маневры, стали депо, мастерские—все было остановлено, все брошено. Сторожа, стрелочники, составители, замазанные рабочие с молотками в руках, крестьяне — богомольцы — все это лавиной двинулось к месту происшествия. Собралась толпа 4000—5000 человек. Стоял какой-то гул, похожий на стон, но стон о мести. Лица у всех были озлобленные, напря-

женные до последних пределов. Каждому хотелось дать свой совет к скорейшему способу мести. Всякие признаки охраны, жандармерии и администрации отсуествовали. Все они, как мыши, спрятались куда-то в норы.

Первое время толпа видя, что офицер заперся и добратся до него очень трудно, пробовала домкратами и другими способами опрокинуть вагон и тем заставить выйти офицера из вагона. Но этот способ не удался. Начали выбивать окна в вагоне камнями и чем попало. Машинист Панков вздумал отворить ключем дверь вагона, чтобы из него вытащить офицера. Но едва он приступил к этому, как был на вылет ранен в обе ноги выстрелом из нагана. Толпа еще более пришла в ярость. Кто-то из толпы крикнул: „Сжечь его негодяя“. Моментально появились нефть и мазут в ведрах и масленках, пакля и т. д. Взбирались на вагон, бросая паклю, намоченную в нефти, в трубы и окна. Наконец, факел и вагон вспыхнул— послышался выстрел. Охваченный пламенем вагон толпа на руках отвела от платформы, и когда он уже догорел, подвели паровоз и затушили его. Вытащили обгорелый труп, ругнули и бросили здесь же на песке. Труп убитого солдата был усыпан цветами. Нашлись даже такие, которые силою притащили попа, дьяка и т. д. и уже служилась панихида по солдату, производился сбор на похороны. Кто-то из толпы крикнул, что надо и офицера также почитать. Толпа запротестовала, требуя выбросить его труп в сливную яму, близ нефтекачки. Кончилось тем, что часа через три из Курска приехала кавалерия, но все уже спокойно расходились.

Предстояло другое—на арену выступала жандармерия и следственная власть. В ту-же ночь были произведены аресты.

В феврале 1905 года в Управлении МКВ ж. д. вспыхнула забастовка на почве экономических требований. Эту забастовку поддержало депо ст. Курск II, частично Курск I, телеграф и движение. Вопрос с ней был быстро ликвидирован уступками администрации и будто особого значения эти события не имели. Если же присмотреться ближе, то эти события имели огромное значение в смысле подготовки к дальнейшему.

Наступил Октябрь 1905 года.

Вечером 6-го октября по всей дороге телеграф сумел передать телеграмму Центр. Ком. ж.-д. союза о том, что Московский узел всех дорог целиком не работает, все дороги объявили забастовку, почему ЦК просит т. т. немедленно примкнуть к таковой, захватив в свои руки власть на местах и телеграф, который необходим для связи с местами и руководства действиями. Слухи о телеграмме быстро распространились. Кружками собираясь, служащие и рабочие обменивались мыслями, что делать, как быть. Неизбежное

росло. Но как, с чего начать—это знали еще очень немногие. Готовясь к событиям, они еще не были вполне организованы. В ночь на 7-е думать организаторам-партийцам об отдыхе было некогда. Вечерние совещания и частные переговоры открывали большие горизонты, возлагали большую ответственность. Все эти вопросы утром разрешились как-то безболезненно, без планов и систем.

С 10 часов утра 7 октября контора службы Движения Курск II МКВ ж. д. уже решила не работать. Телеграф тоже присоединяется и только ждет начала. Стрелочники и составители тоже ждут. Вопрос стоял только о депо. Но каково-же было удивление, когда, через 10-15 минут после переговоров по телефону с рабочими депо, получился ответ, что у них уже почти не работают, все готово. Не более как через час, т.-е. к 11 часам утра вокруг конторы службы Движения и телеграфа состоялся первый митинг рабочих и служащих МКВ ж. д., который единогласно постановил присоединиться к всеобщей забастовке, начавшейся в Москве, и не открывать движения до указаний ЦК ж.-д. союза. Фактически забастовка на ст. Курск II уже была на лицо. Требований и главных причин забастовки многие еще не понимали. На этом же митинге было выяснено, что Курск I МК и Южных ж. д. продолжает будто-бы работать и что у них неизвестно что делается, особенно на сл. движения и телеграфе. Вносится предложение немедленно всем присутствующим отправиться туда для снятия с работ, если даже и не всех, то хотя тех, которые возможно в силу обстоятельств работают. И вот, вся масса—более 300 человек—направляется через главную пассажирскую платформу к товарным конторам МК и Южн. ж. д. и телеграфу. Ни у кого нет мысли о том, что этому делу могут помешать жандармы, войска и т. п. Депо же МК, наоборот, идет снимать оставшихся рабочих депо МКВ ж. д. Вопрос разрешается безболезненно, за исключением кондукторских пассажирских бригад, которые явно были настроены против забастовки, а некоторые впоследствии даже содействовали жандармерии в уликах и выдаче забастовщиков.

Так начался первый день забастовки 7-го октября—день родов великой Русской Революции.

День 7-го октября 1905 года прошел в работе фактического прекращения работ, снятие и т. д.

На Курском узле МК и Южных дорог был организован забастовочный комитет. В него вошли следующие товарищи: Коньков, Сериков, Попов, Ульянов, Разиньков. Этот забастовочный комитет вошел в тесную связь с забастовочным комитетом Курск II МКВ ж. д., в котором работали Тутышкин, Сошников, Масальский. Курский узел был вполне организован. Была даже выделена комиссия по сбору

помощи нуждающимся забастовщикам в Курске II и городе. Помощь оказывалась деньгами. Вопрос о длительной забастовке был учтен и необходимость помощи многосемейным рабочим стала перед забастовочными комитетами. День 8-го октября начиная с 2-х часов, прошел в выборах комитета руководящего действиями всей дороги. Согласно программы ЦК ж.-д. союза, выборы были закончены в кратчайший срок. В него вошли: председателем Ефим Волков (с.-р.), секретарь Рахинский (б/парт.); членами от Управления дор. Паневин, Никулин, Анарделей, Сердюк (б/парт.), Корхов, Фисутин, Полечный (б/парт.); от Курского узла—Сошников, Тутышкин (с.-р), Масальский, Сундерлянд (б/парт.) и Коньков (РС-ДРП); от ст. Артаково—Мухин (с.-р.). Параллельно был организован комитет делегатов от служащих. С этого момента устанавливается полная связь с ЦК и связь с местами, особенно с Конотопом и Конотопскими мастерскими, через тов. Шора и советом 80. Первое, что было решено и проведено в жизнь, это необходимость руководства рабочими в смысле ежедневного освещения на митингах всех событий, совершающихся в России. Перед забастовочным Комитетом с первых дней стал целый ряд вопросов. Необходимо было бороться с отдельными группами, желающими приступить к работе на транспорте, так как это угрожало срывом забастовки. Надо было изолировать администрацию и жандармерию от влияния на массы. Соприкасающихся с жандармерией предавать публичному порицанию и объявлять бойкот.

С 8-го октября началась деловая работа по комитетам: разбор отдельных жалоб, систематизация требований по отдельным отраслям труда вместе с их представителями, уяснение и обсуждение этих требований; все это для того, чтобы потом из них создать общие требования и петиции. Эти требования проводились через комитет и через общее собрание служащих и рабочих, которые устраивались каждый день. На ряду с этими требованиями, шла пропаганда и доказывалась необходимость требований политического характера. Первые дни эти требования политического свойства вызвали протесты почти большинства участников забастовки. Но чем дальше, тем больше массы уясняли, что без этих требований обойтись нельзя, и уже огромные общие собрания большинством голосов были за них. Масса, еще не тронутая в смысле религии и т. д., настроенная либералами и др. прихвостнями, еще верила, что конституция и частичное удовлетворение их экономических требований даст им „земной рай“. Все что касалось „бога и царя“ раздражало многих. Если на митингах эта масса голосовала за требование левых, то нельзя было поручиться, что завтра часть из них, особенно служащие, не пойдут за конституцию и за либералами.

Это отношение к политическим требованиям со стороны рабочих объясняется и тем, что среди рабочих было незначительное число пролетариев. Большинство же из них представляло полукрестьян, полурабочих, так как каждый из них имел еще связь с сельским хозяйством. Другие же, жившие в сл. Ямской, также занимались домашним хозяйством и имели собственность. Надо было развить большую агитацию, надо было ясно и показательно доказать необходимость политических требований. Ежедневно были митинги, ежедневно на митингах разбрасывалась соответствующая литература—прокламации—с.-д. брошюры.

Перелом произошел. Все петиции имели пункты политических требований.

Работа черной сотни, полиции и жандармерии помогала рабочим увидеть, что здесь идет речь не о тех или иных несогласованностях с администрацией по экономическим вопросам, а что здесь—класс противостоял против класса.

9, 10, 11 и 12 октября отданы исключительно агитации и пропаганде. 13-го октября, ночью, на ст. Курск прибыла делегация—41 человек, из Харькова и Белгорода. Но жандармерия и полиция не спала. В 11 часов ночи 13-го октября все 41 человек арестовываются и отправляются в тюрьму за Московскими воротами. На другой день, 14 октября, рабочие, узнав про арест делегации, возмущались, но на улицах Ямской усиленно раз'езжали казаки.

19-го октября начинается движение поездов по Московской дороге, 20-го по Киево-Воронежской. Понемногу приступают к работе и рабочие Курского узла. 21-го октября жандармерия сообщает губернатору, что на узле и в депо и во всех службах работают и везде спокойно. „В войсках теперь надобности нет... на будущее время оставить на станции охрану в составе полуроты“.

Было не только спокойно, но и зловеще тихо. Дни октября, с 18-го по 20-е, были днями больших революционных уроков для рабочих. Рабочие видели чрезмерные радости либералов по поводу манифеста 17-го октября, они видели молебствия и пьянку черной сотни тоже по поводу того же манифеста, видели черную и подлую работу полиции и жандармерии среди черной сотни,—мясников, дворников, переодетых полицейских и охранников,—которую всяческими способами натравляли на рабочих, служащих и учащихся.

И в заключение, 19—20-го октября все рабочие были свидетелями отвратительного погрома еврейского населения г. Курска. Рабочие знали чьих рук эта работа.

Стоило над чем подумать, было из чего извлечь уроки. Шли аресты, допросы, преследования. Весь актив рабочих и служащих, так или иначе принимавший участие в забастовке, неустанно преследовался и жандармерией и полицией.

И к 9-му декабря 1905 г., к моменту, когда опять рабочий класс, в том числе и железнодорожники, объявили войну самодержавию и буржуазии, среди рабочих уже не было тех, кто руководил октябрьской забастовкой. Весь забастовочный комитет был в тюрьме.

Рис. 5. Члены железнодорожного комитета в тюрьме. Слева направо: (в первом ряду) Сундерланд, Масальский, Тутышкин, Коньков, Сошников; (во втором ряду): Волков С., Мухин, Волков Е. и Никулин.

Декабрьская забастовка началась репрессиями со стороны жандармских, полицейских властей и администрации дороги. В ночь на 9-е декабря арестовываются товарищи: Ефим Волков, Никулин, Сундерланд, Коньков, Скупинский, Сердюк, Тутышкин, Семен Волков и Подгородецкий.

Забастовка в депо Курск началась утром 8-го декабря; доклад о забастовке делает слесарь Назаров, который ночью под 8-е декабря возвратился из Москвы, куда он был командирован делегатом на съезд. Для обслуживания воинских поездов и с грузами для голодающих губерний, было по соглашению назначено дежурство по 4 паровоза и несколько слесарей и рабочих.

Все остальные слесаря и рабочие бросили работу и бастовали от 2 до 6 дней. Мастерские вагонного цеха и агенты по передаче работали все время, частью по собственному желанию, частью по назначению, за исключением слесаря Банчука, который принимал активное участие в забастовке и снятии с работы телеграфистов 8-го декабря.

Машинисты депо Курск активно участвовали только молодые, во главе которых стояли рабочие Тутышкин и Викторов. Пожилые машинисты держались в стороне от забастовки.

Телеграфисты бастовали частично. В первый день забастовки 8-го декабря бросили работу четыре телеграфиста Булатников, Колосов, Квасников, Овчаров; вечером того же дня не вступил на дежурство телеграфист Масленников, все остальные телеграфисты на дежурство являлись аккуратно и работали.

Декабрьская забастовка фактически полная на дороге была не более 3—4 дней. Остальное время, после ареста комитетов, таковая проводилась частично, главным образом по депо и мастерским. Таким образом, несмотря на массовые аресты, движение поездов на дороге было парализовано на 75% с 6-го по 13-е декабря.

Большую неустойчивость проявили служащие ж. д.

Комитет Управления 10-го декабря посылает срочную телеграмму Всероссийскому съезду железнодорожников, стачечным комитетам всех станций следующего содержания; „Наши главари, все делегаты арестованы. Стойте, братцы все“.

В тот же день состоялось собрание выборных от служащих М.-К.-В. ж. д. Были прочитаны полученные телеграммы протеста из Конотопа от имени 1000 человек, из Брянска от имени 600 человек. Здесь были зачитаны телеграммы адресованные к губернатору, министру путей сообщения и министру внутренних дел, Центральное Бюро, Курский Комитет и по всем станциям Всероссийских дорог с требованием о немедленном освобождении арестованных товарищей. Заседание выборных также получило от арестованных товарищей письмо, адресованное также по всем станциям, Совету Рабочих Депутатов, Центральное Бюро Всероссийского жел.-дор. союза, Бюро Конотоп и Комитету служащих Правления.

„Товарищи, по манифесту 17-го октября нас заключили в тюрьму ночью 9-го декабря. Продолжайте начатое дело—освобождения родины от ненавистного нам правительства. Привет Вам, товарищи, из Курской тюрьмы“.

Зачитав телеграммы, выборные постановили: „требовать немедленного освобождения арестованных, так как аресты эти являются актом самого грубого полицейского произвола, нарушающими принцип неприкосновенности личности. Выборные предупреждают, что меры эти, как все репрессии, только озлобляют служащих, и потому расчеты администрации подавить этими арестами забастовку не оправдаются“. Была избрана после этого комиссия, которая, совместно с членами местного союза присяжных поверенных, коман-

дируется к губернатору с требованием освобождения арестованных.

Кроме того, собрание вместо арестованных членов Бюро наметило их заместителей.

12-го декабря состоялось общее собрание служащих Управления, которое постановило „до освобождения арестованных товарищей, не приступать к занятиям“. 13-го декабря служащие Управления хотели снова собраться, но жандармы предупредили их. Утром 13-го декабря помощник Управляющего дорогой Ильин ввел войска и полицию в самое здание Управления и не разрешил не только устроить собрание, но не принял даже депутатов от служащих.

Кроме неслыханного насилия над свободой и правами служащих, Ильин, путем угроз, заставляет их приступать к занятиям, указывая на то, что будто-бы большинство «хочет работать».

Что работать служащие не хотели, об этом говорит постановление общего собрания служащих от 12-го декабря и ввод войска в здание Управления.

14-го декабря на собрании выборных от служащих было заслушано обращение к служащим Управления М.-К.-В. ж. д. следующего содержания:

„Товарищи, мы—ваши доверенные от служащих—считаем своим нравственным долгом, согласно единогласного постановления Общего собрания от 12-го декабря не вступать на службу до освобождения наших товарищей из тюрьмы. Помните, что один за всех и все за одного“. Постановили это воззвание отпечатать в возможно большем количестве—распространить между всеми товарищами—служащими для большего побуждения в них чувства солидарности, чувства сознательного отношения к тем фактам произвола, которые совершались в течение многих лет, и совершаются сейчас по всей России.

А реакция тем часом увеличивалась.

Во главе администрации дороги становится член «Союза русских людей» диктатор князь Енгальчев.

В здании Управления бодрствуют солдаты, полицейские и городовые внимательно следящие за каждым словом и шагом служащих.

Возбуждение служащих сильное. Унижение и оскорбление служащих, находящихся на службе и в то же время под арестом и полицейским надзором, приятно выражается на лицах начальствующих.

Под ударами реакции, выборные от служащих Управления, которые на заседании 14-го декабря решили не приступать к работе до освобождения арестованных товарищей, вынуждены были сдать 17-го декабря. Они выпустили к служащим Управления М.-К.-В. ж. д. свое прощальное заявление.

„Мы—выборные от служащих Управления М.-К.-В. ж. д.— не встретили активной поддержки со стороны своих выборщиков в ваших стремлениях освободить арестованных товарищей. Наши усилия добиться общего собрания, чтобы обсудить вопрос о способе освобождения товарищей, встретили противодействие со стороны администрации дороги, выставившей противные штыки солдат. Мы боролись моральной силой и противопоставить штыки штыкам не можем. Поэтому, мы уступаем грубой физической силе, твердо веруя, что конец произвола и бесправия близок. Вместе с тем, мы позволяем думать, что не на нашу совесть падет ответственность за то, что мы оставили на произвол администрации томящихся в тюрьме товарищей, которые в качестве выборных по обсуждению экономического и правового положения служащих в праве были рассчитывать на поддержку всех служащих Управления дороги.

17 декабря 1905 года.

Выборные.

К этому воззванию была приписка следующего содержания: „Товарищи арестованные при свидании с нами просили всех, не приступивших к занятиям, приступить, и освободили их от данного ими слова на общем собрании 12-го декабря“.

Таким образом, изолированные от руководителей, окруженные полицией, штыками и охранкой, рабочие Курского узла и служащие не могли проявить надлежащей силы и настойчивости в своих требованиях.

Декабрьская забастовка носит характер солидарности курских рабочих с рабочими других городов.

Декабрьская забастовка небольшой волной пронесется по периферии курского узла: бастует Льгов, Артаково, Коренево, бастует Конотоп.

Содержание.

	Стр.
Предисловие	3
Календарь событий	5
Экономические предпосылки движения 1905 года . .	19
Крестьянское движение	41
Из истории Курской организации РС-ДРП	85
Железнодорожные забастовки	121
